

Е.А. Михайлова

СКИТАНИЯ ВАРВАРЫ КУЗНЕЦОВОЙ

Чукотская экспедиция
Варвары Григорьевны Кузнецовой.
1948–1951 гг.

УДК 39(=551.1)
ББК 63.5
М69

Рецензенты:

Д.В. Арзютов, Н.Б. Вахтин

Михайлова Е. А.

М 69 Скитания Варвары Кузнецовой. Чукотская экспедиция Варвары Григорьевны Кузнецовой. 1948–1951 гг. / Отв. ред. к. и. н. Л. Р. Павлинская — СПб.: МАЭ РАН, 2015. — 190 с.

ISBN 978-5-88431-296-8

Издание, основанное на изучении дневников Варвары Григорьевны Кузнецовой, посвящено жизни и судьбе этого известного исследователя Крайнего Северо-Востока Азии, ее «чукотской эпопее» 1948–1951 гг.

В книге дан подробный очерк жизни исследовательницы, выдержанное в хронологической последовательности собственно описание «скитаний» и структурированное по смысловым единицам повествование: вращение в культурную среду, позиция в исследуемом социуме, культуртрегерство. Подробно и тщательно описан архив Кузнецовой и коллекция негативов и фотографий, дан обширный библиографический список.

Неотъемлемой частью издания являются иллюстрации.

УДК 39(=551.1)
ББК 63.5

При оформлении обложки использована фотография:

Этнограф В.Г. Кузнецова в чукотской одежде.

Отдых в пути из одного стойбища в другое. Река Экитыки.

Весна 1951 г. МАЭ РАН. И 1454-294/1

ISBN 978-5-88431-296-8

© Е. А. Михайлова, 2015
© МАЭ РАН, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Варвара Григорьевна Кузнецова. Краткая биография	7
Подготовка к экспедиции	13
Начало экспедиции	21
Тымнэнэнтын	28
Овладение чукотским языком	45
Первый год экспедиции (сентябрь 1948 — август 1949 гг.)	48
Второй год экспедиции (сентябрь 1949 — август 1950 гг.)	62
Третий год экспедиции (сентябрь 1950 — август 1951 гг.)	87
Врастание в культурную среду	105
Позиция в исследуемом социуме	126
В семье Тымнэнэнтына	126
Гостевание	136
Культуртрегерство	139
Архив В.Г. Кузнецовой в Музее антропологии и этнографии РАН	154
Состав архива	154
Характер записей	161
Коллекция негативов и фотографий	181
Заключение	183
Источники. Библиография	188

«14 ноября 1949 г.<...> Во имя чего я так ужасно страдаю и физически, и морально, главное морально».

«16 января 1951 г.<...> Навряд ли мои мучения перенесла бы женщина. Я же, уже совсем отупевшая, ковыляю по пути кочевков Тымненентына. Ошибочно было ехать неопытному человеку одному, да еще женщине, да к такому народу, как тундренные чукчи-единоличники. Ошибка неопытного человека и мой багаж. Если я еще стану заниматься этнографией, избави Бог от таких вещей».

«(24) 22 июля [1951 г.] Свинцовые тучи. Холодно. Ветер и дождь. <...> Сегодня пришла из Ванкарема факторийная байдара. <...> Анкай сказал, что забьют оленей, и, видимо, послезавтра байдара пойдет в Ванкарем. На морск[ом] берегу у байдары в палатке остались Малихин, Юразов, Кергынкеу и ванкаремский киномеханик. Пароход скоро придет в Ванкарем. Уже находится в Сердце-Камень. Ночи начинают темнеть. Сегодня холодно. Дрожь пробегает по коже, как вспоминаю чукотские зимы и кочевой быт».

Мало кто из исследователей, занимающихся этнологией Крайнего Северо-Востока Азии, а особенно те, кого интересует культура чукчей, не знает имени Варвары Григорьевны Кузнецовой, никогда не слышал о ее «чукотской эпопее» 1948–1951 гг. Отсутствие достоверных сведений об этой экспедиции породило немало домыслов и фантазий, в том числе и художественных¹ [Рытхэу 2003].

К сожалению, судьба В.Г. Кузнецовой сложилась трагически, она сама не успела ввести в научный оборот собранные ею интереснейшие эмпирические материалы, которые могли бы

составить настоящую и практически всеобъемлющую энциклопедию жизни чукчей-оленьеводов середины XX в. Единственным общедоступным итогом длительной экспедиционной работы В.Г. Кузнецовой стали опубликованная ею статья «Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей» [Кузнецова 1957: 263–326], а также большая коллекция фотографий, сделанных в экспедиции. Эта коллекция, представляющая собой интереснейшее документальное свидетельство об аборигенных народах и культурах, в настоящий момент в своей основной части доступна для обозрения и изучения на сайте МАЭ РАН¹.

Самая ценная часть научного наследия В.Г. Кузнецовой — полевые дневники, хранящиеся в архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) российской академии наук, пока остается неизданной.

Цель этой публикации, основанной главным образом на полевых дневниках В.Г. Кузнецовой и некоторых других архивных материалах, — рассказать об экспедиции середины XX в., отмеченной яркими родовыми чертами Ленинградской этнографической школы, вернуть из небытия имя Варвары Григорьевны Кузнецовой, отдать дань уважения самоотверженному исследователю-полевiku.

1 529 фотографий размещены в открытом доступе на сайте МАЭ РАН.

ВАРВАРА ГРИГОРЬЕВНА КУЗНЕЦОВА. КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ¹

Варвара Григорьевна Кузнецова родилась 13 ноября² 1912 г. в селе Спасо-Талица Оричевского района Кировской области. Это село было родиной матери Варвары Григорьевны — Клавдии Ивановны Бехтеревой, крестьянки. Ее отец, Григорий Ильич Кузнецов, по национальности мариец, по происхождению крестьянин, был почтовым работником. В 1926 г. после смерти отца семья переехала на его родину — в Марийскую АССР, в деревню Большой Руял. В семье было шестеро детей. К тому времени Варваре исполнилось тринадцать лет, и она была старшей. В 1929 г. она окончила Мари-Биляморскую школу девятилетку с педаго-

1 Биографический очерк составлен на основании следующих архивных материалов: Кузнецова В.Г. Личное дело. Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 7. Ед. хр. 6; Кузнецова В.Г. Личный листок по учету кадров. Государственный музей этнографии народов СССР. Ф. 2. Оп. 3. Д. 114. 35 л.

2 В личном листке по учету кадров из Государственного музея этнографии народов СССР фигурируют две даты рождения: 31 октября и 13 ноября [Кузнецова В.Г. Личный листок по учету кадров. Ф. 2. Оп. 3. Д. 114. Л. 1, 5]. Очевидно, в первом случае дата рождения указана по юлианскому календарю (старый стиль), а во втором случае — по календарю григорианскому (новый стиль).

гическим уклоном, после чего в течение трех лет работала в селах Марийской АССР: сначала учительницей в начальной школе в деревне Шолнер, затем преподавала русский язык и литературу в марийской школе семилетке в деревне Карлыган.

С 1932 по 1933 гг. В.Г. Кузнецова жила во Владивостоке, преподавала в школе, поступила в педагогический институт. Проучившись в институте всего один месяц, она по мобилизации обкома уехала на лесозаготовки, где провела около двух месяцев и более во Владивостокский педагогический институт не возвращалась.

В 1933 г. она приехала в Ленинград и была принята, как писала в автобиографии и как значится в ее личном деле, в Государственный университет на исторический факультет, который окончила в 1939 г. (имела год перерыва по болезни)¹.

Историческое образование в начале 1930-х годов пребывало в упадке. Место неблагонадежных профессоров старой школы занимала «красная профессура», лекции были отменены, главным учебником была «Русская история» историка-большевика М.Н. Покровского. Ситуация заметно улучшилась с восстановлением в 1934 г. исторического факультета университета. Уровень преподавания стал приближаться к старому, дореволюционному. Историю доклассового общества здесь читал И.Н. Винников, историю древнего Востока — В.В. Струве, курс по истории СССР — Б.Д. Греков и В.В. Мавродин, европейскую историю — вернувшийся в 1937 г. из ссылки Е.В. Тарле. Надо полагать, В.Г. Кузнецова получила хорошее классическое историческое образование.

¹ Вероятно, В.Г. Кузнецова не стала вдаваться в подробности реформирования институтов высшего образования в Ленинграде. На самом деле в 1933 г. исторического факультета Ленинградского университета не существовало, он был воссоздан только в 1934 г. С первых же лет советской власти историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета подвергся реформированию. Сначала его превратили в историческое отделение факультета общественных наук. В 1925 г. историки оказались в составе ямфака (факультета языкознания и истории материальной культуры). В 1929 г. на основе ямфака был создан Ленинградский историко-лингвистический институт (ЛИЛИ), который уже через год стал Ленинградским институтом истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). Следует заметить, что в ЛИЛИ было этнографическое отделение, где читала курсы лекций и вела семинарские занятия ученица Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза Н.П. Дыренкова. В 1936–1937 гг. филологический и исторический факультеты ЛИФЛИ были объединены с воссозданным в 1934 г. историческим факультетом Ленинградского университета.

В 1939–1942 гг. В.Г. Кузнецова работала экскурсоводом — научным сотрудником Государственного музея этнографии народов СССР (ГМЭ)¹. За время службы в музее ею были составлены разработки: «Реформы Петра I», «Народы Сибири (чукчи, эвенки)», «Западная Украина и Западная Белоруссия»; подготовлена экскурсия «По следам варварского разрушения ГМЭ». Из этого перечня не следует, что, работая в ГМЭ, В.Г. Кузнецова сколько-нибудь целенаправленно занималась сибирской (и чукотской, в частности) тематикой.

В годы Великой Отечественной войны Варвара Григорьевна оставалась в Ленинграде. Вместе с другими сотрудниками музея она подготовила к эвакуации наиболее ценные коллекции, с первых дней войны стала бойцом пожарного отделения и пожарной команды, защищавшей музей. В 1941 г. в результате бомбовых ударов здание музея было сильно разрушено: рухнула часть перекрытий и стен, пострадали залы музея и его фондохранилище. В момент попадания бомбы в здание ГМЭ 5 декабря 1941 г. В.Г. Кузнецова была контужена. Участвовала она и в оборонительных работах города: в Шимске, Погорелье, Большом Кузьмино-Детском селе, Обухове.

Пережить блокаду помог случай в лице ее соседа по коммунальной квартире, некоего Ильи Михайловича, «начальника госпиталей блокадного Ленинграда», которого В.Г. Кузнецова упоминает в своих экспедиционных дневниках. Как следует из дневниковых записей, Илья Михайлович устроил ее на должность диетсестры в госпитале № 78. Вероятно, это был эвакуогоспиталь, развернутый в стенах Государственного института для усовершенствования врачей (ГИДУВ), поскольку в трудовой книжке В.Г. Кузнецовой имеется соответствующая запись о том, что с 20 января 1942 г. местом ее работы была именно эта организация. В госпитале она и проработала практически до конца блокады: с 20 января 1942 г. по март 1944 г.

В марте 1944 г. Варвара Григорьевна вернулась на работу в ГМЭ, но уже 1 декабря 1944 г. поступила в очную аспирантуру Института этнографии АН СССР по специальности «Этнография Северной Азии». Тема диссертации «Чаунские и Амгуэмские чукчи (комплексное описание)». В работе предпола-

1 Ныне Российский этнографический музей (РЭМ).

Рис. 1. В.Г.Кузнецова, аспирантка сектора этнографии Сибири. 1948 г. МАЭ РАН. И 1370-60/1

гальсь сделать акцент на вопросах, касающиеся социального строя чукчей и их семейно-брачных отношений (рис. 1).

Руководителем аспирантки был назначен д.и.н. проф. Н.Н. Степанов (заместитель директора Института этнографии в 1945–1948 гг.), научным консультантом выступал к.и.н. И.С. Вдовин.

В 1946–1947 гг. В.Г. Кузнецова училась в аспирантуре, сдавала кандидатские экзамены. Кандидатский минимум был сдан не блестяще: английский — хорошо, немецкий — хорошо, философия — удовлетворительно, общая этнография — хорошо. В августе 1947 г. на аспирантском семинаре Варвара Григорьевна сделала доклад на тему «Хозяйство приморских и оленных чукчей». В выписке из протокола заседания семинара отмечено, что доклад показал хорошее знание аспиранткой литературы по специальности, но отдельные вопросы требуют доработки. Рекомендовано «еще раз пересмотреть коллекции МАЭ» [Кузнецова 1944–1956: 20].

План работы над диссертацией, разумеется, включал полевые исследования. На Чукотку В.Г. Кузнецова отбыла в феврале (или марте) 1948 г.¹ По возвращении из экспедиции, 28 ноября 1951 г. она была зачислена на должность младшего научного сотрудника сектора этнографии Сибири Ленинградской части Института этнографии АН СССР (рис. 2).

Уже в 1953 г. у В.Г. Кузнецовой начались серьезные проблемы со здоровьем, связанные с функциональным расстройством,

1 В личном деле В.Г. Кузнецовой имеется справка, выданная в народный суд, о том, что она выехала в командировку на Чукотский полуостров с 17 марта 1948 г. сроком на один год (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 7. Д. 6. Л. 26). В другом документе того же личного дела («Личной карточке», заполняемой отделом кадров) имеются другие даты пребывания в «Чукотской экспедиции»: 20 февраля 1948 г. — 9 сентября 1951 г.

а затем и органическим поражением центральной нервной системы. В.Г. Кузнецова вынуждена была длительное время находиться на больничном, работать она практически не могла. Л.В. Хомич, поступившая работать в сектор Сибири в 1956 г. на место В.Г. Кузнецовой, говорила, что сектор в течение трех лет удерживал штатную единицу за Варварой Кузнецовой. В 1956 г. Президиум Академии наук не разрешил дольше держать ставку и предложил найти другого сотрудника

Рис. 2. В.Г. Кузнецова, младший научный сотрудник сектора этнографии Сибири. 1952 г. МАЭ РАН. И 1370-60/3

(это и была Л.В. Хомич). 6 сентября 1956 г. в связи с длительной болезнью В.Г. Кузнецова была уволена из Института. Умерла В.Г. Кузнецова в конце 1960-х годов.

В.Г. Кузнецова была награждена медалью «За оборону Ленинграда» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

С 1927 г. по 1942 г. В.Г. Кузнецова состояла членом ВЛКСМ. В сентябре 1944 г. была принята кандидатом в члены ВКП(б), с 1946 г. — член ВКП(б).

Несколько слов о семье. Как уже говорилось, В.Г. Кузнецова происходила из многодетной семьи. В 1951 г. (когда Варвара Григорьевна заполняла «Анкетный лист» и «Личный листок по учету кадров», вернувшись в Ленинград из экспедиции) ее мать продолжала жить в деревне Большой Руял Мордовской АССР, работая на колхозном крахмало-паточном заводе. Сестра же и братья переехали к этому времени в Ленинград. Сестра Васильева Лидия Григорьевна во время Великой Отечественной войны была в армии, после войны работала «инспектором государственного дохода» в Московском районе. Самый младший брат Владимир был учеником токаря на заводе «Метеоприбор». Брат Анатолий был офицером Советской армии и погиб на фронте. Брат Александр во время Великой Отечественной вой-

ны попал в плен и в 1948 г. был арестован органами МГБ. Произошло это трагическое событие уже после отъезда Варвары Григорьевны в экспедицию.

Боевал и муж Варвары Григорьевны — Михаил Иванович Беляев, в 1944 г. он работал в отделе печати Министерства вооруженных сил, в Москве. В 1944 г. Варвара Григорьевна просила в ГМЭ отпуск на две недели для поездки в Москву «к своей семье». Заполняя документы для отдела кадров в 1951 г., Варвара Григорьевна писала, что она разведена. Вероятно, развод был оформлен в 1948 г. после отъезда в экспедицию. В личном деле В.Г. Кузнецовой имеется запрос из народного суда Куйбышевского района, датированный 14.05.1948 г. с просьбой к Институту этнографии предоставить в суд справку о том, что В.Г. Кузнецова находится в командировке. Полагаю, что запрос этот мог быть связан с расторжением брака или, что менее вероятно, с арестом брата Александра.

ПОДГОТОВКА К ЭКСПЕДИЦИИ

Экспедиционный опыт у В.Г. Кузнецовой в силу ее «непрофильного» образования отсутствовал. Обучение на историческом факультете не предусматривало специальной подготовки к полевой работе, которой, как известно, уделяли особое внимание Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз на этнографическом факультете Географического института, этнографическом отделении географического факультета Ленинградского университета и в Институте народов Севера. Этой прочной базы профессионального этнографа у В.Г. Кузнецовой не было. Ее долгосрочной экспедиции на Чукотку не предшествовали полевая этнографическая практика — «каникулярные экскурсии» студентов-этнографов и доскопальное обсуждение на семинарах курса полевой этнографии приобретенного полевого опыта, достижений и просчетов. Она могла лишь пользоваться накопленным коллективным опытом ведения полевой работы — «сводкой инструкционного курса по полевой этнографии» [Макарьев 1928: 3].

Замечу, что предупреждение В.Г. Богораза, приведенное в упомянутом руководстве С.А. Макарьева, оказалось для

В.Г. Кузнецовой провидческим: «Молодые экскурсанты часто выбирают районы далекие и малоизвестные, где работа для них совершенно непосильна. <...> Начинаящему этнографу особенно важно выбрать район подходящий, соответствующий не только умению, знанию, но даже и вкусу работника» [Макарьев 1928: 9].

Отдел (сектор) Сибири, к которому для прохождения аспирантуры была прикреплена В.Г. Кузнецова, в эти годы деятельно поддерживал и развивал традиции Ленинградской этнографической школы. Здесь работали ученики Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза, получившие образование на этнографическом отделении Ленинградского университета в 1920-е годы и в Институте народов Севера в 1930-е годы, уже состоявшиеся исследователи: Леонид Павлович Потапов¹, Андрей Александрович Попов, Екатерина Дмитриевна Прокофьева, Сергей Васильевич Иванов, Валентина Васильевна Антропова, Надежда Петровна Дыренкова. Здесь осуществлялась живая передача знаний о полевой работе, собственном полевом опыте. Четыре с лишним года, проведенные в этом коллективе, несомненно, имели очень большое значение для предстоящей экспедиционной работы.

К подготовке аспирантки был привлечен Иннокентий Степанович Вдовин. В 1946 г. он вернулся из эвакуации в Ленинград и приступил к работе на Восточном факультете Ленинградского государственного университета (Северное отделение) и в Секторе языков народов Севера Института языка и мышления им. Н.Я. Марра (позже — Институт языкознания АН СССР). Сотрудником Института этнографии в ту пору он не был, поэтому был привлечен в качестве научного консультанта. На деле же был, надо думать, именно научным руководителем. И лучшего научного руководителя трудно было себе представить. И.С. Вдовин был к этому времени признанным специалистом по истории и этнографии чукчей². Он хорошо (теоретически и практически) знал чукотский язык, который он начал изучать еще под руководством В.Г. Богораза. У него был боль-

1 В 1943–1946 гг. докторант института, а затем заведующий сектором Сибири.

2 Осенью 1941 г. в осажденном Ленинграде И.С. Вдовин защитил кандидатскую диссертацию «Русско-чукотские отношения XVII–XIX веков».

шой опыт полевой работы на Чукотке. «По побережью Ледовитого океана, от залива Лаврентия до Чаунской губы, я проехал на собаках через все имевшиеся там населенные пункты оседлых чукчей», — писал И.С. Вдовин в автобиографии. — Перекочевки с оленеводами дали возможность ближе ознакомиться с бытом чукчей. Тесная связь с кочевым народом, участие в жизни стойбищ были лучшей школой для познания языка и культуры этого народа [Вдовин 2008: 48].

Надо полагать, при непосредственном участии И.С. Вдовина для исследования была выбрана именно амгуэмская группа чукчей. К началу 1950-х годов на Чукотке сложилась своеобразная обстановка. В ту пору на обширнейшей внутренней территории округа еще не были сформированы органы государственного управления. В предвоенные годы советской властью осваивались в основном самые доступные прибрежные и восточные районы и долина реки Анадырь. Здесь строились и расширялись административные центры, школы, фактории, радиостанции, а добраться до глубинных районов округа тогда не было средств и возможностей. И в отдаленных местах, в горах и тундрах, в сотнях километров от берега моря и населенных пунктов чукчи продолжали сохранять традиционный уклад жизни. Одной из таких групп были амгуэмские чукчи, кочевавшие по всей долине Амгуэмы и в ее малодоступных верховьях [Андронов 2008: 102].

Один из основных постулатов Ленинградской этнографической школы — длительная стационарная экспедиционная работа, т.н. «этнографический год» (лето + зима + лето) [Богораз 1930: 3], включая 2–3 месяца на вживание в этнографическую среду. Соответственно этому неременному требованию для аспирантки В.Г. Кузнецовой планировалась достаточно длительная экспедиция. Конкретные сроки полевой работы несколько раз менялись и уточнялись. В аспирантском плане В.Г. Кузнецовой сначала предусматривалась годичная научная командировка на Чукотку с весны 1947 г. [Кузнецова 1944–1956: 14]. Затем (вероятно, в связи с возникшей возможностью включиться в работу Чукотской комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР) ей была предложена двухлетняя экспедиция (1947–1949 гг.) с перерывом обучения в аспирантуре [Кузнецова 1944–1956: 13]. На деле В.Г. Кузнецова провела на

Чукотке ровно три года (с августа 1948 по август 1951 гг). В связи с этим срок пребывания в аспирантуре несколько раз продлевался. Сначала В.Г. Кузнецовой был предоставлен годичный отпуск с 20.2.1948 по 20.2.1949 гг. в связи с участием в работах Чукотской экспедиции. Затем срок пребывания в аспирантуре был продлен до 1 апреля 1950 г. в связи с продолжением научно-исследовательской работы на Чукотке, наконец, особым распоряжением пребывание в аспирантуре было продлено до 1 января 1951 г.

Экспедиционный выезд В.Г. Кузнецовой формально был причислен к Чукотской комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР, которая была частью более широкого экспедиционного проекта — Северо-Восточной комплексной экспедиции, организованной в 1945 г. Институтом этнографии АН СССР совместно с Институтом истории материальной культуры АН СССР¹. Центральной темой исследований экспедиции были заявлены древнейшие связи Северо-Восточной Азии и Северной Америки и первоначальное заселения американского континента.

Идея организации новой масштабной комплексной экспедиции, которая должна была продолжать, развивать и расширять исследования Северо-Тихоокеанской экспедиции Джексона, организатором и руководителем которой выступил куратор отдела антропологии Американского музея естественной истории в Нью-Йорке Франс Боас, принадлежала еще В.Г. Богоразу. В последние годы своей жизни он работал над составлением плана экспедиции, который предусматривал (среди прочего) проведение серьезных археологических изысканий, что должно было значительно расширить исследовательскую базу, созданную Джезуповской экспедицией и, таким образом, способствовать разрешению вопросов о времени и путях заселения Америки. Эта амбициозная задача требовала более широких и профессиональных антропологических исследований. Не случайно ведущую роль в Северо-Восточной комплексной экспедиции играли именно физические антропологи Г.Ф. Дебец и М.Г. Левин.

¹ Институт истории материальной культуры, переведенный в 1943 г. из Ленинграда в Москву, в 1956 г. был переименован в Институт археологии АН СССР.

Общее руководство Чукотской комплексной экспедицией осуществлял д.б.н. Г.Ф. Дебец. Задачей этой экспедиции являлось антропологическое, археологическое и этнографическое изучение Чукотского полуострова. Рекогносцировочный отряд в составе начальника экспедиции Г.Ф. Дебца и сотрудника Института художественной промышленности И.П. Лаврова в 1945 г. работал на Чукотке, проводя археологическую разведку на побережье. Параллельно с И.П. Лавровым, работавшим в районе поселков Нунлигран и Энмылен, археологические работы по поручению Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР проводил С.И. Руденко, который обследовал практически все побережье Чукотки от мыса Дежнева на Северо-Востоке до мыса Якун на Юго-Западе¹. В 1945–1947 гг. Г.Ф. Дебец изучал различные группы эскимосов, чукчей, коряков, эвенов и ительменов Камчатской области².

Этнографическую составляющую комплексной экспедиции на первом этапе и должна была обеспечить В.Г. Кузнецова. Ее экспедиционные исследования продолжали работу В.Г. Богораза в русле широких задач Северо-Тихоокеанской экспедиции Джезупа, а также, разумеется, в соответствии с политикой советской власти, они должны были способствовать дальнейшему изучению народов Севера для задач социалистического строительства.

Все возможные консультации теоретического, методологического, практического характера В.Г. Кузнецова могла получить и, несомненно, получила и от И. С.Вдовина, и от опытных полевых исследователей Е.Д. Прокофьевой, А.А. Попова, Г.М. Василевич³ (рис. 3).

За время обучения в аспирантуре В.Г. Кузнецова освоила необходимую литературу, была знакома с материальной культурой чукчей по музейным коллекциям. Специальные дисциплины, которые должна была изучать аспирантка (помимо кан-

1 Результаты первого археологического обследования побережья Чукотки были оперативно опубликованы С.И. Руденко уже в 1947 г. [Руденко 1947].

2 В 1951 г. по материалам экспедиции была издана монография [Дебец 1951].

3 Г.М. Василевич в 1947–1948 гг. провела две длительные стационарные экспедиции в южные районы Якутии и Хабаровского края. Но в феврале 1948 г. она на несколько месяцев вернулась в Ленинград.

Рис. 3. В.Г. Кузнецова, А.А. Попов и Г.М. Василевич за разборкой сибирских коллекций. 1945 г. МАЭ РАН. И 1376-33

дидатского минимума), включали этнографию, археологию, антропологию. Знание языка народа, исследованием которого предполагал заниматься ученый, было неперенным требованием Ленинградской этнографической школы. Соответственно программа аспирантской подготовки предусматривала изучение чукотского языка. У В.Г. Кузнецовой был хороший преподаватель — И.С. Вдовин. На Чукотку она прибыла, вооруженная «Букварем» И.С. Вдовина, но ни понимать чукотскую речь, ни говорить самой хоть в малой степени она еще не могла. Впрочем, для начинающего исследователя в те годы самостоятельное освоение языка в поле было обычной практикой. Такой опыт имели и сам И.С. Вдовин, и Е.Д. Прокофьева, и многие другие.

Немаловажное значение, как выяснится позже, имела и практическая подготовка экспедиции, в частности полевая экипировка и оборудование. Все необходимые в экспедиции вещи были упакованы в чемоданы и «экспедиционные ящики». В ящике с «канцелярией» лежали письменные принадлежности, запас тетрадей для дневников, свечи, а также книги. В дневниках, помимо «Букваря» И.С. Вдовина, упоминаются «Чукчи» В.Г. Богораза и «Семья и род у народов Северо-Восточной Азии» Л.Я. Штернберга. В.Г. Кузнецова читала и перечитывала эти

книги, делала из них выписки в свои полевые дневники, продолжая и в экспедиции освоение «нормативной» этнографической литературы по специальности.

Из экспедиционной одежды в полевых дневниках упоминаются ватные куртка («телогрейка») и брюки, лыжные (вероятно, байковые) штаны и куртка, гимнастерка, употреблявшаяся наряду с мужскими кальсонами и нижней рубашкой в качестве белья. Институт снабдил В.Г. Кузнецову также «кукулем» (спальным мешком из меха) и полушубком из белой овчины. Этот «институтский полушубок», как называла его В.Г. Кузнецова, со временем был употреблен на отделку подола и обшлагов рукавов чукотской одежды из оленьего меха, которую носила В.Г. Кузнецова в экспедиции. Более практичное применение, кстати, нашел и ватник. Из его рукавов был сшит футляр для фотоаппарата и экспонометра. Были еще некие «японские рукавицы», от которых В.Г. Кузнецова отрезала «напалечник» и одевала их поверх меховых чижей в свои торбазы. В дневниках фигурирует также маска для лица, которую В.Г. Кузнецова надевала в самые отчаянные холода и которая очень смешила чукчей. Взяла она с собой в поле и такую «нужную» вещь, как крепдешиновая косыночка, которую пришлось заменить на а'ноквын — меховой нагрудник.

Фотооборудование. Пленочные негативы, размером 6×6 см, позволяют говорить о том, что пользовалась В.Г. Кузнецова, по всей вероятности, фотоаппаратом «Комсомолец» (двухобъективная зеркальная фотокамера, выпускавшаяся в 1946–1951 гг. Государственным оптико-механическим заводом (ГОМЗ), позже известном как Ленинградское оптико-механическое объединение (ЛОМО). В аппарате использовалась пленка типа 120 (рольфильм), неперфорированная, в катушках без кассеты. Хранилась пленка в железном ящике, для которого в экспедиции В.Г. Кузнецова сшила меховой чехол. Выдержка и диафрагма выставлялись вручную, для чего требовался экспонометр. Для улучшения качества фотографий в экспедицию был взят штатив.

В отдельном ящике хранились лекарства: от порезов — кровоостанавливающий «белый карандаш с немецкой этикеткой», борный и нашатырный спирт, сода, стрептоцид, таблетки белладонны с салолом (от пищевых отравлений), порошок

«Миграфен» (противовоспалительное средство), глазные цинковые капли, лекарство от кашля — пектусин Вальда, а также сульфидин, который В.Г. Кузнецова принимала при сильной простуде.

В.Г. Кузнецова запаслась разнообразными предметами, предназначенными для обмена, подарков, оплаты за услуги. Это были дешевые украшения (бусы, кольца, браслеты, серьги), бусины и бисер, зеркальца, иголки, наперстки, булавки, лоскуты и ленты цветного ситца, «морские» и медные пуговицы, значки с изображением В.И. Ленина, красные звездочки, какие-то «железки» (как писала она сама) и т.д.

Кроме того, имелся рюкзак («наплечный мешок»), кожаный портфель («еще ленинградский портфель»), папка с тетрадями и картами, полевая сумка. В полевой сумке В.Г. Кузнецова хранила, кроме всего прочего, личную посуду: ложку и эмалированную кружку.

НАЧАЛО ЭКСПЕДИЦИИ

К сожалению, первые две тетради полевых записей со сведениями о том, как В.Г. Кузнецова добиралась на Чукотку, и о первых днях и месяцах ее пребывания в экспедиции утрачены. Отсутствующие записи в определенной мере восполняют сделанные в августе — сентябре 1948 г. фотографии.

На Чукотку В.Г. Кузнецова отправилась обычным для того времени маршрутом: сначала поездом до Владивостока, а оттуда пассажирско-грузовым пароходом «Анадырь» до одного из поселков побережья Чукотки. Остается неясным, в какой именно поселок она прибыла. Возможно, это был поселок Лаврентия — районный центр Чукотского района в Губе Святого Лаврентия (Чукотская культбаза). Здесь находились райисполком и райком ВКП(б). Более вероятно — береговой поселок Ванкарем, который, как писала сама В.Г. Кузнецова, и «должен был стать начальной точкой экспедиционной работы» [Кузнецова 1954: 1]. Пароходы приходили в Ванкарем обычно в начале августа.

Время прибытия в Ванкарем и место начала экспедиционных работ было выбрано очень рационально и со знанием

особенностей хозяйственного цикла группы, которую В.Г. Кузнецова собиралась исследовать. Основные хозяйственные территории амгуэмских чукчей располагались на левобережье Амгуэмы — по ее притокам Экитыки (впадает в одноименное озеро), Энмывааму (Эньмувеему), Энгергыну (правый приток Экитыки). К лету же они переходили на правый берег Амгуэмы, продвигаясь к морскому побережью. Учитывая трудности сообщения по безлесной тундре зимой с частыми непогодами и в летнее бездорожье, единственным удобным для контакта местом оказывалось именно побережье Чукотского моря в местности Ыпъэн, западнее поселка Ванкарем, где обыкновенно проводили лето многие стойбища амгуэмских чукчей.

В этой же местности на реке Рыкууль (левый приток Ванкарема) проводилась в начале осени ежегодная ярмарка. Здесь приморские и оленные чукчи обменивались продуктами своего хозяйства (жир, мясо и шкуры морских животных, оленье мясо и шкуры). Ярмарка предоставляла чукчам возможность и сдать излишки своей продукции представителям торгово-заготовительной базы, и закупить в выездной лавке привозные товары (табак, муку, консервы), бытовые и ружейные припасы и изделия (рис. 4, 5, 6, 7, 8, 9).

Ванкаремская ярмарка в 1948 г. работала с 1 по 7 сентября и собрала большое количество береговых и оленных чукчей [Кузнецова 1948–1951: 336¹]. Из описи коллекции негативов, сделанных в экспедиции В.Г. Кузнецовой, следует, что на Ванкаремской ярмарке присутствовали представители Чукотского райкома партии. Как писала В.Г. Кузнецова, «бригада Чукотского райкома партии», работавшая в это время в стойбищах амгуэмской тундры. В состав бригады входили: Анкаути (председатель Амгуэмского сельского совета), Айнэвтэгын (Эйневтэгын)² (учитель кочевой школы Амгуэмского сельсовета) и некий Инки. Возглавлял бригаду инструктор Чукотского райкома партии И.Ф. Гущин (рис. 10, 11, 12).

1 Здесь и далее дается ссылка на номер дневника по архивной описи.

2 Михаил Васильевич Айневтегин — один из первых выпускников Анадырского педагогического училища (1953 г.). В дальнейшем известный на Чукотке педагог, Заслуженный учитель школ РСФСР.

Рис. 4. Приморские и кочевые чукчи на открытии Ванкаремской ярмарки. МАЭ РАН. И 1454-344¹

Рис. 5. Временное жилище приморских чукчей, прибывших в тундру на обменную ярмарку с кочевыми чукчами. Река Рыкууль. 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-341

1 Подписи к фотографиям воспроизводят текст описи коллекции № И 1454, зарегистрированной В.Г.Кузнецовой.

Рис. 6. Продажа товаров кочевым чукчам на осенней ярмарке. Река Рыкууль. 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-352

Рис. 7. Береговая чукчанка Наленаут из поселка Нешкан за разделкой оленьих туш, заколотых оленеводами в обмен на продукты приморского хозяйства. Обменная ярмарка на реке Рыкууль, 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-357

Рис. 8. Оформление актов покупки оленей живым весом у амгуэмских чукчей Ванкаремской торгово-заготовительной базой. 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-353

Рис. 9. У выездного ларька с товарами сидит оленный чукча Тымнэнэтын (курит трубку). Река Рыкууль. 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-362

Рис. 10. Выступление руководителя бригады Чукотского райкома партии товарища Гущина в день открытия ярмарки. Река Рыкууль, 1 сентября 1948 г.
МАЭ РАН. И 1454-343

Рис. 11. Бригада Чукотского райкома партии: Анкаугэ, Айнэвтэгын, Инки; заведующий Ванкаремской торгово-заготовительной базой А.П.Мельников.
МАЭ РАН. И 1454-335

Рис. 12. Руководитель бригады Чукотского райкома партии, работавшей в стойбищах амгуэмской тундры весной и летом 1948 года, И.Ф.Гущин.

МАЭ РАН. И 1454-337/2

Скорее всего, прибыв на Чукотку, В.Г. Кузнецова сразу же обратилась, как это было принято, к помощи райкома партии. И.Ф. Гущин на первое время взял ее под свою опеку, и В.Г. Кузнецова вместе с членами его бригады летом 1948 г. выезжала в тундру, принимала участие в обследовании населения бассейна Амгуэмы. В дневниках есть упоминание о встрече с некоей чукчанкой, которую В.Г. Кузнецова узнала, поскольку видела ее раньше — она «была в стойбище Омрыквота, когда я впервые прибыла в тундру с Гущиным» [Кузнецова 1948–1951: 334]. В архиве сохранилась тетрадь со «Списком населения Амгуэмской тундры. Сведения 1948 г. — лета (работа бригады Гущина)» [Кузнецова 1948–1951: 337]. Таким образом В.Г. Кузнецовой удалось, в соответствии с нормами полевой работы, осуществить первый ее этап — составить список населения исследуемого района.

Надо полагать, И.Ф. Гущин порекомендовал В.Г. Кузнецовой и стойбище, в котором целесообразно будет вести работу.

Рис. 13. Вручение премии на осенней обменной ярмарке первому председателю колхоза «Тундровик» Тымнэнэнтыну (премия: чайник, чашка с блюдцем, серьги). Река Рыкуль, 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-342

Не удивительно, что выбор его пал на человека, в районе известного — первого председателя колхоза «Тундровик» Амгуэмского сельсовета Чукотского района Тымнэнэнтына (рис. 13).

ТЫМНЭНЭНТЫН

Тымнэнэнтын (Тымненентын, Тымненентин)¹ — главный чукотский персонаж нашей истории, хозяин стойбища, в котором В.Г. Кузнецова провела большую часть своей экспедиции. Сам Тымнэнэнтын, члены его семьи, родственники, соседи по стойбищу будут часто упоминаться в тексте. Поэтому прежде чем преступить к рассказу о пребывании В.Г. Кузнецовой на Чукотке, имеет смысл сказать несколько слов о Тымнэнэнтыне и ближайшем родственном пространстве его семьи (рис. 14).

Тымнэнэнтын был председателем первого в Чукотском районе² колхоза «Тундровик». Он счастливо сочетал свой про-

1 В дневниковых записях Кузнецова фиксирует имена, термины «на слух». В сносках дает словарное написание.

2 Современный Иультинский район. Иультинский район выделился из Чукотского района, где были Амгуэмский, Ванкаремский сельские советы. Центр изначально — Чукотская культбаза, Губа Святого Лаврентия. В 1953 г. образован Иультинский район с центром в поселке Эгвекинот.

Рис. 14. Первый председатель колхоза «Тундровик» Амгуэмского сельсовета Тымнэнэнтын с женой Гувукай. 20 сентября 1948 г.
МАЭ РАН. И 1454-267/1-2 (монтаж)

двинутый социальный статус с традиционными ценностями, это же следует сказать и о других членах его семьи:

Сам старик Тымнэнэнтын является большим приверженцем старины, соблюдения правил и обрядов старины, и в яранге строго поддерживается всякая обрядность, а отступление от нее считаются нетерпимым пренебрежительным отношением к чукотским обычаям и пресекаются. [Кузнецова 1948–1951: 405, Л. 118–119].

15 сентября 1950 г. <...> Эттыкутгэут заворчала на Омр[увакат]гавыт, девушка не столько рубит кости,

сколько занимается едой, сидя у такаманъёлгына¹ — оглаживает кости (еп эрымнукинэт), кушает выбитый из костей мозг. Хозяйка ей сказала — возьми и покушай, а не устраивай из такаманъёлгына кэмэны², это грешно. Женщины этой яранги очень следят за правилами старины [Кузнецова, 1948–1951: 357].

В упоминавшемся «Списке населения Амгуэмской тундры» указан год рождения Тымнэнэнтына — 1882. Значит, в 1948 г. ему было 66 лет. Он был женат на Увакай (Вувакай, Гувакай). Если ориентироваться на данные того же «Списка», она была намного старше своего мужа, ей было 88 лет (1860 г.р.). Надо полагать, в список вкралась ошибка. На фотографиях Увакай выглядит скорее молодой женщиной, чем древней старухой. Об этом же свидетельствует и следующая запись в дневнике:

26/VI [1949 г.]. Дожда не было, день хороший. Вечером троим пили чай — Тымненентын, Уакай и я. Тымн[енентын] спросил меня, сколько ему лет. Я ответила 40. Тымн[енентын] сказал, что ему много лет. Заинтересовалась и Уакай своим возрастом. Муж ее сказал, что она намного моложе его. Уакай взяла камешки с пола чоттагена (пили чай у ёроны³, у изголовья, Тымн[енентын] был в положении, лишь голова снаружи), и стала вспоминать свои прошлые кочевки (где летовали). Она насчитала очень мало лет — 29 лет (какая память!), а 30-й был нынешний год. Тымн[енентын] стал считать, сколько лет Онныгыргыну. Несколько раз бросал, говорил — чамам⁴, вновь начинал и наконец сосчитал — 15 лет. Уакай сосчитала годы Омр[увакотгау]т — 16, Ятгырг[ын] — 20, Омрытваль — 28 лет. Омрыятгыргыну — 8, Таёквуну — 9 [Кузнецова 1948–951: 339].

1 Так'аманъелгын — кожаный цилиндрический сосуд с низкими бортами, в котором на камне молотком разбивают мясо и кости, чтобы куски не разлетались.

2 К'эмэн'ы — деревянное блюдо для еды.

3 Ёрон'ы — меховой полог, спальное помещение в яранге.

4 Не смогу.

Очевидно, что глубокой старухой Увакай не была, и все же вряд ли ей было в 1949 г. 30 лет, как она насчитала. Увакай вышла замуж за Тымнэнэнтына после смерти своего предыдущего мужа Гырголя, который был товарищем Тымнэнэнтына по жене¹. Ее дети от Гырголя перешли в семью Тымнэнэнтына — шестнадцатилетняя дочь Омрувакотгаут и сын Омрыятгыргын восьми лет.

Увакай умерла 10 сентября 1949 г. Обряды, связанные со смертью Увакай, в дневнике не описываются. Имеется только краткая запись о том, что 1 сентября у Увакай случился приступ, она сошла с ума, а 10 сентября умерла. Со смертью Увакай связана одна интригующая деталь, всплывающая в дневниковых записях за 10 августа 1950 г.:

Вчера под вечер хозяйка затеяла разговор о том, чтобы я не сидела со свечой в чоттагынэ, когда все они ложатся спать. Мотивом выставила то, что к огню соберутся каляйнын (злые духи). Разговор же начал Тымнэнэнтын, спросивший меня, сообщала ли я русским о колдовстве Вэтгынлын и Эттытэгына, наславших смерть на Увакай (жену Тымнэнэнтына) и вселивших каляйнын в стадо Тымнэнэнтына (все лето стадо было очень беспокоино). Таких «колдунов» чукчи называют «уйвэл». Про Вэтгынлын и Эттытэгын старик сказал, что они действуют совместно, приготовляя еду, в которую подмешивают мясо покойника (умершего старшего брата Эттытэгына), нытэкйччинкэт (нытэкичгинкаат) — делают колдовское мясо [Кузнецова 1948–1951: 349].

Овдовевший Тымнэнэнтын 20 ноября 1949 г. женился на Эттыкутгэут (Эттыкутгэвыт, Эттыкутгэвут, Эттыкутогеут),

¹ «Товарищество по жене» (н'эв-тумгын, нэвтумгыт) — институт социального (искусственного) родства. «Товарищество по жене» состояло в том, что мужчины заключали между собой договор дружбы, согласно которому каждый из них имел право на жену своего друга, т.е. по сути это был брачный союз между несколькими брачными парами. В этот союз входили люди, ведущие раздельно хозяйство и живущие на разных стойбищах, в него могло входить до десяти и более супружеских пар. Супружеские права осуществлялись сравнительно редко во время поездок на стойбище «товарища по жене». «Товарищ по жене» мог по взаимному согласию взять себе на некоторое время жену своего товарища и затем возвратить ее.

Рис. 15. Эттыкутгэвыт — хозяйка яранги Тымнэнэнтына, одетая в меховой комбинезон (кэркэр), спущенный до пояса, варит ужин, одновременно опаливает на углях очага оленьи копыта. МАЭ РАН. И 1454-18/2

тетке своего сводного брата Номгыргына. Это был третий брак Тымнэнэнтына. Описание свадебного обряда — уникальный материал, который больше никем и никогда не фиксировался (рис. 15).

20 ноября [1949 г.] <...> Вчера Чейвуна поставила свою ярангу не вблизи нашей (Тымненентина), а метрах в 400-х, в отдалении. Рядом поставил ярангу Тымнелъхкот. Вчера же Чейвуна уехала в стойбище Майныкооквургына — Тнарэнтыгыргына. <...> Сегодня днем приехала Чейвуна и много гостей с нею: старик Таегыргын, Кааквургын, Тна-тынагыргын, Тымнелъхкоткай и гостя — сестра Тымнелъхкоткая — Эттыкутгеут, ставшая женой Тымненентына.

Сегодня день женитьбы Тымненентына. Свадьба. Мужчины все вошли в чоттаген, раньше их Чейвуна, сказавшая

Омр[увакотгау]т достать камень, которым обычно в праздники «разрисовывают» лицо. «Келиткупе» не оказалось в обычном месте — в женском мешке, долго искали, наконец, нашли. Жених и невеста вошли в ярангу не через обычный вход — тытыл, а к тытылю слева (стоя спиной к очагу, лицом к входу) была подставлена нарта грузовая, по которой полез как по лестнице сначала Тымненентын, потом его невеста. В чоттагене вблизи подставленной нарты стоял Тымнелъхкот, снявший сначала Тым[нэнэнт]на, потом его жену сверху. Руководил свадебной обрядностью старик Таегыргын, подсказывавший Тымнелъхкоту, что нужно делать. Затем Омр[увакотгау]т и Чейвуна помазали лица новобрачным — провели черную полоску над переносьем у невесты, у жениха такая же полоска и пятно на лбу слева.

Праздничное свадебное яство состояло из мороженого мяса и морож[еной] крови, разбитых молотком и поданных на большом праздничном кемены, и мыткамыт¹, после чего был подан чай. Забили оленя чымны², крупного оленя, одного у нас, другого у Чейвуны. Забили и первично свежевали за ярангой, в поячен³. На ужин мясо варили в большом котле. <...> 21 ноября [1949 г.] <...> Со вчерашнего, даже с позавчерашнего дня бесконечные гости из всех ближайших и отдаленных стойбищ, для которых кипятится чай и подается морож[еное] мясо и мыткамыт. [Кузнецова 1948–1951: 341].

Омрувакотгаут, падчерица Тымнэнэнтына, продолжала жить в его семье на положении работницы, оказывая серьезное влияние на качество жизни В.Г. Кузнецовой. Только в самом конце экспедиции, в середине марта 1951 г., Омрувакотгаут избавила В.Г. Кузнецову от своего общества, сбежав от Тэмнэнэнтына к Гэмын. Накануне Тэмнэнэнтын за какие-то грехи побил и Омрувакотгаут, и всех своих пастухов. Ее несколько раз пытались вернуть, но безуспешно (рис. 16).

1 Мытк'ымыт — жир.

2 Чымн'ы — старый (семилетний) олень-самец.

3 Пьяячен — место жертвоприношений за ярангой.

Рис. 16. Омрвакотгаут из яранги Тымнэнэнтына. На девушке старый двойной меховой комбинезон (кэркэр). Весенняя теплая погода позволяет заменить новый зимний кэркэр на сильно поношенный, с вытертым ворсом. Озеро Экитыки, 1950 г. МАЭ РАН. И 1454-21

22 марта 1951 г. <...> Приехали Тымн[энэнты]н с женой. Омрвакотгавыт не привезли. Она плакала, не желая возвращаться к Тымнэнэнтыну. — Когда умру, тогда бы и покидала мою ярангу, — сказал ей Тымн[энэнты]н. Но и этот довод не помог. Омрвакотгавыт, видимо, стала уже, или будет, женой Тын'ако, племянника Гэмын. Тын'ако и Омр[ывако]тгав[ыт] — двоюродные брат и сестра. Тын'ако завернул в камлейку, в которую была одета беглянка, шкуру песца и предложил ее Тымн[энэнты]ну вроде выкупа за невозвращение Омрвакотгавыт. Но Тымн[энэнты]н не взял песца, отказался. Гордость победила все прочие чувства у старика. Камлейку же (старую, защитного цвета камлейку, к[ото]рую носила Увакой, жена Тымн[энэнты]на, мать Омр[ывако]тгав[ыт]), старик надел и в ней приехал домой [Кузнецова 1948–1951: 383].

У Тымнэнэнтына было два брата: Тымнэлкот (Тымнэлхкот, Тымнелкот, Тымнелькот) и Номгыргын. Семьи братьев то коче-

вали вместе, живя одним стойбищем, то разделяли стада и кочевали отдельно, но всегда находились неподалеку друг от друга (рис. 17, 18).

Рис. 17. Оленеводы братья Тымнэнэтын и Тымнэлькот укладывают покупки. Ванкарэмская ярмарка, река Рыкууль. МАЭ РАН. И 1454-348

Рис. 18. На фоне высокой сопки, вершина которой уже покрыта снегом, расположены две яранги стойбища Тымненэтына, проводящего праздник второго осеннего убоя оленей (нэнриуьги). К стоящим напротив яранг людям спешат мужчины из стойбища Номгыргына для участия в стрельбе из лука. Август 1950 г., озеро Экитыки. МАЭ РАН. И 1454-554

Тымнэнэнтын и Тымнэлкот были родными братьями (отец Кумылкут, мать Етгэут). Номгыргын был братом по отцу, имя матери Номгыргына в дневниках не приводится.

18 октября 50 г. <...> Яранги Номгыргына и Тымнэнэнтына берут воду из одной проруби. Но у них разные очаги, поэтому разделили места, куда ставить чайники у проруби. Номгыргинские ставят по одной стороне проруби, а Тымнэнэнские — по другой стороне проруби [Кузнецова 1948–1951: 363].

Тымнэлкоту в 1948 г. было 38 лет. В упоминавшемся «списке Гущина» в графе с его именем стоит 1910 г.р. У него было две жены: старшая 38-летняя Чейвуна (Чейвунэ, Чейвун'э) и младшая Тынена (Тын'эны). Ранее Тымнэлкот был женат на сестре Кенири. В этом браке он был «товарищем по жене» с мужем Чейвуны. Когда умерли муж Чейвуны и жена Тымнэлкота, они поженились.

Номгыргыну было 36 лет (1912 г.р.). В 1950 г. у него было три жены: Оотына (1914 г.р.), Элмурултына и Пэнас. Летом 1950 г. третья, молодая жена Номгыргына — Пэнас, ушла вместе с Алёлем¹, своим дядей, гостившим в стойбищах на Экитыки. Номгыргын пошел за Алёлем и Пэнас, догнал их уже в тундре и вернул Пэнас домой. В наказание за плохое поведение поучил ее — четыре раза ударил шнурком по спине (рис. 19, 20).

Основной единицей традиционной социальной организации оленных чукчей, было стойбище — временное или длительное объединение нескольких семей, как правило, связанных узами родства или свойства. Именно такой характер и носило стойбище, хозяином (главой) которого был Тымнэнэнтын. Стойбище Тымнэнэнтына обычно состояло из трех яранг: его собственной яранги и двух яранг жен его брата Тымнэлкота. В 1948–1949 гг. хозяином стойбища считался Тымнэнэнтын, первой в стойбище стояла его яранга. Ситуация изменилась в ноябре 1950 г., «переднедомной» стала яранга Чейвуны, стар-

¹ Алёль — владелец одного из самых больших стад в Амгуэмской тундре, известный при советской власти как злостный «кулак».

Рис. 19. Оленевод Амгуэмской тундры Номгыргын. В руке он держит снятый с кухлянки ремень, трубку, меховую шапку, ровдужную шапочку — вэчоквын. МАЭ РАН. И 1454-280

Рис. 20. Чаепитие вблизи загородки со стадом оленей участников праздника отбоя важенок. Хозяин стада (крайний справа) Номгыргын, одет в нарядную белопеструю меховую рубаху, опушенную по низу мехом росوماхи, в белые камусные брюки с черной полоской у щиколотки, голова его повязана белой лентой из тонко выделанной нерпичьей кожи с двумя пришитыми к ней кисточками. МАЭ РАН. И 1454-592

Рис. 21. Осенний вид стойбища, расположенного вблизи реки Рыкууль. 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-239

шей жены Тымнэлкота. В.Г. Кузнецова отметила этот факт, но никак не комментировала (рис. 21).

Номгыргын чаще кочевал неподалеку, но отдельно. Стойбище Номгыргына состояла из трех яранг его трех жен. В 1949 г. в это стойбище входили также яранги Тымн'этынагыргына с женой Омрытвал и Кэргугэ с женой Пененеут. В этом же стойбище обычно жила пожилая женщина Раглин'аут с сыном Омрытагыным. Если Тымнэнэнтын и Номгыргын образовывали одно стойбище, то «переднедомным» считался Номгыргын. Во всяком случае, так было в 1950 г. (рис. 22, 23).

Пастухами в стаде Тымнэнэнтына были трое братьев, племянников Тымнэнэнтына по линии матери: Ятгыргын (20 лет), Онпыгыргын (15 лет), Таёквун (9 лет). Онпыгыргын и Таёквун имели в стаде собственных оленей. Омрувакатгавыт имела брачные планы на Ятгыргына, но он предпочел ей младшую жену Тымнэлкота Тынены и в отсутствии Тымнэлкота и Чейвуны регулярно переселялся в ее ярангу (рис. 24, 25, 26).

Рис. 22. На холме — четыре яранги стойбища Номгыргына, вблизи которых находится стадо оленей. Озеро Экитыки, 1950 г. МАЭ РАН. И 1454-20

Рис. 23. В 1950 г. стадо двух стойбищ Тымнэнэнтына и Номгыргына, летовавших у озера Экитыки, выпасалось совместно. Вблизи яранг Номгыргына проходит стадо оленей. МАЭ РАН. И 1454-19

Рис. 24. Молодой пастух колхоза «Тундровик» Амгуэмского сельсовета Ятгыргын, закуривающий трубку. На голове у него одета ровдужная шапочка (вэчоквын), закрывающая только уши и оставляющая открытой макушку головы.
МАЗ РАН. И 1454-284

Рис. 25. Пастух-подросток Оньпыгыргын из стойбища Тымнэнэнтына. 1948 г.
МАЗ РАН. И 1454-373

Рис. 26. Чукотские мальчики-пастухата, дневные охранители стад (каальатыльыт) Таёквун и Омрыятгыргын; в центре девочка Кымынэ, одетая в детскую цельно сшитую одежду с пришитым капюшоном. МАЭ РАН. И 1454-182

Помимо близких и не очень близких родственных отношений, обитатели соседних и дальних стойбищ были соединены между собой узами «товарищества по жене»:

Яранги Номгыргына и Кааквургокая — они между собой двоюродные братья (елгытомгын), а также яранга Тымн'этынагыргына находятся в групповом браке — гэн'эутумгыт, так что, по словам Етгэут, у Номгыргына, кроме его трех жен, по групповому браку его женами являются жена Кааквургокая Рагтын'аут и жена Тымн'этынагыргына Омрытвал, в свою очередь, жена Номгыргына Элмырултынэ является женой Кааквургокая, а вторая жена Номгыргына Оотынэ — женой Тымн'этынагыргына. Кроме того, уже не по групповому браку вторая жена Тымнэлкота Тын'эны тоже якобы является женой Номгыргына. Етгэут говорит, что у Номгыргына теперь, кроме его основных трех жен, две жены по групповому браку, а шестая Тын'эны [Кузнецова 1948–1951: 405. Л. 77–78]

Рис. 27. Байдара прибыла к месту ярмарки. 1948 г., река Рыкууль.
МАЭ РАН. И 1454-379

К месту проведения ярмарки на реке Рыкууль В.Г. Кузнецова выехала на байдаре вместе с береговыми чукчами и работниками торгово-заготовительной базы Ванкарема, которые везли для оленеводов продукты приморского хозяйства и товары из фактории (рис. 27).

Прибыла она на ярмарку, по всей вероятности, в компании заведующего Ванкаремской торгово-заготовительной базы А.П. Мельникова и продавца этой базы Николая Ивановича Мэмыла, приехавшего на ярмарку с семьей (рис. 28, 29).

Мэмылу¹ была назначена в экспедиции В.Г. Кузнецовой важная роль. Он должен был выполнять функции ее связного

¹ Среди учеников Льва Яковлевича Беликова, организатора первой кочевой школы и красной яранги на мысе Ванкарем в 1930-х годах, был ученик по имени Мэмыл. Известно, что, уехав в Ленинград, Лев Яковлевич еще долго переписывался со своими первыми комсомольцами-чукчами Вуквувье и Мэмылем. По всей вероятности, здесь речь идет именно об этом Мэмыле. Л.Я. Беликов вполне мог заочно познакомить В.Г. Кузнецову с ее будущим помощником в экспедиционной работе.

Рис. 28. Продавец из Ванкарема Н.И.Мэмыль с семьей. МАЭ РАН. И 1454-376

Рис. 29. Семья продавца-пушника Н.И.Мэмыля на берегу реки Рыкууль, где происходила обменная ярмарка. 7 сентября 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-388

с внешним миром, доставлять в тундру письма и деньги. Действительно, Мэмыль периодически наезжал в стойбища тундры с выездной торговлей, участвуя в мероприятиях по налогообложению кочевников и т.д., и так или иначе назначенные ему функции выполнял.

26 сентября 1948. <...> Нельзя мне оставаться у Тымнэнэнтына, просто трачу время без пользы — нет у меня движения ни в языке, ни в этнографии. М[еся]ца на 2–3 необходимо переменить обстановку. С другой стороны, нужно дожидаться Мэмыля (деньги, известия из дому). Заколдованный круг, в котором оказалась я в положении слепого, беспомощного, жалкого мышонка» [Кузнецова 1948–1951: 334].

4 января 1949. <...> Возвратились с 87 км Вотгыргын и Тн'арэнтуги, каждый с санками. Остановились у яранги Тым[ненэнты]на. Для меня принесли письмо от Айнэвтэгина, Мэмыля — продавца, две телеграммы, привезенные Мэмылем из Ванкарема, одна из Л[енингра]да из Ин[ститу]та этнографии из сектора Сибири, вторая из Москвы о том что в августе 1948 г. для меня перевели деньги на Ванкарем 3870 р. [Кузнецова 1948–1951: 335].

Пэглят, жена Мэмыля, со своими детьми и собакой уехала вместе с Варварой Григорьевной с ярмарки и пребывала с ней в стойбище Тымнэнэнтына до 27 октября 1948 г. В.Г. Кузнецова начала свою полевую работу, чукотского языка не зная. Пояснения, которые давала ей Пэглят, были поначалу очень важны, поскольку В.Г. Кузнецова зачастую просто не понимала происходящего.

19 сентября 1948. <...> Вскоре в чоттаген¹ пришла чукчанка, что-то беспокоило сказала, и хозяйка с гостьей ушли за ней. Возвратились через некоторое время. Пэглят сказала, что заболел Тымнэлько (брат Тымнэнэнтына) [Кузнецова, 1948–1951: 334].

20 сентября 1948. <...> Узнать было не у кого о причинах отъезда яранги Тымнэлькота (я предполагаю — он заболел, и переменили место пребывания). Пэглят сказала, что переехали в связи с тем, что поблизости уже не стало корма для оленей, и стадо погнали дальше [Там же].

Кроме того, очевидно, помогать В.Г. Кузнецовой было поручено Айнэвтэгину — учителю кочевой школы Амгуэмского сельсовета, знавшему русский язык. В полевом дневнике за сен-

1 Чоттагын — помещение внешнего шатра яранги, холодная часть яранги.

Рис. 30. Учитель кочевой школы Амгуэмского сельсовета Айнэвтэгын и оленевод Тымнэлькот. 15 сентября 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-395

тябрь и октябрь 1948 г. это имя упоминается довольно часто: Айнэвтэгын что-то переводит или поясняет В.Г. Кузнецовой (рис. 30).

ОВЛАДЕНИЕ ЧУКОТСКИМ ЯЗЫКОМ

Очень остро невозможность вербального общения ощущалась В.Г. Кузнецовой по крайней мере до конца 1948 г., т.е. в первые месяцы пребывания в экспедиции:

17 сентября 1948 г. <...> Плохо у меня с чукотским языком. По-настоящему этнографией еще не занималась.

Приглядываюсь еще, вхожу в быт. <...> Язык мне нужно знать. Временами впадаю в отчаяние, кажется, не освою язык. [Кузнецова 1948–1951: 334].

22 сентября 1948 г. <...> Ах, как мне тошно. Все не то! Делом своим я еще не занимаюсь. С языком безобразно. Презираю себя. Настроение у меня неважное. Нужно переломить себя и пока что, до освоения языка, заняться материальной культурой [Там же].

23 сентября 1948 г. <...> Тоска. До вечера просидела в чоттагыне с букварем Вдовина (сходила в палатку за букварем). Бичую себя за медленное освоение языка [Там же].

27 сентября 1948 г. <...> Тоска. Безъязыкая — Боже, это ужасно, нужна какая-то разрядка, чтоб прекратилось это молчание. Что со мной? Не знаю язык — вот причина. Но я его никогда и не выучу, если будет так продолжаться. Душевное слово мне нужно, поддержка, а этого здесь нет. Так больше не могу, нет сил, я в отчаянии [Там же].

19 декабря 1948 г. <...> С языком никаких успехов, нема, как рыба [Там же 1948–1951: 336].

Заговорила по-чукотски В.Г. Кузнецова весной 1949 г. Для того чтобы в достаточной мере наладить коммуникацию с окружающими Варваре Григорьевне потребовалось около девяти месяцев. В дневниках за весну и лето 1949 г. отсутствуют жалобы на языковые проблемы и появляется все больше чукотских слов для обозначения всевозможных реалий ее жизни.

Сегодня 25 мая [1949 г.] <...> Вчера <...> мы как две подруги разговаривали с Уакай. Она последнее время стала ко мне хорошо относиться. Много говорили о Гырголе. Я вспоминала тепло Омрытваль, ее дочь, и теперь живущую отдельно от нас у Кергуги [Кузнецова 1948–1951: 339].

Проведя год в поле, к концу лета 1949 г. она все увереннее и свободнее говорила по-чукотски. В дневниках за этот период она лишь шутливо сетует на свой еще несовершенный чукотский.

8 июня 1949 г. <...> Тымн[енентын] попросил меня дать ему огонь из пэнъёлгын¹ прикурить, но сказал новое

1 Пэнъёлгын — очаг, огонь.

слово и так непонятно, что я не разобрала. За ужином тоже вышла неловкость — я опять не поняла слов Омр[увакотгау]т и хозяин с хозяйкой смеялись [Там же].

В 1950 г. упоминаются только забавные «языковые» ошибки.

9 августа 1950 г. <...> Сегодня днем, когда в яранге Тымнэ-нэнтына находились Номгыргын и Тынагыргын, со мной произошел конфузно смешной случай. Тынагыргын спросил, есть ли в магазинах на 87 км или в Ванкареме отравы против волков — «чилиму́к». Я ответила, что достать можно, но, т.к. это сильно действующий яд, то продают его не всем, а доверенным и опытным людям. Тынагыргын спросил, из чего изготавливают «чилиму́к», и сам же сказал, что, по-видимому, из к'ымин чинкэ-чы (кымылгын — червь; удав, слюна, яд удава). Я не дослышала, недопоняла и, не переспросив, бухнула: «А разве слюна к'минылын (кормящих матерей!) тоже такого же свойства?!». До них не дошли мои слова, но я сама, и, ужаснувшись и умирая от смеха, расшифровала им. Вечером меня душил смех от этой нелепости». <...> «На 87 км они видели коров, расспрашивали о коровах и свиньях, и спросили меня — «рэке эйнэкинэт» — когда гуляют коровы. А я не так поняла, подумала, что они спрашивают, как мычат коровы. Увидев мое замешательство, М[айны]кааквыргын выручил, повторил свой вопрос. С 87 км он купил пуговицы — «кытгалтынпыт», украшение для женщин в косы. А я еще до похода на 87 км сделала себе то же, нашив пуговицы на полоску кожи. М[айны]кааквыргын спросил, что сказали русские, увидев мое украшение на голове? (Я не брала это простое украшение с собой на 87 км, а оставила в чемодане, на Экитики), не поняв вопрос, я ответила — «не было в магазине пуговиц, и я не купила их». Опять ему пришлось повторять вопрос, т.к. я ответила невпопад [Кузнецова 1948–1951: 349].

ПЕРВЫЙ ГОД ЭКСПЕДИЦИИ (сентябрь 1948 — август 1949 гг.)

7 сентября 1948 г. В.Г. Кузнецова откочевала от Ванкаремской ярмарки со стойбищем Тымнэнэнтына (и Тымнэлкота). Тымнэнэнтын кочевал с частью стада, караван состоял из 69 нарт. Летнее стойбище находилось в 60–70 км от Ванкарема на правобережье Амгуэмы за рекой Рекууль (правый приток реки Ванкарем). Эта первая кочевка, казалось бы, должна была произвести на В.Г. Кузнецову сильное впечатление. Но дневниковые записи эмоциями не окрашены (рис. 31, 32, 33, 34, 35).

16 сентября 1948 г. В.Г. Кузнецова впервые вошла в полог чукотской яранги (рис. 36).

16 сентября 1948. <...> Пришли в ярангу Тымнэнэнтына поздно, в 10-м часу вечера, было темно. Жена Тымнэнэнтына Уакай разожгла костер, поставила чай. Предложила колбасу — рорат¹ и сушеное мясо. Чай пили без сахара.

1 Рорат — четвертый желудок оленя, колбаса из вареного мяса оленя.

Рис. 31. С большим напряжением олени везут тяжелые нарты по бесснежной кочковатой тундре. Возвращение с ярмарки в стойбище. 15 сентября 1948 г., река Рыкууль. МАЭ РАН. И 1454-227

Рис. 32. Возвращение оленних чукчей с обменной ярмарки. Вблизи матерчатой палатки стоят грузовые нарты с нерпичьи жиром, полученным от приморских чукчей. 15 сентября 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-392

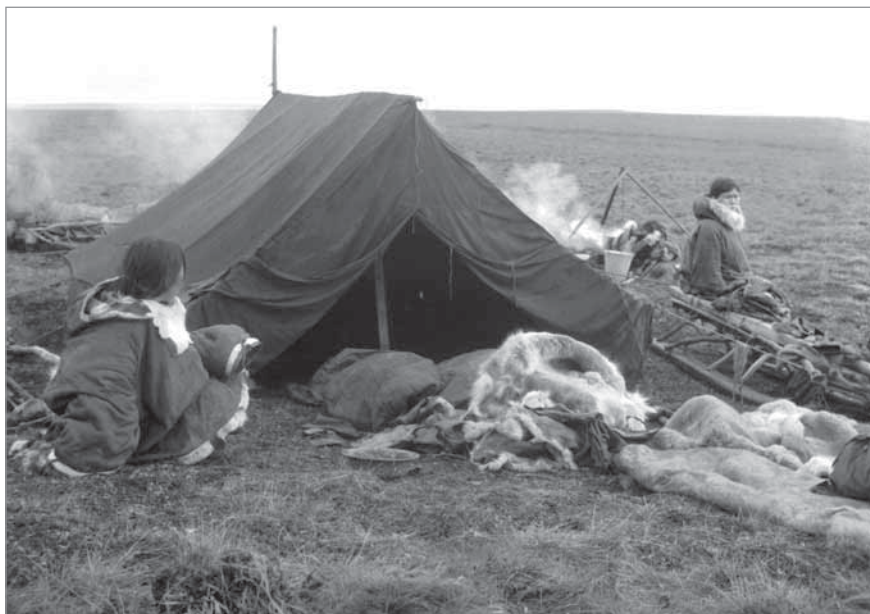

Рис. 33. Матерчатая походная палатка (манэгран) кочевых чукчей. 15 сентября 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-393

Рис. 34. Приставленные одна к другой грузовые нарты образуют загородку, в которую загоняют отделенных от стада ездовых быков, впрягаемых в нарты перед кочевой. На ближайшей нарте лежит свернутая конвертом лахтачья шкура. 15 сентября 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-230

Рис. 35. Виден лес рогов оленей, загнанных в загородку, сооруженную из нарт с целью отбоя упряжных быков, впрягаемых в грузовые нарт перед кочевкой. Перед входом в загородку в ряд стоят люди, отгоняющие рвущихся к выходу оленей. 15 сентября 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-228

Рис. 36. Яранга Тымнэнэнтына со стороны входа. 20 сентября 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-245

Затем хозяйка сварила мясо. <...> Уже поздно вечером впервые вошла во внутрь чук[отского] полога (также Пэглят с детьми). Уакай внесла светильник, чайник, поднос, ящик с посудой. В пологе пили чай (на подносе потом стоял эчулгын¹ рядом с миской мяса). Уакай, ее сын лет девяти, две девочки Пэглят спали голые. Пэглят в майке и трико, я в сорочке. Легли все в ряд — я с одного края, с др[угого] края: хозяйка и сын, Пэглят с детьми посередине. Светильник погасили. В пологе висят веревки справа и слева, куда мы повесили свои вещи. У задней стены на веревке висели два бубна — большой и маленький. В пологе тепло. Чотчот² положены в ряд при входе в полог, т[ак]ч[то] спят (так и мы спим) головами к выходу (обычное положение). На ночь в полог внесли 2 эчулгын, светильник, поднос, чайник и ящик с посудой после чаепития не выносили. Эчулгын заносят вовнутрь полога, после пользования выставляют в чоттагын у изголовья. Входную дверь в ярангу закрыли [Кузнецова 1948–1951: 334].

Путь стойбища лежал к Амгуэме, на противоположном берегу которой (в районе озера Экитыки, одноименной реки и ее притока Энгергын) располагались осенние и весенние пастбища, и далее на запад к зимним пастбищам (рис. 37, 38, 39, 40).

Дважды в год караваны Тымнэнэнтына пересекали Амгуэму в районе горы Вусвынэй и одноименной реки (приток реки Рекууль), и соответственно некоторое время стойбище находилось в непосредственной близости от Амгуэмы и от проходящей вдоль реки трассы Эгвекинот — Иульгин. Во время пребывания В.Г. Кузнецовой на Чукотке эта трасса (автомобильная дорога) была достаточно оживленным местом, она строилась именно в 1946–1951 гг. силами заключенных ЧукотЛага. На трассе располагался и часто упоминаемый в дневниках «87 километр» (или поселок Амгуэма) — Дальстроевский населенный пункт, центр цивилизации. Здесь стояли фанерные, обложенные землей дома, было электрическое освещение, на улице —

1 Эчулгын — ночной горшок.

2 Чотчот — изголовье, валик (обыкновенно из узких и длинных мешков, набитых рухлядью).

Рис. 37. Сборы в стойбище перед началом осенней кочевки от морского побережья в глубинную часть тундры. 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-252

Рис. 38. Сборы к осенней кочевке. С яранги снято покрытие, стоит один остов жилища. 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-246

Рис. 39. Перед оставлением места летовки. Сборы к осенней кочевке. 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-247.

Рис. 40. Укладка вещей на нарты перед кочевкой. Справа находится кочевая кибитка с еще не покрытым ровдугой остовом. 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-248

электрические фонари, были Дом культуры с красным уголком, магазин, баня.

Тымнэнэнтын медлил перебираться на другой берег Амгуэмы. В конце сентября стойбище все еще находилось вблизи трассы, и Варвара Григорьевна без труда могла его покинуть. Очевидно, Тымнэнэнтын ждал именно этого. Приемлемый в его представлении срок гостевания русской женщины в его доме

подошел к концу, и обитатели стойбища, а также ее сопровождающие всячески давали ей это понять. До этого момента записи в дневнике эмоционально вполне позитивны, но уже 27 сентября В.Г. Кузнецова замечает, что «пришлась не ко двору» в стойбище Тымнэнэнтына [Кузнецова 1948–1951: 334]. Она подумывает о том, чтобы перебраться в стойбище Тнарентыгыргына, но было совершенно неизвестно, когда он подкочует и подкочует ли вообще. Тут же и отношения с Айнэвтэгином, который и до этого был замкнутым и неразговорчивым, вдруг совершенно испортились. 30 сентября 1948 г. В.Г. Кузнецова записывает: «Айнэвтэгин совсем перестал со мной разговаривать». И 6 октября, желая переменить обстановку, Варвара Григорьевна на попутной машине в сопровождении все того же приставленного к ней Айнэвтэгина уехала на 87 километр. Ей очень хотелось проявить отснятые пленки. Сделать этого в Амгуэме не удалось, и она на попутной машине уехала дальше в Эгвекино. Сопроводив подопечную в Эгвекино, Айнэвтэгин посчитал свою миссию полностью выполненной и ее покинул. Она вернулась в Амгуэму, с 18 по 21 октября оставалась в поселке, пребывая в полной растерянности, не зная, что дальше делать. Продолжалась пурга, машины не ходили, Тымнэнэнтын уже откочевал на другой берег Амгуэмы. И тут появились, как уже называла их Варвара Григорьевна, «свои чукчи» — Ятгыргын и Нутэуги, которые привезли в поселок оленье мясо для обмена. С ними В.Г. Кузнецова и возвратилась в стойбище Тымнэнэнтына.

Похоже, что возвращение гости было неприятной неожиданностью для Тымнэнэнтына. Практически сразу же жена Тымнэнэнтына Уайкай стала настойчиво предлагать ей покинуть стойбище, пока это еще было возможно, ссылаясь на наступающую темноту, предстоящие длительные кочевки и тяжелые условия существования. По всей вероятности, в это время происходили события, вынудившие В.Г. Кузнецову на некоторое время покинуть ярангу Тымнэнэнтына¹.

В декабре 1948 г. Варвара Григорьевна жила в том же стойбище, но в яранге Кэргуги (Кэргугэ, Кергуге, Кергуги). У Кэргу-

1 Записи за 3 ноября — 18 декабря 1948 г. отсутствуют. Дневник № 4 (по нумерации Кузнецовой) обрывается на полупразе.

Рис. 41. Молодой пастух Кэргугэ из колхоза «Пионер» Чаунского района.
МАЭ РАН. И 1454-279

ги была жена Пэнэн'эут и двое детей — дочь Кэун'экай и сын Тэвлягыргын (рис. 41).

Обстановка в доме стала тяжелой, когда Кэргути привел в дом вторую жену Омрытвал. Свое решительное недовольство поведением мужа демонстрировала первая жена Пэнэн'эут, Кэргути настаивал на своем:

20 декабря 1948 г. <...> С тех пор как поселилась здесь Омрытвал (а Рэнтуги с Тын'энлиной ушли к Уакай), в доме стало ужасно. Пока нет дома Кэргути, Пэнэн'эут разговаривает, смеется, как только он приходит — начинает с ним ссориться и ругаться. В его отсутствие она хорошо разговаривает с Омрытвал, а при нем еле-еле ей отвечает. Несколько раз жаловалась мне, что, если бы у нее не было

ребенка, да еще сына (у них пятимесячный мальчик Тэвлягыргын), она согласилась бы с тем, что Кэргуги привел вторую жену, но раз у них сын, она считает себя вправе возражать и не допустить в дом вторую жену. Пэнэн'эут сказала мне, пусть Омрытвал находится у нас в яранге, но не как жена Кэргуге. Второй довод — Омрытвал почти сестра Кэргуги. Эттытвал (старуха, живущая теперь у младшего сына Кэргыкай со взрослой своей дочерью в стойбище Алёля) была женой Гырголя (после смерти ее первого мужа Уттутагын), а Омрытвал дочь Гырголя и Уакай (теперь Уакай жена Тымнэнэнтына) [Кузнецова 1948–1951: 336].

29 декабря 1948. <...> Еще утром, до выхода из полога у Кэргуги и Пэнэн'эут была ссора. Раньше Кэргуги смеялся, отшучивался, а Пэнэн'эут была нападающей стороной. Теперь наоборот. Кэргуги был резок в разговоре, она же стала говорить плачущим голосом. Я спросила ее после ухода Кэргуги, чем закончился их разговор — ссора. Пэнэн'эут сказала, что Кэргуги больше не спрашивает ее, чтобы она с сыном осталась у него. (П[энэн'эут] стала пугать его, что уйдет с ребенком в Ванкарем), что пусть они уходят. П[энэн'эут] в это утро сказала мне, что уйдет к Таёгыргыну или Эттырэгыргыну (ее родственники) [Там же].

В начале января 1949 г. В.Г. Кузнецова вернулась к Тымнэнэнтину.

4 января 1949. <...> Утром в пологе dokonчила свежевание волка. Вскоре она ушла за хворостом, мы с Омр[увакот] гаут, Кэун'экай и ребенком пошли в ярангу Уакай — кушать цилкэцил (рылкэрыл¹). Этот пустяковый факт определил перемену в моем местонахождении, к Пэн[эн'эут] я больше уже не вернулась, осталась в яранге Уакай [Кузнецова 1948–1951: 335].

1 Рилк'ырил, ямгарилк'ырил — содержимое оленьего желудка, блюдо из содержимого оленьего желудка, каша. В чукотском языке существует говор мужчин и говор женщин, различающийся произношением отдельных фонем, в частности фонемы /р/, которую женщины произносят /ц/.

Возвращение в ярангу Тымнэнэнтына совпало по времени с разъездами по стойбищам «бригады района» (В.П. Злобин, Д.И. Емельянов, В.П. Бурдиленко и др.). Вероятно, они напомнили Тымнэнэнтыну о поручении инструктора Чукотского райкома И.Ф. Гущина. В то же время приехавшие русские, представлявшие советскую власть, полагали, что В.Г. Кузнецовой необходимо вернуться с ними в поселок, и В.Г. Кузнецова как будто не возражала. По непонятным причинам разговор членов бригады с В.Г. Кузнецовой завершился не лучшим образом:

23 и 24 января [1949 г.]. <...>В этот же день утром у меня произошла размолвка с бригадой (со всеми тремя русскими) из-за моего выезда на 87 км с ними. Они отказались взять меня на свои нарты, сказали, чтобы я договаривалась с Тымн[енэнтыным] и ехала на оленях (Злобин бросил фразу: Нам-то безразлично). Я не стала больше упрашивать их, настаивать, а решила, что поеду в феврале с Тнэрэнтыгыргыном (он поедет на сессию). Они замолчали, Бурдиленко заметил: Если не поедите с нами, совсем не соберетесь. Анкауги¹ сходил к Тымнен[энтыну], сначала пообещали оленей, а потом передумали и сказали, что повезут меня после перекочевки. С этого дня мои отношения с бригадой совсем испортились, мы почти не разговаривали. Это отразилось и на вопросе оформления меня работником Красной яранги (челгыран) здесь в тундре. Бог с ними [Кузнецова 1948–1951: 335].

Таким образом, в 20-х числах января 1949 г., примерно через пять месяцев после начала полевой работы, не только Тымнэнэнтын и обитатели его стойбища, но и официальные лица, представлявшие на Чукотке советскую власть, решили, что на этом экспедиция В.Г. Кузнецовой должна завершиться. Приняв

¹ Имя председателя Амгуэмского сельсовета Анкауги часто мелькает в дневниках, когда речь идет о событиях, связанных с социалистическими преобразованиями, коллективизацией и т.п. Анкауги владел русским языком и был активным проводником и пропагандистом мероприятий советской власти. Именно с этим очень «передовым» чукчей связано забавное замечание в дневнике В.Г. Кузнецовой: «В прошлом году Анкауги сказал Номгыргыну, что и в Америке есть колхозы и что там продолжается колхозное строительство» [Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 349].

решение о продолжении полевой работы, В.Г. Кузнецова отправилась в длительное, несанкционированное, самостоятельное и полное опасностей «плавание».

Как это было принято в Ленинградской этнографической школе в 1920–1930-х годах, после нескольких лет обучения на этнографическом отделении Географического института (затем Ленинградского университета) молодые специалисты отправлялись в отдаленные районы Сибири, где их профессора когда-то начинали свою научную деятельность, будучи политическими ссыльными или участниками Сибиряковской и Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиций. Новое поколение российских сибиреведов начинало свою работу в качестве учителей национальных школ, низовых администраторов или работников культуры. Их учителя совершенно справедливо полагали, что наиболее благоприятно для работы в поле обстоятельства складываются в том случае, если исследователь занимает «определенное место» в производстве, в культурной или служебной работе среди местного населения, а не является только более или менее сторонним наблюдателем [Макрьев 1928: 9].

Именно так и вполне успешно (как было, очевидно, хорошо известно В.Г. Кузнецовой) вели полевую работу Е.А. Крейнович, С.Н. Стебницкий, Н.Б. Шнакенбург и многие другие [Антропова 1972; Гаген-Торн 1975; Колосовский 2002; Krupnik 1998: 206–207]. Такого же рода механизм организации длительной полевой работы, надо полагать, предусматривался и для В.Г. Кузнецовой. Была, как следует из текста приведенной выше цитаты, некая договоренность о работе в Красной яранге. К сожалению, этим планам не суждено было сбыться. Трудно сказать, что стало причиной: какие-то объективные обстоятельства или личностные особенности В.Г. Кузнецовой. Утрата поддержки со стороны районной (партийной) администрации, отсутствие независимого социального статуса определили во многом всю дальнейшую экспедиционную эпопею Кузнецовой.

Зимой 1948–1949 г. Тымнэнэтын, похоже, продолжал надеяться, что Варвара Григорьевна покинет, наконец, его стойбище. К началу ноября, делая короткие кочевки уже по левому берегу Амгуэмы, он все медлил и не отходил далеко от реки, а затем и зимовал недалеко от Амгуэмы — вблизи реки Кайэн-гыргын (приток Энгегыргына).

Что происходило далее этой первой экспедиционной зимой, мы не знаем из-за большого перерыва в записях: с 31 января по 20 мая 1949 г. Из записи от 21 мая 1949 г. следует, что В.Г. Кузнецова продолжала жить у Тымнэнэнтына.

21 мая стойбище Тымнэнэнтына подкочевало к Амгуэме, переправилось на правый берег реки и кочевало параллельно реке и трассе по направлению к «87 километру», затем маршрут стал отклоняться от реки в сторону гор, к истокам реки Рекууль. Поднялись вверх по левобережью Рекууля, перешли его левый приток и продолжили движение по левому берегу. На лето стойбище расположилось у реки Вучвун'эй (левый приток Рекууля), где и пребывало с 19 июня (рис. 42, 43).

Рис. 42. Старик Тымнэнэнтын и девушка Омрывакаттавыт удерживают крепкой жильной веревкой половину натянутого на ярангу покрытия. Весна 1949 г., кочевка с реки Энгыргын на правобережье реки Амгуэмы — на реку Вучвун'эй (левый приток реки Рыкууль). МАЭ РАН. И 1454-100

Записи за самый конец первого экспедиционного года (18 июля — 30 августа 1949 г.) отсутствуют. Дневник за этот период пропал:

5 окт[ября] [1949 г.] <...> У меня горе — пропал весь мой дневник за весь летний период. Старик его, видимо, выбросил как тяжелую вещь. В пургу, больная, искала тетрадь в снегу, но безуспешно [Кузнецова 1948–1951: 334].

17 сентября 1949 г. Тымнэнэнтын, завершая годовой цикл, вновь подкочевал к проходившей на побережье Ванкаремской ярмарке. В.Г. Кузнецова не осталась на побережье, не отправилась в Ванкарем.

Рис. 43. С двумя чайниками Гувакай отправляется за водой для кипячения чая на новом месте после закончившейся перекочевки. Ее дочь Омрывакатгавыт устанавливает ярангу. Под меховым комбинезоном Гувакай одета белая матерчатая (мужская) рубашка. МАЭ РАН. И 1454-107

ВТОРОЙ ГОД ЭКСПЕДИЦИИ (сентябрь 1949 – август 1950 гг.)

Откочевав от побережья, Тымнэнэнтын поставил свое стойбище вблизи Амгуэмы и проходившей здесь трассы. В.Г. Кузнецова воспользовалась возможностью посетить «87 километр», помыться в бане, сделать необходимые закупки.

Тымнэнэнтын и члены его стойбища активно демонстрировали В.Г. Кузнецовой, что ее дальнейшее пребывание в стойбище нежелательно. 6 октября 1949 г. в дневнике появилась первая жалоба на Тымнэнэнтына: «Старик просто несносный, грубый». Он отказался вести дальше ее вещи, в это же время обнаружилась пропажа дневника, который Тымнэнэнтын, как подозревала В.Г. Кузнецова, просто выбросил. Несколькими днями позже «произошел ужасный факт»: Ятгыргын плюнул ей в лицо. О том, что именно послужило непосредственной причиной поступка Ятгыргына, В.Г. Кузнецова не написала, отметив лишь свою реакцию на это из ряда вон выходящее событие:

12 окт[ября 1949 г.]. <...> Это заключительный номер издевательства надо мной. Выплакала свое горе, обиду,

оскорбление. Что делать? За что, во имя чего я так ужасно мучаюсь? [Кузнецова 1948–1951: 340].

Убедившись в очередной раз в том, что В.Г. Кузнецова покидать его стойбище не собиралась, Тымнэнэнтын перестал задерживаться вблизи «цивилизации». Уже в середине октября караваны перешли на левый берег Амгуэмы. 21 октября подошли к реке Кайэнгыргын, где зимовали в 1948/1949 гг. и двинулись дальше в сторону долины реки Экитыки и одноименного озера, окруженных сплошной грядой гор. И далее двигались по левому берегу реки Экитыки, перевалили Экитыкский хребет и подошли к реке «Вульхвувеем» (судя по карте, имеется в виду река Вульвывеем). Пересекли Вульвывеем и вышли в местность, которую «Тым[нэнэнты]н назвал Куверуеем», вблизи реки Кувэт (реки в бассейне реки Пегтыгмель). Зимовали на реке «Мэйнытэлеуээм» (на современной карте местность по Куулвэгыргыну, притоку Большой Осиновой и самой Большой Осиновой). Зимовка 1949/1950 гг. находилась гораздо дальше от побережья (Ванкарем), чем зимовка 1948/1949 гг. Стойбище Тымнэнэнтына как минимум в два раза дальше ушло в горы. Это была самая отдаленная кочевка за все время пребывания В.Г. Кузнецовой в экспедиции — расстояние, примерно равное 200 км [Кузнецова 1954: Л. 2].

Отношения с членами семьи Тымнэнэнтына продолжали оставаться весьма напряженными. В дневниках за этот период достаточно часто встречаются упоминания об этих тяжелых обстоятельствах полевой работы [Кузнецова 1948–1951: 340]:

4 ноября [1949 г.] <...> Ходила к Номг[ыргыну]. <...> Совсем другая семья, иная обстановка. Отдохнула от травли. Уже год живу у людей — собак, ненавидящих меня.

9 ноября [1949 г.] <...> Милый человек Номгыргын, разговаривал как с равной. Как я устала от повседневной грубости.

В это же примерно время Тымнэнэнтын вновь женился. 20 ноября состоялась свадьба Тымнэнэнтына и Эттыкутгэвыт. 24 ноября В.Г. Кузнецова сделала попытку покинуть стойбище Тымнэнэнтына, присоединившись к отъезжающим со свадьбы гостям (рис. 44, 45).

Рис. 44. Внутренняя часть яранги (чоттагын). Вблизи полога пьют чай Тымнэнэнтын (справа), его жена Эттыкутгэвйт и Номгыргын. МАЭ РАН. И 1454-13

Рис. 45. Яранга Тымнэнэнтына с приставленными к ней грузовыми нартами. Озеро Экитыки, 1950 г. МАЭ РАН. И 1454-16

24 ноября 1949 г. <...> Утром, не очень рано, Тымнельхот (Большой) разобрали ярангу и собрались к отъезду. Я подошла к их яранге, уже без реттема¹, около стоял Пелятгыргын, укладывали веицы Тымлина и Тымнельхот. Я подошла и высказала желание кочевать вместе с ними. Узнала, что они кочуют в Кунтелек, а Тым[мнененти]н будет зимовать по Вульхвувеем. Пелятгыргын сказал, что его брат, старик, будет ругаться, не дав заранее согласия. <...> Тымлина, к которой я также обратилась с просьбой о совм[естной] кочевке, ответила: «Карем» [Кузнецова 1948–1951: 341].

Тем временем взаимное недовольство хозяев и гости, пожалуй, достигло предела. В ответ на пренебрежительное, оскорбительное отношение хозяев Варвара Григорьевна в сердцах отвечает действиями, как ей хорошо известно, совершенно не позволительными:

30 ноября [1949 г.] <...> Я не успела отскочить, хотя меня предупредили, что они снимают три осн[овные] жерди, как получила удар по голове упавшей тяжелой жердью. С гневом схватила кусок снега, лежавший у моих ног, и бросила в очаг. Гнев, обида заслонили рассудок. Э[тты]кутгеут заругалась, а я пошла к реке, подальше от людей, так ужасно, постоянно издевающихся надо мной [Там же].

Выходом из создавшейся ситуации стала возможность хотя бы на время покинуть ярангу Тымнэнэнтына. В.Г. Кузнецовой удалось вновь перебраться в ярангу Кэргуги, кочевавшего в это время неподалеку от стойбища Тымнэнэнтына.

3 декабря [1949 г.] <...> Караваны наши разделились: Тымненентин и Таегыргын поставили ярангу у реки внизу, мы же, Тымнельхот и Кергуги, — на возвышенности. Так как в моем караване нарты Тымнельхота, то я пошла вслед за Чейвуной. Когда распрягли оленей, Чейвуна сказала, чтоб я шла к Тымненентину, вероятно, думая, что рассчитываю остаться у них. Я не знала, как поступить. К Тым-

1 Рэтэм — крышка яранги

ненентину возвращаться не хотелось. Пошла к Кергути, с к[ото]рым разговаривала Пененует. Спросила ее, где мне быть. Она ответила: «У нас» (разговор с мужем она вела обо мне). Я откровенно проявила свою радость. Помогла ставить ярангу. Вечером не возилась у костра, как обычно бывало в яранге Тымненентина, а вошла в полог [Кузнецова 1948–1951: 340].

В 1950 г. В.Г. Кузнецова уже уверенно ориентировалась на местности. Вместе с чукчами она привязывала маршруты кочевий и места стоянок к имеющейся у нее карте Чукотки (в архиве, к сожалению, эта карта отсутствует).

14 декабря 1949 г. — 25 февраля 1950 г. — месяц и десять дней перерыва в записях. С 26 февраля по 24 марта 1950 г. В.Г.Кузнецова, очевидно, находилась в стойбище Алёля, брата Кэргути. Она жила в разных ярангах стойбища, в частности у Етуги и Уваля. Записи за этот период очень отрывочны. В конце февраля стойбище Алёля находилось вблизи реки «Гитчён-веем» (Гитчен — левый приток реки Кувет). Ко времени весеннего отела откочевали вглубь тундры за р. Вулвувээм у «Анадырского хребта» (Анадырского плоскогорья).

Далее опять следует перерыв в записях до 12 мая 1950 г. Следующая книжка дневника открывается записью:

12 мая [1950 г.], днем выехали на собаках 12 нарт в бухту. Я с Сынком. На рассвете 13 мая подъехали к яранге Омругокая (южный). Часть каюров осталась у него ужинать, торговать и проводить налог (Умкауги) [Кузнецова 1948–1951: 344].

Очевидно, что В.Г. Кузнецова участвовала в это время в неких мероприятиях, связанных с выездной торговлей и налогообложением.

В конце мая В.Г. Кузнецова вернулась в стойбища, летовавшие у озера Экитыки вблизи гор Иргун'эй. Здесь недалеко друг от друга располагались яранги Тымнэнэнтына, Тымнэлкота, Номгыргына, Кэргути, Майныкааквыргына, стойбища Омрытагына и Тымнэнкау. Стойбище Тымнэнкау было довольно большим, в него также входили яранги Тымнэнкера, Тынаан-

тына и Тнарэнтыгыргына, уже упоминавшегося «депутата» (рис. 46, 47).

В.Г. Кузнецова жила то в одной, то в другой семье, что вполне устраивало чукчей. В это благоприятное время года, когда стойбища оставались на одном месте (со стадом кочевали лишь пастухи), Варвара Григорьевна много фотографировала, и сейчас мы имеем счастливую возможность увидеть на фотографиях людей, с которыми она тесно общалась (рис. 48, 49, 50, 51, 52).

Она старалась делать серии фотографий, показывающих устройство яранги, процесс обработки шкур и т.д. Очень ценны пространные и весьма подробные тексты описи негативов. Дневниковые записи, фотографии, опись иллюстративной коллекции с подробными и живыми описаниями снятых сюжетов, дополняя друг друга, дают великолепную возможность наполнить жизнью неподвижные и молчаливые изображения (рис. 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64).

Рис. 46. Две яранги кочевых чукчей Тнарэнтыгыргына и Кэргугэ. 1950 г., озеро Экитыки. МАЭ РАН. И 1454-171

Рис. 47. Пять яранг двух близко расположенных стойбищ Майныкааквугырына и Тымнэтынагырына. 1950 г., озеро Экитыки. МАЭ РАН. И 1454-168

Рис. 48. Чукчанка Пэнэнэут кормит грудью ребенка — сына Тэвлягырына. На санках сидит мальчик Омрыятгырын. МАЭ РАН. И 1454-139

Рис. 49. Яранга Тнарэтыгыргына. Вблизи входа в жилище стоят: хозяйка яранги Етгэвыт, ее трое детей (дочь Тнарэтынэут, сыновья Гэматынагыргын и Гатле), сосед по стойбищу Кэргүгэ. 16 июля 1950 г. МАЭ РАН. И 1454-192

Рис. 50. Подросток-пастух Кымытэгын; девочка Тнаринтынэут держит на руках своего братишку Гатле, на земле сидит другой ее брат Гэматынагыргын. Озеро Экитыки, весна 1950 г. МАЭ РАН. И 1454-144

Рис. 51. Двухлетний мальчик Гатле (в переводе на русский язык это имя обозначает «птица»), младший брат Гэматынагырна. Гатле недавно начал ходить. Он предпочитает стремительный, быстрый (хотя еще и не очень твердый) шаг.
МАЭ РАН. И 1454-179

Рис. 52. Мальчик и Етгэвыт. На мальчике надеты бусы и браслет.
МАЭ РАН. И 1454-181

Рис. 53. Яранга без покрышки. Видны три пятника (вулвут), распирающие верхние части остова, придающие жилью большую прочность во время ветров. Полог висит на обычном месте у задней стены яранги. Около яранги на земле лежит снятая с нее покрышка. Справа сидит девушка из этой яранги Кэунэкай. Яранга Кэргугэ, озеро Экитыки, весна 1950 г. МАЭ РАН. И 1454-138

Рис. 54. Остов чукотской яранги с висющим в ней пологом. Ровдужная покрывка жилища лежит рядом с ярангой на земле. Слева стоит хозяйка яранги Пэнэнэут, справа на земле у полога находится ее ребенок. Фотография отражает весенний период в жизни оленеводов: окончена перекочевка к местам летнего обитания; женщины шьют летние покрытия яранг, заменяя зимние (в данном случае отражен момент, когда с жилища снят зимний рэтэм, и можно видеть как остов яранги, так и детали предметов, находящихся во внутренней части жилья).

МАЭ РАН. И 1454-157

Рис. 55. Северный «святой» угол в яранге (от входа в ярангу с правой стороны) вблизи полога, где хранятся священные предметы. На земле впритык к нарте поставлен деревянный прибор для выжигания огня (милгымил); на поперечной жерди остова жилища повешены деревянные амулеты (тайныквыт). На веревке и на жерди, помещенной над пологом, развешено оленьё мясо. Яранга Кэркугэ, 1950 г., озеро Экитыки. МАЭ РАН. И 1454-151.

Рис. 56. Угол в яранге с северной «святой» стороны. Внешняя часть мехового полога, часть очага, около которого стоит кастрюля и чайник. Над очагом спускается железная цепь (гударачын) для подвешивания котлов и чайников. На земле вблизи нарты стоят деревянные доски для вытирания огня (милгыт). На поперечной жерди висят амулеты (тайныквыт). Развешено оленьё мясо и кишки (элегйи). В углу на поперечной жерди висит начиненная жиром и мясом оленья колбаса (рорат). Яранга Пэнэ-нэут, озеро Экитыки, весна 1950 г.
МАЭ РАН. И 1454-153

Рис. 57. Очаг в яранге, обложенный по кругу камнями. Вблизи полога на веревке вялится оленье мясо. Сухое оленье мясо (кыкватъол) служит питанием в качестве легкого завтрака. На поперечной жерди остова жилища вблизи полога висят амулеты (тайныквыт).

МАЭ РАН. И 1454-155

Рис. 58. Во внутренней части яранги (чоттагын) вблизи полога сидят дети: девочки Кэунэкай и Тнаринтынаут, мальчик Гэматынагыргын. На поперечной жерди остова яранги висят амулеты (тайныквыт). На веревке вялится оленьё мясо.
МАЭ РАН. И 1454-156

Рис. 59. Чукчанка Пэнэнэут шьет летнюю покрывку для жилища. Рядом с ней находится ее сын Тэвлягыргын.
МАЭ РАН. И 1454-150

Рис. 60. Пэнэнэут занята пошивкой летнего покрытия яранги. Стоят: женщина из соседнего ближнего стойбища Рагтынаут, девочка Тнаринтынэут. Вдали видна яранга без покрышки. Озеро Экитыки, весна 1950 г.

МАЭ РАН. И 1454-158

Рис. 61. Чукчанка Етгэвыт обрабатывает оленью шкуру, устроившись на улице около яранги. Набросив шкуру на деревянную доску (виур), женщина счищает мездру при помощи скребка. На земле лежат два скребка, вправленные в деревянные ручки. МАЭ РАН. И 1454-203

Рис. 62. Девушка Омрывакатгавыт занята выделкой шкур. Она работает на улице за ярангой. МАЭ РАН. И 1454-207

Рис. 63. Девушка размягчает каменным скребком мездру обрабатываемой оленьей шкуры.

МАЭ РАН. И 1454-208

Рис. 64. Для проветривания мездры обрабатываемую оленью шкуру Омрывакатгавыт раскинула на стоймя приставленные к яранге грузовые нарты. Омрывакатгавыт одета в один нижний меховой комбинезон (кэркэр), обувь ее — камусные торбаза, окрашенные в темно-красный цвет глиной, носящие название по красителю — челгыегыт.

МАЭ РАН. И 1454-209

Запись от 25 июня 1950 года (фрагмент):

«Рано утром, я еще спала, Тымнэнэнтын с Номгыргыном ушли на рыбную ловлю. Эттык[ут]гэут и Омрувакатгаут на улице около яранги справа опаливали копыта, пантрат¹ и губы оленя от икрэр². Солнце. Проснулась, в чоттагыне никого не было, в большом пологе спал Омрыятгыргын. Оделась, умылась. Взяла за правило, каждое утро умываюсь и полощу рот. Страшно хотелось кушать. Омр[увакатгау]т предложила вчерашнюю рилкэрил, но не хотелось этой пищи. Горькая каша вызывала тошноту. Не стала и пробовать. От голода разболелась голова. Взяла фото, пошла на улицу. Допустила ошибку — не сняла уже заснятую пленку и еще простучала 12 раз впустую. Ошибку исправила, намотала новую пленку, засняла людей у костра, № 8. № 7 — вероятно испорчен — дважды заснято. № 7; № 8 — записано в фотожурнал. На улице же повесили котел и начали варить опаленное. Только после окончания своего дела вспомнили о еде. Достали натъёт. На улице у костра Тымнэлкот работал — обрабатывал железные вещи — нож энанвэнин'. [Кузнецова 1948–1951: 344] (рис. 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71).

3 июля В.Г. Кузнецова отправилась пешком на «87 километр». В пути, занявшем трое суток, ее сопровождали Коок-вургокай, Тымэлкот и Кэргуги, намеревавшиеся сдать шкуры заведующему «лавкой» (торгово-заготовительным пунктом) в поселке Амгуэма А.М. Малыхину. Судя по перерыву в записях, до конца июля В.Г. Кузнецова пребывала в поселке.

30 июля она покинула «87 километр» вместе с Александром Федоровичем Деко, который занимался обследованием и отведением пастбищных территорий для колхоза «Тундровик» и с этой целью намеревался посетить стойбище Номгыргына. Из стойбища Номгыргына В.Г. Кузнецова вернулась к Тымнэнэнтыну.

1 Панралгын (мн. панрат) — камус (шкура с ног оленя).

2 Икырэр-- олень, убитый волками.

Рис. 65. Кочевой чукча Тымнэлькот перековывает нож из куса железа (части капкана). Тымнэлькот одет в нижнюю меховую рубаху мездровой стороной наружу, опушенную снизу белым собачьим мехом, и меховые брюки ворсом к телу. Ноги обуты в торбаза из нерпичьей кожи, обшитые сверху белой нерпичьей кожей с тонкими зигзагообразной формы полосками из окрашенной в красный цвет нерпичьей кожи; голова опоясана кожаным ремешком с кисточками.

МАЭ РАН. И 1454-296

Рис. 66. Перековка ножа из куска железа. МАЭ РАН. И 1454-298

Рис. 67. Две кочевницы — Эттыкутгэвыт и Омрывакатгавыт, опаливают на костре, разожженном на улице у яранги, копыта телят. Телята заболели «копыткой» (некробациллёзом) и были заколоты. У Тымнэлькота, занятого кузнечной работой, на головном кожаном ремешке пришиты бисерные подвески — серьги, спускающиеся до плеча. МАЭ РАН. И 1454-299

Рис. 68. Группа работающих у костра людей на фоне чукотской кочевой яранги. МАЭ РАН. И 1454-300

Рис. 69. Чукча Тымнэлькот использовал разожженный на улице между ярангами костер (на котором женщины опаливают оленье ноги, а затем варят их в котле, подвешенном на треноге) для перековки нового ножа, приспособив для этой цели железную пластину от капкана.

МАЭ РАН. И 1454-301

Рис. 70. Тымнэлкот за перековкой ножа; женщины варят в котле опаленные олени копыта и опаленные срезы с оленьих шкур. 1950 г., озеро Экитыки, Амгумская тундра, стойбище Тымнэнэнытына. МАЭ РАН. И 1454-302

Рис. 71. Костер на улице вблизи яранги; на треноге подвешен котел с варящимися опаленными копытами. Туши заколотых телят, болевших «копыткой» (некробациллёзом). На заднем фоне видна яранга летнего периода с приставленными к ней грузовыми нартами, придающими жилью устойчивость в случае ветреной погоды. МАЭ РАН. И 1454-303

ТРЕТИЙ ГОД ЭКСПЕДИЦИИ (сентябрь 1950 — август 1951 гг.)

Тымнэнэнтын летовал у озера Экитыки «на реке Энмуан» (река Энмываан, впадающая в озеро Экитыки). Стадо выпасалось ближе к Амгуэме «на Энгыргынах (Койэнгыргын, Майнэнгыргын)»¹. В 1950 г. Тымнэнэнтын не переходил на правобережье Амгуэмы и не выходил к побережью океана.

Тем не менее у В.Г. Кузнецовой была возможности завершить свою к этому времени двухлетнюю экспедицию. Помимо вышеупомянутого июльского похода на «87 километр», 3 сентября к месту слияния реки Экитыки с Амгуэмой приходила лодка с товарами, которую приводил А.М. Малыхин.

30 сентября 1950 г. за вечернем чаем Тымнэнэнтын предложил В.Г. Кузнецовой с наступлением холодов перебраться в яранги Тнарэнтыгыргына или Пэн'эн'эут, а еще лучше — в другие стойбища, где бы ей сшили зимнюю одежду. Не надеясь уже на то, что В.Г. Кузнецова его покинет, он предложил ей отправить большую часть пожитков с оказией на «87 километр»,

1 Имеется в виду правый приток Экитыки — Энгергин с притоками.

Рис. 72. Осенняя кочевка, как и весенняя, продолжается много дней. Остановка в пути во время этих кочевков рассматривается как короткая передышка, не требующая основательно и тщательно поставленных жилищ. В хорошую погоду нет необходимости использовать нарты для придания устойчивости яранге. Их не размещают в определенных местах жилища, а оставляют стоять на земле. Подобное, как мы видим на фотографии, скученное расположение нарт на остановке ускоряет процесс сооружения из них загородки (элгаан), в которую загоняют ездовых быков в день перекочевки. МАЭ РАН. И 1454-114

оставив лишь самые необходимые и необременительные при кочевании вещи (рис. 72).

С началом осенних кочевков Тымнэнэнтын двигался на Север от Экитыки к ее правым притокам (Чануан, Телеакай) и верховью реки Чантальвеергын. Ближе к середине ноября Тымнэнэнтын и Тымнэлкот решили разделить стойбище и кочевать отдельно.

12 ноября 50 г. <...> Узнала новость сегодняшнего дня: Тымнэлкот один со своей ярангой будет кочевать на соединение с Кааквургокаем, Тымн[энэнты]н же со своей ярангой будет кочевать в другом направлении, во всяком случае где-то вблизи Амгуэмы. <...> За чаем Тымн[энэнты]н сказал: Ты кочуй с Тымнэлкотом, попадешь на 87 км, они и Кааквургокай будут близко от Амгуэмы. Я промолчала в ответ. Когда все ушли, подавая горячий уголь закуривавшему Тымн[энэнты]ну, я сказала: Я также стремлюсь попасть вглубь тундры. В будущ[ем] году я уезжаю домой, а много

Рис. 73. Чукотское кочевое стойбище ранней весной. МАЭ РАН. И 1454-732

стойбищ я еще не видала. Здесь же остаются всего две яранги (Кааквургокая и Тымнэлкота) и других стойбищ поблизости нет. Э-э, — ответил Тымн[энэнты]н, не сказав больше ничего [Кузнецова 1948–1951: 365].

Тымнэнэнтын собирался кочевать к реке Каленмываам (верховья реки Паляваам), но остался у реки Чантальвеергын (рис. 73, 74, 75).

В феврале и марте 1951 г. В.Г. Кузнецова продолжала жить у Тымнэнэнтына, кочевавшего вдоль реки Энмоун¹, иногда отправляясь погостить в ярангу Неутыны, жены Гемын. С перерывами на гостевание в других стойбищах В.Г. Кузнецова прожила в яранге Тымнэнэнтына до апреля 1951 г. К этому времени Тымнэнэнтын был уже очень болен, его мучила грыжа, были какие-то серьезные проблемы с желудком. И 21 апреля в Килвэй при большом количестве присутствующих гостей он объявил о своем желании принять добровольную смерть.

21 апреля 51 г. <...> Тымнэнэнтыну стало хуже, открыл чоургын², наполовину туловище высунул из полога. Задыхался, стонал. Не узнать было Тымнэнэнтына, похудел,

1 Чантальвэтыргын.

2 Човыргын, чьогыргын — передняя стенка полога, являющаяся входом.

Рис. 74. Жена Тымнэнэнтна Эттыкутгэвыт, сидящая на передней нарте, запряженной парой оленей, ведет кочевой караван. К ее нартам привязаны две собаки. Весна 1951 г. Кочевка из тундры к морскому побережью в Ыпъэн. МАЭ РАН. И 1454-74

Рис. 75. Старуха Кыйтпынэут (в переводе на русский это имя означает «Трудолюбивая») остановила свой кочевой караван (мууриль). Пару оленьих быков, запряженных в ее нарту, она привязывает за узду оленя, идущего в упряжке сзади для того, чтобы можно было остановить свои нарты без риска быть опрокинутыми, а весь мууриль быть уведенным в сторону ее передней упряжкой, пока она осматривает правильность положения правой ноги каждого из оленей ее каравана. Уставший олень третьей нарты лег отдыхать, голова его видна сбоку кочевой кибитки. Кыйтпынэут одета в матерчатую камлейку поверх мехового комбинезона (кэркэра). Шапка, опушенная оленьим мехом, глубоко закрывает лицо. Весенняя кочевка 1951 г. МАЭ РАН. И 1454-77

глаза стали стеклянными, без блеска, лицо страшно осунулось. Закрыв чоургын, он заговорил, как в бреду: Меня ждет упряжка оленей, я спешу туда, оставлю вас. Чейвуна и Эттыкутгэвыт, проснувшись в полог, а также и все бывшие в пологе, сказали больному: Ракалкалте, т.е. не нужно это, не думай об упряжке. Заплетающимся языком Тымнэнэнтын заговорил, стал просить смерти, чтоб задушила его» [Кузнецова 1948–1951: 390].

27 апреля в разговоре с братом Тымнэлкотом Тымнэнэнтын вновь подтвердил свое намерение уйти из жизни. Тымнэлкот съездил за Номгыргыном. Из стойбища Номгыргына, находящегося в 10 километрах, приехали на упряжках Тымнэлкот, Номгыргын с женой Элмырультыной, Тынагыргын. Однако выполнить желание Тымнэнэнтына, как того требовал обычай, его родственники не смогли главным образом из-за присутствия В.Г. Кузнецовой и культработника Амгуэмского сельсовета Анкая (Анкоя), который был вынужден в силу своего общественного положения поддержать протесты В.Г. Кузнецовой.

Чем окончилась эта история, можно только догадываться. Вскоре после описанных выше событий В.Г. Кузнецова стойбище Тымнэнэнтына покинула.

Уже с марта 1951 г. В.Г. Кузнецова пристально вслушивалась в разговоры о планах кочевания. Она собиралась летом (к навигации) завершить экспедицию. Для этого нужно было попасть на побережье, а не летовать в тундре. Необходимо было заранее выяснить планы стойбищ, чтобы еще до разлива рек пересечь Амгуэму, а весна ожидалась ранняя. Вслушиваясь в разговоры, она поняла, что спешил еще до отела перейти Амгуэму только Кааквыргокай. Стойбище Тымнэнэнтына, это было очевидно, быстро кочевать к побережью не могло. В стаде Тымнэнэнтына отел уже прошел, но телята окрепнуть еще не успели, стадо быстро двигаться не могло, а главное, сам Тымнэнэнтын был очень болен.

29 апреля 1951 г. В.Г. Кузнецова приехала на «базу Силаева» (на трассе). Далее в дневниковых записях имеется перерыв, вероятно, этот месяц она пребывала в поселке.

29 мая 1951 г. В.Г. Кузнецова находилась уже в стойбище Кааквыргокая. Кааквыргокай (Каквыргыкай, Кааквургэкай, Каак-

вургокай, Кааквыргокай, Кооквургокой, Кооквургокай) — двоюродный брат Номгыргына. У него было две жены: Рагтын'аут и Пэнас (жена его умершего брата). В стойбище Кааквыргокая (переднедомного) было еще две яранги. Вторая яранга принадлежала Гырголю (Гырголь, Гыргол, Гырголькай, Гырголькой), третья — Энэчыну, брату жены Гырголя Ринтынэ. В.Г. Кузнецова поселилась в яранге Гырголя (рис. 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82).

Несколько позже к стойбищу присоединилась яранга Каглё с женой Кынеп и сыном Гэуныто. К концу мая сюда же подкочевали Номгыргын и Тымнэлкот. Тымнэнэнтына к этому времени уже не было в живых. В записи от 29 мая есть упоминание о том, что в стойбище Кааквыргокая пришли гости (Элмырультына, Номгыргын, Анкой) и что в разговоре выяснилось, что «Элмырультына заболела в день похорон Тымненентына при возвращении домой с тундры» [Кузнецова, 1948–1951: 391].

Рис. 76. Чукчи Амгуэмской тундры Гырголькай и Ятгыргын показывают приемы чукотской борьбы. Гырголькай с тонкой косичкой, заплетенной из пучка оставленных на затылке волос, одет в полосатую матерчатую камлейку.

МАЭ РАН. И 1454-286

Рис. 77. Группа мужчин из кочевых стойбищ. Крайний справа — Каглё из колхоза «Пионер». Он одет в бело-пеструю меховую рубаху, на голове у него ровдужная шапочка (вэчоквын), оставляющая открытой макушку головы.

МАЭ РАН. И 1454-278

Рис. 78. Чукча Каглё с женой Пэнэнэут из колхоза «Пионер» Чаунского района (Рыркайпия). 1951 г. МАЭ РАН. И 1454-673

Рис. 79. Кочевые чукчи: Гэмы (из колхоза «Пионер» Чаунского района), Гырголькай, Кааквургокай. МАЭ РАН. И 1454-690

Рис. 80. Группа чукчей, сидящих на нартах вблизи яранги. МАЭ РАН. И 1454-691

Рис. 81. Кочевой чукча Амгуэмской тундры Кааквургокай. МАЭ РАН. И 1454-692

Рис. 82. Группа чукчей у яранги Кааквургокая. МАЭ РАН. И 1454-699

Рис. 83. Кочевой караван (муульын) ведет сидящая на нартах чукчанка Ринтына. В ее нарты запряжена пара оленей. Весенняя кочевка 1951 г. в сторону морского побережья в Ыпъэн, яранга Гыргольская. МАЭ РАН. И 1454-72

Далее стойбище Кааквыргына разделилось: Эйнячын стал кочевать с Тэмнэнэлкотом, а Гырголь с Номгыргыном. С 5 на 6 июня 1951. г. состоялась последняя кочевка В.Г. Кузнецовой. Гырголь отделился от Номгыргына и вместе с Майныкааквыргыном откочевал к самому морскому берегу в местность Ыпэн. Номгыргын остался практически у своей прежней стоянки. Тымнэлкот также не стал больше кочевать из-за полного отсутствия в тундре снега (рис. 83, 84, 85).

Пользуясь хорошей погодой, В.Г. Кузнецова в последний раз сделала еще одну серию фотографий, показывающих процесс установки яранги:

Томгына вместе с Кааквыргыном первыми установили ярангу. Когда они натягивали ретем, Гыргольской побегал им помогать. Ринтына вторая установила свою ярангу и последняя, позже всех, Кынеп. Погода была хорошая, так что даже фотографировала моменты установки яранг [Кузнецова 1948–1951: 391] (рис. 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93).

Рис. 84. Кочевой караван подошел к месту стоянки. Выпрягают оленей. Весенняя кочевка 1951 г. яранги Гыргольская к морскому побережью в Ыпъэн. 6 июня 1951 г. МАЭ РАН. И 1454-90

Рис. 85. Кочевой караван в пути. 6 июня 1951 г. МАЭ РАН. И 1454-91

Рис. 86. Чукчанка Кымынэ устанавливает шесты яранги. На переднем плане находятся грузовые нарты с лежащим на них арканом (чаат), свернутым в кольцо. На земле лежат лыжи (вэлыегыт — «вороньи лапки»). Яранга Эйи́н'эчин, весна 1951 г. МАЭ РАН. И 1454-83

Рис. 87. Установка яранги на новом месте. Подросток Чымнугэ привязывает верхние жерди (утэм), его родители Гырголька и Ринтынэ приподнимают тяжелое покрытие яранги (рэтэм). МАЭ РАН. И 1454-78

Рис. 88. На переднем плане находится яранга Ринтынэ, покрытая наполовину ров-дужной покрывкой (рэтэм); вторую половину рэтэма, лежащую на земле, собираются поднять; на помощь идет молодая Кымын'э, начавшая ставить свою ярангу рядом. Весна 1951 г. Кочевка к морскому побережью в Ыпъэн.

МАЭ РАН. И 1454-81.

Рис. 89. Недостроенная яранга с натянутой половиной покрытия (рэтэм).

МАЭ РАН. И 1454-82

Рис. 90. Установлен остов кочевого жилища (яранги). МАЭ РАН. И 1454-32

Рис. 91. На остов яранги натянута половина покрытия. Ылпээн, весна 1951 г.
МАЭ РАН. И 1454-31

Рис. 92. Гырголькай натягивает покрывку (рэтэм) на ярангу. Ыпъэн, весна 1951 г. МАЭ РАН. И 1454-30

Рис. 93. На переднем плане чукчанка Кынэп устанавливает ярангу. На заднем плане — готовый остов яранги Майныкааквургына, еще не покрытый ровдугой. Ыпъэн, весна 1951 г. МАЭ РАН. И 1454-33

Отчетливо проявленное В.Г. Кузнецовой намерение покинуть Чукотку, ее длительное пребывание вне стойбища Тымнэнтына разительно изменило отношение к ней обитателей «ее» стойбища, которые, несмотря на все неурядицы и проблемы, к ней привыкли и даже, вероятно, привязались. Это видно по тому, что чукчи вдруг стали выражать свои добрые к ней чувства в связи с предстоящим расставанием, заботились о пище в дорогу и т.п.

27 апреля 1951 г. Тымнелкот заговорил о моем отъезде от них. Скучать мы будем по тебе. Зачем уезжаешь, оставайся у нас. Чейвуна сидела в пологе, шила, распевая, в чоургын был вставлен ярар. Уедешь, очень заскучаем по тебе, — сказала она из полога. — Не только вы, я также буду скучать о вас, — сказала. [Кузнецова 1948–1951: 403].

29 апреля 1951 г. <...> После сообщения Эттыкутгевыт Тымненентыну о моем уходе вскоре она выглянула из полога и, обращаясь к Пенас, сказала: Уже затосковал (обо мне). <...> На мои слова, что я еще вернусь, Тынены сказала: Все будем смотреть в ту сторону, куда ты уйдешь, и будем ждать тебя [Кузнецова 1948–1951: 403].

Перед самым отъездом из Ыпъэн В.Г. Кузнецова с Анкаем отправилась от Гырголя в последний раз навестить стойбища Тымнэлкота и Номгыргына.

24 июля 1951 г. <...> Меня Чейвуна не пустила в стойб[ище] Номгыргына. Чейвуна, Анкой и я покрывали магны снятым с них тяжелой половиной зимнего ретема. За этой работой Чейвуна и сказала Анкою: Ты один иди к Номгыргыну, а Варвара тут останется у нас. Я ее давно не видела и очень соскучилась. И оставила ее переночевать [Кузнецова 1948–1951: 397].

13 июля прибывшая из Ванкарема теща Гырголя Кыйтпынэут принесла известие о том, что в Ванкарем прибывает парход.

13 июля 51 г. <...> Еще вчера, придя из Ванкарема, Кыйтпынэут сказала, что через 5 дней придут эмиэлыт.

Я поняла, что приедут из Ванкарема сюда на байдаре. Сегодня ею были повторены вчерашние слова. И лишь сегодня я разобралась — в Ванкарем придет пароход. Ринтынэ засмеялась — сегодня лишь разобралась в том, что было еще вчера сказано. Ужасное беспокойство овладело мною. Пешком до Ванкарема идти очень далеко. Осталось трое суток до прихода парохода. В сильном волнении выкурила подряд все 4 шт[уки] папирос, данные Кыйтпынэут перед уходом домой. Не находила себе места от волнения. Немного успокоившись, решила — если опоздаю к пароходу, полечу самолетом, не хватит денег, дам в Ин[ститу]т телеграмму [Кузнецова 1948–1951: 396].

Вскоре в Ыпэн пришли байдары из Ванкарема. Ванкаремские чукчи и работники торгово-заготовительной базы Ванкарема прибыли за оленьим мясом и с торговыми целями (рис. 94).

Воспользовавшись оказией, 31 июля 1951 г. В.Г. Кузнецова покинула стойбище и на байдаре отправилась в Ванкарем. В Ванкареме знакомая В.Г. Кузнецовой, работница Полярной

Рис. 94. Береговые чукчи из поселка Ванкарем в гостях у кочевников. Ыпэн. 30 июля 1951 г. МАЭ РАН. И 1454-435

станции Люба Жигулева, очевидно, видевшая ее в последний раз осенью 1948 г., при встрече воскликнула: «Как ты постарела, не узнать тебя» [Кузнецова 1948–1951: 399].

4 августа пришел и встал на рейд тот же пароход «Анадырь», что доставил В.Г. Кузнецову на Чукотку в 1948 г. В.Г. Кузнецова готовилась к отъезду. Проблема была в том, что ехать ей было не в чем. Ванкаремские русские собрали по знакомым для В.Г. Кузнецовой белье. В магазине были куплены «простенький материал на платье», которое сшила жена Малыхина, шерстяная кофта, галоши под туфли, купленные у знакомых. На дорогу были приобретены также 24 банки сгущенного молока, 2 килограмма масла, 2 бутылки коньяка. 8 августа с вещами она переехала на пароход, отошедший от Ванкарема 9 августа 1951 г.

ВРАСТАНИЕ В КУЛЬТУРНУЮ СРЕДУ

В.Г. Кузнецова в соответствии с установками Ленинградской этнографической школы была ориентирована на включенное наблюдение, считавшееся с 20-х годов XX в. наиболее эффективным методом ведения полевой работы. Этнограф отправлялся в поле, жил в сообществе аборигенов, наблюдал происходящее вокруг него и тщательно и максимально объективно фиксировал все, что он видел и слышал. Этот метод требовал полного вживания в изучаемую культуру. И В.Г. Кузнецова была готова, во всяком случае теоретически, к полному погружению в исследуемую ею среду, к своей вовлеченности в повседневные практики или, как она для себя это определяла, «вхождению в быт».

21 декабря 1948 г. <...> «По-настоящему этнографией еще не занималась. Приглаждаюсь еще, вхожу в быт. Единственное, в чем я б[олее] или м[енее] преуспела — в освоении чукотской кухни. Кушаю все чукотские блюда [Кузнецова 1948–1951: 336].

Здесь В.Г. Кузнецова скорее шутит, она не только «кушает все чукотские блюда», но и доскональным образом фиксирует все, что связано с пищей и питанием. Практически с самого начала она «для себя постановила» — «с завтрашнего дня поставлю точно записывать время приема пищи чукчами, какая еда и так на протяжении нек[оторого] времени» [Там же]. Свое «постановление» Варвара Григорьевна выполняла неукоснительно не некоторое время, а на протяжении всего пребывания в экспедиции. Вряд ли где еще можно найти более полное описание чукотских блюд, системы питания, распределения еды, принятых в этой сфере представлений, норм и запретов (рис. 95).

В технологии этнографического исследования употребление местной пищи — один из самых доступных на первых порах способов вживания в чужую культуру, значительно сокращающий дистанцию между исследователем и объектом исследования. И выбора здесь у В.Г. Кузнецовой не было. Откочевав от Ванкарема, она, разумеется, ела вместе с чукчами. Поначалу сохранялись остатки европейской еды, которые быстро растаяли.

Рис. 95. Приготовление чукотской каши из содержимого оленьего желудка. Молодая Тынэны и старик Тынагыргын руками едят сварившуюся кашу. Возвращение с ярмарки в кочевое стойбище. 15 сентября 1948 г.

МАЭ РАН. И 1454-394

12 сентября 1948. <...> Скушала кусочек холодного мяса, напилась чаю с сахаром. С момента кочевки с ярмарки чай пьем с сахаром, за общим столом с чукчами. Изредка кушаем булку, также делись с чукчами (на всех выдали 4 шт[уки]) [Кузнецова 1948–1951: 334].

Оставался еще запас муки, из которой В.Г. Кузнецова пекла на нерпичьем жиру лепешки. Еда была как вполне съедобной с европейской точки зрения, так и весьма экзотической. Уже в первой дневниковой записи упоминаются свежая вареная оленина и вкусный бульон, «сухое мясо, внутренности и кровь», «листокваша» и «каша из кишок и крови». «Листокваша» — это, надо полагать, *вытвыт* — блюдо из вареного и растертого щавеля, а «каша из кишок и крови» — *питийигрилк'ырил* — блюдо из полупереваренного содержимого оленьего желудка, приготовленное с тонкими кишками оленя. Чтобы представить себе, что ела В.Г. Кузнецова во время своего пребывания в поле, приведу выдержки из ее дневников.

13 сентября 1948. <...> Варили кашу *ямгарэлкирэл* (на вкус хуже питийи темно-красного цвета, а эта каша более жидкая и зеленоватая, в ней, видимо, только содержимое желудка оленя [Кузнецова, 1948–1951: 334].

17 сентября 1948 г. <...> Подала листоквашу, макали в нерпичий жир; печень, почки, нижние части ног все в крови. Пили чай. <...> Под вечер кушали вареное мясо (не свежее, но вкусное, напоминает копченый окорок) [Там же].

19 сентября 1948. <...> Сегодня мы взяли белой муки 4 кг, и Пенят пошла печь лепешки. Очень захотелось поесть мучного, подобное желание у меня было в пути с солью (путь — возвращение с ярмарки). Почувствовала сильную слабость от бессолевой пищи, а когда доставала из ящичка лекарство для больной, обнаружила соль, и весь день мясо кушала с солью. Почувствовала возвращение силы и бодрость [Там же].

20 сентября 1948. <...> Едим мороженое мясо — строганина, тонко нарезанные кусочки макаем в нерпичий жир [Там же].

21 сентября 1948. <...> На ужин подали несвежую печенку (понты) и опаленный низ ног. Все в крови, мороженое,

желудок оленя мороженный, кушали, макая в нерпичий жир. Уакай эту еду доставала из нерпичьего мешка, руки почти по плечо были в крови [Там же].

22 сентября 1948. <...> Нам подали мороженую листоквашу, конечн[ости] ног в крови, моро[женое] мясо и чашку с тюл[еным] жиром (всё макали. [Там же].

26 сентября 1948. <...> Кушать меня с Пэглят пригласили к Тайю, подали кыкватол¹, замороженную (сладкую на вкус) кровь (макали в нерпичий жир) и сладкие замороженные коренья (недавно изъяли из мышинной норы, в норе бывает много кореньев), затем чай [Там же].

28 сентября 1948. <...> Кушала сырой мозг оленя (с солью), предложили обглодать ногу оленя (сырую, жилы), но я отказалась [Там же].

21 декабря 1948 г. <...> Омрытвал теперь у Тымнэнэн-тына, заходили к ним, кушали головной мозг, Омрувакотгаут дала мне выпить глазную жидкость оленя. [Кузнецова 1948–1951: 336].

19 марта [1950 г.]. <...> Приехало много чукчей к Уваролт[ыну], жена его свежевала оленя, сварила мяса, гости глодали ноги оленя, дали и мне [Кузнецова 1948–1951: 343].

24 июня 1950 г. <...> Ятгыргын на улице глодал ногу, выбил костный мозг. Съели, так же и я, головной мозг. Обглодала ногу и я, так же Омр[ыятгаргы]н. [Кузнецова 1948–1951: 345].

С наступлением холодов значительная часть продуктов питания употреблялась в пищу в мороженном виде. Обычная еда зимнего и осеннего времени для первой половины дня — мороженое сырое оленьё мясо, мороженный тюлений жир, мороженная тухловатая кровь, разбитые молотком на куски, дополненные мороженой зеленью. Мясо рубили крупными кусками, лишь для стариков и гостей мясо рубили мелко — на крошки, могли и подогреть кусок мороженой еды у огня очага.

4 ноября 1950 г. <...> К завтраку рубленое мороженое легкое и немного морож[еного] мяса, а также кэмээр²

1 Кыкватол — сушеное мясо морского зверя.

2 К'эмэйырын — блюдо из квашеных в тюленьем мешке листьев ивы.

с морож[еной] кровью, разрубленной на куски. <...> Еда — рубленая морож[еная] оленина, сырая [Кузнецова 1948–1951: 364].

5 ноября 1950 г. <...> Омр[увакат]гавыт подала еду: кэмээр[ын], летн[ую] морож[еную] кровь, кусок морож[еного] мяса. Мы втроем ели эту пищу. Старики кушали отдельно вечернее вареное мясо, также на огне поджарили почку [Кузнецова 1948–1951: 364].

7 марта 1951 г. <...> Завтрак обычный — кемеер[ын] без мыткамыт и мутликийтытал — морож[еная] кровь, перемешанная с свежим морож[еным] мясом, то и другое рубленое.

10 февраля 1951 г. <...> Ко второму чаю для хозяев и Тымнелкота — в порошок изрубленное морож[еное] свежее мясо. Для нас второе кеме[ны]¹ — крупнорубленное свежее морож[еное] мясо, кэмэйырын с морож[еной] летней кровью (вилмутлимул) без мыткамыт — очень невкусен без нерп[ичьего] жира один кемеер[ын] [Кузнецова 1948–1951: 368].

2 марта 1951 г. <...> Для старика также ножной костный мозг. Ногу оглодал вечером. После чая наш завтрак обычный — кемеер[ын] с небольшим колич[еством] морож[еного] вилмутлимул, морож[еное] рубл[еное] мясо с морож[еной] рубл[еной] кровью. Тымн[энэнты]н один ел мелко рубленный морож[еный] паакат² [Кузнецова 1948–1951: 374].

Горячую пищу, в дополнение к мороженой, готовили обычно ближе к вечеру. Это в первую очередь каша из полупереваренного содержимого оленьего желудка, важным компонентом которой является свежая мороженная оленья кровь, а также, разумеется, вареная оленина. В обычные дни, когда не было гостей, оленей на пищу забивали мало и к мясу относились предельно экономно, существенной составляющей рациона были растительная пища и нерпичий жир. Рачительное отношение распространялось на все продукты питания.

1 К'эмэн'ы — деревянное блюдо для еды.

2 Паак'алгын (мн. паак'ат) — икра (ноги).

2 марта 1951 г. <...> Нам на ужин — 1) кэмеерын, куском подогретый у очага, резали в пологе ножом, с летн[ей] морож[еной] кровью, также куском подогретой у очага и разрезаемой ножом во время еды. И хозяйка ела с нами эту пищу. 2) очень немного вареного мяса, меньше, чем всегда [Кузнецова 1948–1951: 374].

2 февраля 1951 г. <...> На ужин каждодневно одинаковая еда — 1) ямгар[ылко]рил 2) кэмээр[ын] и немного морож[еного] мяса и морож[еного] нанкын¹ 3) немного вареного мяса [Кузнецова 1948–1951: 367].

4 марта 1951 г. <...> Старкик заворчал: «Каждый день едите кемеерын, что будете кушать весной, в тагрыты-ляма. Не будет ни кемеерын, ни вилмутлимул². Много едите. Можно ограничиться и одной ямгар[ылко]ри». Голодная, я перестала кушать зелень. Вскоре перестала и Омр[ывакыт]гав[ыт]. Лишь Омрыят[гыргын] с жадностью поедал зелень. <...> По словам Омр[ывакыт], гав[ыт] питыи р[ылко]рил самая сытная из их каш, кивлет³ и ямгар[ылко]рил не сытные, опять скоро захочешь кушать [Кузнецова 1948–1951: 375].

6 марта 1951 г. <...> Ятг[ыргы]н сварил густую кашу, много положив крови. Обычно, из-за экономии, крови кладут мало и каша бывает жидкой [Кузнецова 1948–1951: 376].

В.Г. Кузнецова проявляла полную всеядность, хотя желудок, не привыкший к чукотской пище, разумеется, поначалу болел.

«26 сентября 1948. <...> Часа через 2 Тымн[энэтын] и Айнэвтэгын ушли в стойб[ище] к Омрыквоту, и мы кушали одни — мороженое мясо и зеленые мороженые листья, перемешанные с нерпичьим жиром. Чай. То, что я дважды в один день ела мороженую пищу, не прошло бесследно» [Кузнецова 1948–1951: 334].

1 Н'анкын — желудок.

2 Вилмутлымул — квашеная кровь: блюдо, состоящее из квашеной крови, растений и жира.

3 Кивлет — похлебка из оленьей крови и жира.

«27 сентября 1948. Встала очень поздно, все уже давно были на ногах. Часы остановились. Поставила произвольно на 10 утра. Больная, сильный озноб, болит тело (вчерашняя мороженная пища сказалась)» [Кузнецова 1948–1951: 334].

«10 октября 1949. <...> У меня впервые появились признаки заболевания пищевода. Сужение пищевода?» [Кузнецова 1948–1951: 334].

Несравненно более серьезной проблемой был не характер питания и связанные с ним временные нелады со здоровьем, а малое количество достававшейся Варваре Григорьевне пищи — хроническое недоедание¹. Дневник изобилует сетованиями на постоянное чувство голода. И это для человека, только что пережившего Ленинградскую блокаду, было ужасным испытанием, не только физическим, но и психологическим.

23 декабря 1948 г. <...> Мяса сварено было мало, т.ч. сытости я не ощутила [Кузнецова 1948–1951: 336].

26 ноября [1949 г.] <...> Пререм я съела вскоре после ее ухода с жадностью всегда полуголодного человека. Я всегда полуголодная [Кузнецова 1948–1951: 341].

27 ноября [1949 г.] <...> Пришел Ятгыргын, залез в полог. Сказал Тымнены, что он хочет кушать. Вышел в чоттаген и приготовил еду — кемеерын, морож[еную] кровь и морож[еное] мясо, тюл[ений] жир с кусочками нетопленого тюл[еньего] жира, и все — в большом количестве. Впервые за многие месяцы после принятия трапезы я не ощутила, что у меня пусто в желудке [Кузнецова 1948–1951: 341].

18 сентября 1950 г. <...> Совершенно не разрешим вопрос с питанием — я всегда полуголодная. [Кузнецова, 1948–1951: 358]

22 ноября 1950 г. <...> В течение дня, с 2-х ночи, собственно я ничего не ела. Утром за 2-мя чаями по маленькому кусочку мяса, днем ямга р[ылко]рил и больше ничего.

¹ По всей вероятности, именно хроническое недоедание было основной причиной трагической гибели в 1929 г. Н.А. Котовщиной — руководителя Северомальской экспедиции Ленинградского университета [Пика 1989: 107].

Совсем не кушаю жиров. Кожа же я, одни кости, как скелет. [Кузнецова 1948–1951: 365].

1 января 1951 г. <...> Ужасное каждодневное страдание — я всегда полуголодная [Кузнецова, 1948–1951: 366].

5 марта 1951 г. <...> Хозяева, как и всегда, кушали хорошие жирные куски, мне — полусырую пленку мяса. Всегда полуголодная, истощенная, исхудавшая, наяву вижу кастрюлю с горячей кашей. Хлеб, картошка, каша, все равно что, лишь бы досыта поест, не ощущать бы ежедневно полуголода. Моя жизнь у Тымн[энэнт]на хуже блокадного периода в Ленинграде, лишь бомбежек да обстрелов нет, а голод мой мучительнее блокадного [Кузнецова 1948–1951: 376].

11 марта 1951 г. <...> Возвращусь к себе на родину, приму нормальный образ жизни, отойду, отживу, и постепенно забуду черные стороны моей жизни у чукчей, главное — постоянный голод. Забылся же и сгладился голод Ленинградской блокады. Теперь же мучная каша мне кажется непередаваемо вкусной. Возвращусь домой, буду варить мучную кашу, — говорю я себе. И в блокаду было подобное. Наступит мирное время, все появится, первое, что я буду кушать, это пшеничную кашу с маслом и сгущенным молоком, — мечтала я после угощения такой кашей Ильей Михайловичем, начальником госпиталей блокадного Л[енингра]да, моим соседом по квартире [Кузнецова 1948–1951: 378].

Достаточно быстро стало очевидным, что имеющаяся экспедиционная одежда плохо соответствует суровому климату и чукотскому образу жизни с его длительными кочевками, требовавшими не только физической выносливости, но и подвижности.

14 ноября [1949 г.]. Очень длительная кочевка, с утра дотемна. <...> Ужасно устала, весь путь шла пешком, рырвенны¹ непослушен и упрям как осел. Оказалась последней в караване, потом переждал старик Рентуги и со своим

1 Рырвэнры — женский упряжной олень.

«обозом» последовал за мной. Дрянь старикашка, по-чукотски выразил свою злобу ко мне: заорал, конец коолчына¹ прижал ко рту, продолжал ругаться и кричать на меня по поводу того, что я отстала от идущих впереди меня. Выбиваясь из сил, увязая в глубоком снегу, я тянула за повод — коолчын — своего рырвенны. Безобразно тяжела моя одежда. Сбросила свой керкер², наступили морозы, а у меня до сих пор одинарный старый керкер. Одеда ватные брюки и ватник, танойгы коногты (нерпичьи брюки) и полушубок. Как многопудовый камень тяжела моя одежда. [Кузнецова 1948–1951: 341].

12 декабря [1949 г.] <...> Поверх керкера я одеда чук[отскую] женск[ую] камлейку, весь мой костюм очень тяжел и неуклюж, и я устала [Кузнецова 1948–1951: 341].

Осознав острую необходимость обзавестись традиционной чукотской одеждой, В.Г. Кузнецова обнаружила, что чукчи не спешат ей помогать. Она с трудом доставала шкуры на одежду (выменивала, покупала за деньги), пыталась с кем-нибудь договориться о шитье. Это вызывало недовольство, поскольку женщины с большими усилиями справлялись с обработкой шкур и пошивом одежды для себя и мужчин своей яранги. В.Г. Кузнецовой в полном соответствии с установками полевой работы приходилось самой обрабатывать добытые шкуры и шить себе одежду, раскроенную чукчанками. Эта работа была ей в тягость, и большим усердием В.Г. Кузнецова не отличалась, что раздражало чукчей, которым приходилось напоминать ей о необходимости самостоятельно обеспечить себя одеждой, как то и подобало женщине. Станным для них было и то, что В.Г. Кузнецова отдавала предпочтение не женской одежде — весьма неудобному в быту меховому комбинезону, а мужской одежде (меховым рубаше и брюкам) (рис. 96).

21 декабря 1948 г. <...> Сегодня дала пачку чая им и Чейвуне. Еще раньше дала Тын'эны 25 р. И просила шить

1 К'оолгын — узда оленьей упряжи.

2 Кэркэр — меховой женский комбинезон.

Рис. 96. Этнограф В.Г.Кузнецова, проведшая в стойбище Амгуэмской тундры три года (1948-1951 гг.). Одета в меховую одежду мужского чукотского покроя. Рядом с ней сидит чукчанка Пэнас, одетая в женский меховой комбинезон (кэркэр). МАЭ РАН. И 1454-295

мне плекыт¹ и женские памьт², до сих пор не сшили, все откладывают. У Чейвуны нет чая, дала им чай, пообещала скоро сшить для меня обувь (чай плиточный в 250 гр. — 30-ти рублевый) [Кузнецова 1948–1951: 336].

2 января 1949 г. <...> Накануне дня перекочевки на это место Чейвуна наконец-то принесла мне новые плекыт, сшила-таки, сказав, чтобы я дала ей еще чая (25 р., 1 плитку чаю за 30 р. дала до этого) [Там же].

20 января 1949 г. Уакай и Омрытвал в большом пологе шьют мне кэркэр [Там же].

1 Плукыт — короткие торбаза из оленьего камуса.

2 Памьят — чижи (чулки).

8 июня 1949 г. <...> Я разминала камус для своих торбаз [Кузнецова 1948–1951: 339].

16/VII [1949 г.] <...> Омр[увакотгау]т шьет мне летние торбаза кергыплекыт¹. [Там же].

10 ноября [1949 г.]. Мороз, а я в прошлогоднем керкере, без второго — нижнего, в безобразных торбазах. Вторую зиму мерзну. Левая щека в болячках, не пойму, обморозила ли или еще с ярмарки, когда в пути пила много болотной и речной воды. По-видимому, обмен веществ тому причина [Кузнецова 1948–1951: 341].

16 ноября [1949 г.] <...> Занималась «делом» — разминала ногами шкуру для своего керкера [Кузнецова 1948–1951: 341].

23 ноября [1949 г.] <...> Я решила «сдвинуть мертвый камень» — пошивку моего керкера — и обратилась с просьбой о пошивке к Тымлине и находящейся у них в яранге Тынетогеут, сестре Пелятгыргына и жене Тымнелъхкота. Мне сказали, что сначала необходимо получить согласие главы — ичоча Тымнелъхкота, отделившего своих оленей [Кузнецова 1948–1951: 341].

25 ноября [1949 г.] <...> Я и Эттыкутгеут долго не спали, она шила Тым[нененти]ну чижиз из мяг[ой] шкурки оленя, я — свои торбаза [Кузнецова 1948–1951: 341].

1 декабря [1949 г.] <...> Мороз, я мерзну в полушубке [Кузнецова 1948–1951: 341].

2 декабря [1949 г.] <...> С помощью Эттытваль я докончила свои торбаза: в этот вечер пришила сверху торбаз вышитую кайму, срезанную с моих летних кыргы-плекыт [Кузнецова 1948–1951: 341].

3 декабря [1949 г.] <...> Меня позвали к Чейвуне примерять мой керкер. <...> Керкер дошла наконец-то Чейвуна, но без воротника, лишь с маленькой каймой собачьей шкурки вокруг ворота. Я сделала ошибку, сказала Чейвуне не пришивать воротник из той шкурки собаки, что я ей дала, так как Омрытаген пообещал принести другую — черную шкуру, и Чейвуна значит[ельную] часть собачьей шкурки оставила у себя. Поверх ватных брюк и фланелевой рубахи я одела керкер (лишь в декабре) [Кузнецова 1948–1951: 341].

1 Кыргыплекыт, кыргыпчекыт — обувь домашняя, летняя.

15 сентября 1950 г. <...> За утренним чаем Тымн[энэнты]н сказал мне, что я совсем не думаю и не беспокоюсь, что скоро наступит зима — данные им две шкуры мне на одежду так и лежат никем не обработанные. Я сказала — Раглин'аут не сможет сделать? Хозяйка посмотрела на меня и ответила — конечно, нет, женщина одна, нет гипылына (женщины-работницы). Наша хозяйка и Раглин'аут — двоюр[одные] сестры (наувл). Зная характер чукчей — не возражать, выказать послушание, я начала счищать мездру шкуры. Жарко, тяжело. Пришедший Номг[ыргын] заметил «нытэмминныйгым», я ответила «эткы, нылегтийгым». Тымн[энэнты]н и Номг[ыргын] сказали — мэчынкы, но заметили, что шкура пересохла. Это было замечено весьма кстати, мне страшно хотелось прекратить мою работу [Кузнецова 1948–1951: 357].

19 сентября 1950 г. <...> Сегодня за утренним чаем Тымн[энэнты]н посоветовал сохранить до морозов мой нижний кэркэр и не носить пока (я одеваю уже оба кэркэра). А сейчас, пока нет морозов, носить старый кэркэр и вниз одевать ватник и матерчатые брюки [Кузнецова 1948–1951: 358].

9 октября 1950 г. <...> Вчера вечером принесла и отдала Рагтын'аут чайную из пластмассы чашечку, столовую ложку, семь иголок, наперсток. Ее девочке — две белые пуговицы, две булавки. Попрошу взамен камус на торбаза. <...> Омрытвал отдала десять иголок, наперсток, серьги, две пуговицы и две булавки. Попрошу кусок собачьей шкуры на отделку кухлянки [Кузнецова 1948–1951: 362].

16 октября 50 г. <...> Я шила начатые вчера торбаза и провозилась долго. <...> Пэн'эн'эут вблизи яранг рвет хворост. Подошла к ней, спросила, не раскроит ли мне меховую рубаху и штаны. <...> Зашла в ярангу Раглинаут. <...> Дала ей наперсток и восемь иголок и попросила пришить подошву к торбазам (подошву дала Етгэвыт). [Кузнецова 1948–1951: 362].

6 ноября 1950 г. <...> Утром из полога, я была в чоттагын, хозяйка сказала — почему не принесла шкуры и не начинаешь шить одежду, скоро наступят сильные морозы. Я пошла к своим вещам за бисером, иголками и пуговицами,

чтобы дать хозяйке — в ответ на ее слова о пошивке одежды. Достала из нарт мешок, где лежат «безделушки», темный бисер, красные и белые бусы, десять иголок. [Кузнецова 1948–1951: 364].

7 ноября 1950 г. <...> Сегодня в чоттагын Эттыкутгэ-выт раскроила мой ирын¹. При морозе в чоттагыне я начала шить [Кузнецова 1948–1951: 364].

8 ноября 1950 г. <...> Вечером и часть утра в пологе я шила свою мехов[ую] рубаху. Шью машинными нитками [Кузнецова 1948–1951: 364].

9 ноября [19]50 г. <...> Утром жирники погасили — экономят жир. Я осталась одна в пологе, приставила палку, приоткрыв чоургын, шила при бледном дневном свете свою мехов[ую] рубаху. Весь день пробыла в пологе, на улицу не выходила. <...> Мехов[ую] рубаху я почти закончила, остался один ворот. Вечером хозяйка раскроила мои верхн[ие] мехов[ые] штаны. Я начала шить. <...> Я сшила обе штанины своих мехов[ых] брюк, но шкурка маленькая и не хватает на все брюки. [Кузнецова 1948–1951: 364].

11 ноября 1950 г. <...> Хозяйка несколько раз говорила — если бы тебешили кэркэр, теперь уже закончили бы. А кухлянку со штанами, да еще нужно то и другое нижнее, мы очень растянули. Об этом же сейчас она говорила в чоттагынэ Тынагыргыну. — Почему она не оденет кытэпирын (мой полушубок) как нижнюю меховую рубаху. — Тяжелый, — ответила хозяйка. Пожалуй, верно, из полушубка сделаю себе ниж[ние] мехов[ые] штаны [Кузнецова 1948–1951: 364].

28 ноября 1950 г. <...> Я же не спала совсем, всю ночь шила свои верх[ние] мехов[ые] брюки. Все время болят глаза, оба глаза гноятся, покраснели, воспалены. За эту ночь, проведенную без сна, при очень плохом свете, глаза окончательно воспалились, залиты кровью и гноем. Сидела в одном старом худом нижн[ем] кэркэре, т.к. верхний порезала и сделала мехов[ую] нижн[ую] рубаху. В пологе было очень холодно, я вся продрогла [Кузнецова 1948–1951: 365].

29 ноября 1950 г. <...> Согреть же чай Омр[увакат] гав[ыт] отказалась, я сама не могла выйти в чоттаген

1 Ирын — кухлянка (верхняя и нижняя), одежда.

в старом нижнем дырявом керкере. Омр[увакат]гав[ыт] торопила с выходом из полога, т.к. уже собиралась снимать его для выбивания. Я стала одеваться — поверх нижн[его] керкера одела матерчатые брюки, полушубок без рукавов [Кузнецова 1948–1951: 365].

8 февраля 1951 г. <...> Всю зиму я ношу одну пару торбаз, плохо просыхаемые от постоянного употребления [Кузнецова 1948–1951: 367].

19 февраля 1951 г. <...> Сижу в пологе, а ноги мерзнут как на улице, хотя я уже обула торбаза. Большой палец правой ноги обморожен в январские морозы и первый чувствует холод. Все время прикладываю вату и бинтовую, посыпая обмороженное место стрептоцитом. Вата намокает и присыхает, видимо, есть гноевыделение [Кузнецова 1948–1951: 371].

Отсутствие необходимого количества и ассортимента качественной чукотской одежды преследовало В.Г. Кузнецову на протяжении всего пребывания на Чукотке и изрядно отягощали и без того непростые условия существования. До самого конца экспедиции вопрос с одеждой оставался неразрешенным. 10 июня 1951 г. она замечает: «К возвращению Чайвына в Ванкарем он уже издержал мои деньги на покупку продуктов и торбаз мне не купил. Я совсем без обуви, в одних чижках» [Кузнецова 1948–1951: 395].

Полная физическая включенность в изучаемую культуру обусловила немало специфических гигиенических проблем.

К такой особенности чукотской жизни, как грязь и всепроникающие вши, В.Г. Кузнецова была теоретически готова. Ей, конечно, были хорошо известны высказывания В.Г. Богораза: «Имейте в виду, <...> этнографом может стать только тот, кто не боится скормить фунт крови вшам. Почему скормить, спрашивается? Потому что узнать и изучить народ можно, только если живешь с ним одной жизнью. А у них вошь — довольно распространенное животное» [Гаген-Торн 1994: 51]. Действительность, я полагаю, сильно превзошла ее ожидания, и «непосредственное телесное переживание чужой культуры» [Кормина 2005: 60] в поле стало очень тяжелым испытанием.

11 сентября 1948 г. <...> Как я страдаю от вшей и грязи, до крови расчесываю тело. Во имя чего? [Кузнецова 1948–1951: 334].

18 ноября 1950 г. <...> Все тело чешется, как искусанное осами. От грязи, пота и от вшей [Кузнецова 1948–1951: 365].

20 ноября 1950 г. <...> Тымнэны у нас в пологе, на моем месте, в кинмэн, причесывается. Взяла гребень Омр[увакат] гав[ыт], свой утерjala. Раздается постоянный треск. На подносе такая масса вшей, а волосы еще короткие, нет косичек [Кузнецова 1948–1951: 365].

21 ноября 1950 г. <...> Ужасный мороз сегодня, от холода ломило ноги, руки, все тело. Все вещи — ночной горшок, чайники обжигали, как огнем, морозом. У меня заболели подушечки пальцев рук, как от ожогов. <...> Мороз и вши. В кинмен, в мои ноги каждый вечер складывают одежду молодежи, вишивую, и партиями вши переползают ко мне. Как захожу в полог, в тепло, вши хороводы водят на моем белье, в одежде и обуви. Ноги в кровь расчесаны, сил нет сдержаться [Кузнецова 1948–1951: 365].

Вши и грязь были проблемой настолько острой, что именно об этом, а не о чем-нибудь другом В.Г. Кузнецова пишет и в последних строках своего дневника, на пароходе, отплывавшем от чукотского побережья:

13 августа [19]51 г. <...> Я не могла уснуть, включила свет. Блаженствую — в чистой постели, чистое белье. Вши не кусают. Это неудобство отошло уже надолго [Кузнецова 1948–1951: 399].

Неизбежным следствием бытовых условий (грязь, холод, скученность людей в жилом помещении, плохое освещение) были проблемы со здоровьем, особенно мучили Варвару Григорьевну постоянно воспаленные глаза.

4 октября 1949 г. <...> Чем я заболела? «Ячмень» или розжистое воспаление? Вот ужас. То веко покраснело и вздулось, распухла щека, ударяет в висок [Кузнецова 1948–1951: 340].

11 ноября 1950 г. <...> Мой больной правый глаз было выздоровел, а дня 4 тому назад опять заболел. Правда не такое обильное гноевыделение, но все же есть, и покраснение глазного яблока. Опять начала капать капли утром и вечером. Просыпаюсь со слипшимся веком и плохо вижу. Каждодневный испуг — теряю зрение. Вчера обнаружилась новая болезнь — распух, покраснел и очень чешется безымянный палец левой ноги. Обморозила или пеллагра? Сначала боль не ощущалась, а только опухоль и зуд, сегодня чувствуется и боль, болезненный зуд. 29 октября в ночевку у Кааквургокая заболело левое ухо, шум и небольшая глухота, видимо, ушная сера скопилась. Неприятно отдавало в голову, в мозг. Сейчас почти не ощущаю шума, прошло. Вся я понемногу расклеиваюсь, не то, так другое начинает сдавать [Кузнецова 1948–1951: 364].

20 ноября 1950 г. <...> У меня опять заболели глаза. Просыпаюсь со слипшимися от гноя глазами. Вчера вечером зачесался левый глаз, а сегодня проснулась с гноящимся левым глазом [Кузнецова 1948–1951: 365].

22 ноября 1950 г. <...> У меня болят оба глаза, по утрам просыпаюсь со слипшимися от гноя глазами, оба глаза покраснели, и заметно ухудшилось зрение. У меня ведь было очень хорошее зрение. Это от слепых, еле мерцающих жирников [Кузнецова 1948–1951: 365].

10 февраля 1951 г. <...> Я больна, всю ночь на 10 февр[аля] стонала, просыпаясь от собств[енного] сто-на, горит все тело, голова, ломит кости, жар и озноб. Болит правая, вывихнутая вчера в колен[ном] суставе нога. Всю зиму страдаю воспалением глаз, а сейчас гноевыделение, краснота и вспухлость век увеличились. Просыпаюсь со склеившимися от гнойного выделения глазами [Кузнецова 1948–1951: 368].

Безусловно, придерживаться общепринятых норм гигиены в условиях чукотского кочевого быта и сурового климата было крайне затруднительно. Даже такие простые процедуры, как мытье, было доступно либо во время нечастого пребывания в поселке (в бане) либо в теплое время года в ближайшем водоеме. Чрезвычайно тяжелые условия существования (и физиче-

ские, и психологические) привели, очевидно, к тому, что В.Г. Кузнецова в какие-то моменты впадала в настоящую эмпатию, которая практически убирала культурную дистанцию между исследователем и объектом исследования.

29 апреля 1951 г. К базе Силаева подошли утром 1 мая, в 8 утра. <...> Любезный Силаев и в этот нас приход принял гостеприимно. Я попросила истопить баню. Горячая вода и мыло в моей кочевой жизни отсутствуют месяцами, поэтому я каждый раз, как удастся, попасть в оседлый поселок, блаженствую [Кузнецова 1948–1951: 403].

30 ноября 1949 г. <...> Я, в чоттагене, взяв из чайника кружку воды, вычистила зубы, совершенно почерневшие от табака и чая, и мокрой тряпочкой вытерла лицо [Кузнецова 1948–1951: 341].

26 июня 1950 г. <...> Взяла за правило, каждое утро умываюсь и полощу рот. [Кузнецова 1948–1951: 345].

27 февраля 1951 г. <...> После ее ухода я занялась своими зубами, почерневшими от крепкого чая и табака. Зубы чищу редко, уже на исходе зубной порошок, осталось с чайную ложку. Булавкой соскребла с передних зубов черноту [Кузнецова 1948–1951: 372].

1 марта 1951 г. <...> Сегодня сменила свои нижние конагты¹, — лыжные, уже вонючие, заменила другими, также не меховыми [Кузнецова 1948–1951: 374].

30 ноября 1949 г. <...> В чоттагене вдвоем с ней мы «вдоволь» наелись каши, кистью руки набирая кашу. Кушая р[ильке]риль в чоттагене, я пренебрегаю ложкой — горячая каша согревает руку [Кузнецова 1948–1951: 341].

Разумеется, и целенаправленное вживание в культурную среду и вынужденная, обусловленная полевыми условиями эмпатия не сделали В.Г. Кузнецову абсолютно «своей». Даже ее запах был фактором раздражающим.

13 марта 1951 г. <...> — От тебя плохо пахнет, — сказала мне Неутына, сидя по другую сторону костра, в ме-

1 К'онагтэ — штаны.

тре от меня. С лета я ношу лыжную рубашу, заскорузлую от пота и лоснящуюся от грязи, вонючую. Чукчи очень чуткие на запахи, как животные [Кузнецова 1948–1951: 380].

4 июля 1951 г. <...> Раглина, заходившая к матери, возвратилась к нам возмущенная. Вдвоем с ней были в чоттагене. — Как только я зашла в чоттаген, мать моя сморицила нос и сказала мне: Колё нытанниткакэн — От тебя пахнет запахом русских. А Каглё добавил: Конечно, запаха нет, т.к. Раглина возится с бумагами, пишет. — Ужасно лживый человек этот Каглё. Единственное, что я делала, так это закуривала из твоей трубки и из твоего кисета, из которого действительно исходит запах русских. Этот кисет мне сшила Раглина из клетчатого красного холста, в к[ото]ром лежала пудра, и запах пудры до сих пор не исчез, хотя в кисете лежит табак [Кузнецова 1948–1951: 395].

Она оставалась носителем чуждой чукчам культуры, и чукчи подозревали, что определенные ее действия могли быть вредоносными (намеренно или ненамеренно).

В первую очередь это относилось к такому непонятному занятию, как постоянное ведение записей. Интересно, что чукчи видели в этом занятии одновременно и вполне профанные неприятности (от отвлечения от домашних работ до доносительства), и угрозы сверхъестественного характера. Не всегда приятно было чукчам и то, что сакральные действия также происходили на глазах постороннего наблюдателя. Это было практически неизбежно. Лишь в единичных случаях В.Г. Кузнецову просили выйти и не мешать.

10 августа 1950 г. <...> Вчера под вечер хозяйка затеяла разговор о том, чтобы я не сидела со свечей в чоттагынэ, когда все они ложатся спать. Мотивом выставила то, что к огню соберутся каляйнын (злые духи). Разговор же начал Тымнэнэнтын, спросивший меня, сообщала ли я русским о колдовстве Вэтгынлын и Эттытэгына, наставших смерть на Увакай (жену Тымнэнэнтына) и вселивших каляйнын в стадо Тымнэнэнтына (все лето стадо было очень беспокойно). Таких «колдунов» чукчи называют «уйвэл».

Про Вэтгынлын и Эттытэгын старик сказал, что они действуют совместно, приготовляя еду, в которую подмешивают мясо покойника (умершего старшего брата Эттытэгына), нытэкйччинкэт (нытэкичгинкаат) — делают колдовское мясо. Вот с этого-то разговора и перешли на то, что свет зажженной свечи привлечет в чоттагын каляйнын. Пиши днем — сказал мне Тымнэнэнтын [Кузнецова 1948–1951: 349].

19 августа 1950 г. <...> Омр[ыят]гыргын спит со стариками в новом большом пологе. Каждый вечер в пологе (в маленьком) я зажигаю свечу тайно от стариков. Они говорят — пиши днем, а вечером и ночью не зажигай свет, привлечешь злых духов — каляйнын [Кузнецова 1948–1951: 351].

21 апреля 1951 г. <...> Лежавший на шкуре в чоттагене Эттырултын, мотнув ногой в мою сторону, произнес: В праздник Килвэй они все пишут. Кунь, — поддержала его жена Чейвын'эвыт, злобно посмотрев на меня. Болезнь Тымнэнэнтына, его просьбы об удушении Эттырултын хотел обусловить нашими занятиями, обвинил нас в причине болезни старика, а тяжкие страдания Тымнэнэнтына привели его к просьбе об удушении. «Кэлвайми Ам Кэличитканат», — сказал он. Видимо, считают грехом в большой праздник Килвэй заниматься писаниной [Кузнецова 1948–1951: 390].

9 июля 1949 г. <...> После ужина они зашли в полог, Тымн[енэнтын] предупредил, что будет играть в бубен. Я осталась в чоттагене, вскоре, сначала Уакай, а потом Омр[увакотгау]т сказали мне, чтобы я вышла за тыттыль. Я сразу же исполнила их просьбу и сама вышла из чоттагена. Сижу у яранги, пишу [Кузнецова 1948–1951: 339].

Прямой упрек в злонамеренных колдовских действиях зафиксирован в дневниках лишь единожды. Как правило, чукчи не подозревали В.Г. Кузнецову в злонамеренности, но были весьма настороженны, поскольку полагали, что она своими неосторожными действиями по незнанию могла приносить вред. Проявлялось это, в частности, в отношении к лекарствам, которыми В.Г. Кузнецова пыталась лечить чукчей.

10 июня 1951 г. <...> Пузырек из-под глазных капель я не выбросила, а отдала ребенку играть. Тымнекалечай-вын налил в пузырек воды. Боясь, что он будет пить, я предупредила его. В чоттагене сидели все. Мать, Ринтыне, закричала на сына: Опять что-то черно-колдовское, — осеклась, посмотрела на меня. А в день прихода Кыйтпынеут к нам, когда все собрались к Кооквыргыну на чай, вели разговор о всяких новостях и событиях, а также об умерших людях в этом году (жена Гувагыргына, жена Рентыгыргына Вутьгевыт), Кыйтпынеут сказала: А злые колдуны ньоратвакан (долго находятся) [Кузнецова 1948–1951: 393].

24 сентября [1950 г.] <...> От Номг[ыргына] привезли на нартах заболевшего Тымнэлкота. Прежняя болезнь — в колен[ном] суставе левой ноги. <...> Предложила намазать больную ногу наш[атырным] спиртом, а сначала сделать теплую ванну. Слышала, как об этом сообщил Чейвуне. Чейвуна ответила — теплая ванна приведет к дождливой погоде. Я молчу, больше не стану предлагать лечения [Кузнецова 1948–1951: 359].

9 марта 1951 г. <...> Я собралась сегодня идти к Гемын. <...> Еще в пологе, перед моим выходом, Омр[ывакыт] гав[ыт] спросил: Пойдешь к Гемын, опять понесешь свой мешок? И кружку возьмешь? — спросила хозяйка. — Она из нее там пьет чай, — за меня ответила Омр[ывакыт] гав[ыт]. — Это плохо, что ты одной кружкой пользуешься у нас — у нашего огня находясь, и у чужих — у другого огня. Опять Тымн[энэнты]н заболает. Хоть протри хорошенько кружку, — сказала хозяйка. — Постоянно я вытираю кружку [Кузнецова 1948–1951: 378].

О ревностном отношении чукчей к своим сакральным предметам, желании оградить их от соприкосновения с чужаком говорит приведенная в дневнике история с охранителем Тымнэнэнтына, который какими-то образом попал в чемодан В.Г. Кузнецовой, где и был обнаружен. Вероятно, остроуту ситуации усугубляло то, что чукчи вообще подозревали, что ухудшение здоровья Тымнэнэнтына напрямую связано с длительным пребыванием в его яранге В.Г. Кузнецовой.

25 января 1951. <...> Я пошла по воду на озеро. В первый раз за много месяцев зимы увидела солнце, взошедшее низко у гор, ходила с мальчиком Омрыят[гыргын]ом. По дороге домой он мне сказал: Зачем ты взяла (украли) кэпролгын¹ Тымненентына? Несколько дней тому назад другой мальчишка Таеквын об этом же спрашивал меня, но я не придавала значения. — Ты украла кепролгын Тымненентына, об этом говорят все наши, и сегодня в пологе в присутствии Гемын и его жены опять говорили об этом же. Этот пустяк, казалось бы, взволновал меня и встревожил. Возведут в степень большого преувеличения этот маленький факт, и пойдет по стойбищам молва и пересуды обо мне. На прошлой стоянке были оставлены мои вещи, Ятгыргын пошел за ними, открыл мой чемодан и перерыл и пересмотрел его содержимое, и в чемодане увидел эту куклешку. Как она ко мне попала? Вероятно, я нашла ее на земле и положила к себе, не спросив никого, чья она, а затем и позабыла о ней. <...> Вскоре к концу чаепития я стала инициатором собственного самобичевания. В присутствии Тымн[энэнты]на и гостей — Кагле, Гемын и его жены, нашей хозяйки, Иноземцева, я повела такой разговор. Мне стало известно, что вы говорите о краже кепролгын Тымн[энэнты]на мною, о том, что я взяла кепролгын. — Да, сказал Гемын. — Что-что? — спросил Кагле. — Кепролгын, повторила я. Кагле еще, оказывается, ничего не знал о кукле. — Куклу я не украла, теперь хорошо не помню, как она оказалась у меня, или я нашла ее на земле, или дали ее мне в начале моего приезда девочки Мемыля. Я не знала, что это кепролгын, подумала, что детская игрушка. Тымн[энэнты]н со злым лицом грубо прервал меня, — Это мой кепролгын, а не игрушка, мы его потеряли. Если ты не украла, почему же он оказался у тебя в чемодане? Знай впредь, что найдешь, спроси, чье это, чтобы не было потерь в нашем доме. Вот и все, я перестал сердиться на тебя и не стану больше ругаться из-за кепролгына, закончил он [Кузнецова 1948–1951: 367].

1 Кэпролгын — амулет из кусочка нерпичьей кожи, окрашенной ольховой корой в красный цвет, в виде рыбы с дырочками-глазами.

ПОЗИЦИЯ В ИССЛЕДУЕМОМ СОЦИУМЕ

В СЕМЬЕ ТЫМНЭНЭНТЫНА

В.Г. Кузнецова откочевала со стойбищем Тымнэнэнтына от Ванкаремской ярмарки 7 сентября 1948 г. Не думаю, что Тымнэнэнтын был доволен тем, что ему навязали чужого русского человека. Но до самого конца сентября особых проблем с этим не было. В.Г. Кузнецова была гостьей Тымнэнэнтына. Она активно подключалась к домашним делам, предлагала помощь в шитье покрыва яранги, разжигала очаг, помогала ставить ярангу, самостоятельно отправлялась за водой. Получалось все это, конечно, не слишком ловко и расторопно. Ничего удивительного и раздражающего в этом не было. Ценна была не реальная помощь, а стремление и готовность быть полезным членом коллектива. Незнакомая и странная женщина вызывала любопытство, вероятно, она была смешной в глазах чукчей, но к госте относились вполне доброжелательно.

11 сентября 1948. Возвращение с Ванкаремской ярмарки со стойбищем Тымнэнэнтына. Стояли на месте. Вечером было весело, смеялись. Вутгэвыт <...> сделала мяч из лоскутка тряпки, перекидывали женщины женщинам, мужчины отнимали, потом мяч перешел к детям и они стали играть. Я сидела на санях с Вутгэвыт, подошли чукчи чел[овек] 6, обступили вокруг, чтобы увидеть их всех мне пришлось поворачивать голову то вправо, то влево. Вутгэвыт живо заметила эти движения и комично скопировала, вызвав общий смех. Она же комически проделывала дневную сцену заучивания названий спинных сухожилий оленя (мерно раскачивалась из стороны в сторону, беспрестанно повторяла названия, склоняла голову, закрыв глаза, как бы засыпая с сухожилиями в руках). Чукчи смешливы, любят посмеяться, особенно в стойбище Тымнэнэнтына [Кузнецова 1948–1951: 334].

Отношение к В.Г. Кузнецовой радикально изменилось после того, как нормальный срок гостевания (а это, судя по дальнейшим событиям, описанным в дневнике, никак не более месяца) подошел к концу. Внятной чукчам социальной позиции, которой могла бы стать работа в Красной яранге, у В.Г. Кузнецовой не было. С точки зрения чукчей, единственным оправданием ее длительного пребывания в стойбище могло бы быть исполнение роли работницы в яранге. Правда, в семье Тымнэнэнтына уже была работница — падчерица Тымнэнэнтына Омрувакотгаут. Новая жена Тымнэнэнтына Эттыкутгэут была очень ей недовольна, частенько ее била за лень и нерасторопность. И вторая работница в большом хозяйстве не была бы лишней.

27 ноября 1950 г. <...> Вскоре показались гэкэнылыт¹, поставили кипятить чай. В 11-м часу утра приехали Тымн[энэнты]н и Эттыкутгэвыт. Вдвоем в чоттагене покушали морож[еного] мяса, пили чай, также и я. <...> Оба были страшно недовольны беспорядком в доме и ругались — грязно в чоттагене, с рэтэма течет. — Как будем кочевать

1 Гэкэн'ылын (мн. Гэкэн'ылыт) — едущие на оленях.

зимой в мороз с таким рэтэмом, Он будет, как дерево, — сказал Тымн[энэнты]н. — Ты бы, Варвара, хотя следила за домом в наше отсутствие. Если этого не будешь делать, зачем же ты здесь нужна, — ворчливо сказал Тымн[энэнты]н. [Кузнецова 1948–1951: 365].

Но В.Г. Кузнецова не могла вести образ жизни чукотской женщины-работницы, у нее не хватало ни физических сил, ни опыта, ни специфических навыков.

25 октября 1950 г. <...> К[ило]м[етра] через полтора после начала кочевки проезжали через замерзшее озеро. Я решила сесть на нарту. Проехав метра три, олень остановился. Пройдя несколько шагов, я опять решила сесть, ударив оленя длинным поводом корэлгыном (коолгын). Олень рванулся в сторону, влево, в гущу подошедшего стада, вырвав из моих рук корэлгын. Почувствовав свободу (корэлгын я уже больше не держала в руках), рывзэны помчался в этом направлении. Весь мой караван с тяжелыми груженными нартами мчался по кочкам. Я бросилась вперед, обхватила руками первую нарту (на ней был привязан чемодан и наволочка с книгами Айнэвтэгына), растянулась на земле рядом с нартами, держась руками за копылья. Так и тащилась за нартой, подпрыгивая волочащимся телом по кочкам [Кузнецова 1948–1951: 364].

4 февраля 1951 г. <...> Глубоко промерзший лед озера не поддавался ударам маленького топора, да и велики ли теперь мои силы у истощенного, всегда полуголодного, замученного человека» [Кузнецова 1948–1951: 367].

В.Г. Кузнецова и не считала нужным принимать на себя роль работницы в семье Тымнэнэнтына, она видела себя в роли исследователя, практикующего включенное наблюдение. Проблема была в том, что «в деле включенного наблюдения достаточно сложно соблюсти хрупкий баланс между участием и наблюдением» [Кормина 2006: 88]. В.Г. Кузнецова пыталась решить эту проблему, определив для себя круг обязанностей, которые она выполняла более или менее регулярно и главным образом, что важно, по собственной инициативе.

Во время кочевий она, как правило, не принимала участие в разборе яранги, а соскребала осевший на жердях яранги плотный слой инея, образовывавшийся от тепла очага; не принимала участие в установке яранги, но разгребала снег на месте ее установки.

25 октября 1950 г. <...> Мое участие в установке яранги, как и в прошлую кочевку, состояло в разгребании снега из чоттагын [Кузнецова 1948–1951: 364].

19 марта 1951 г. <...> После остановки на новом месте Тынены пришла к нам помогать ставить ярангу. Втроём — Эттыкутгевыт, Ятгыргын и Тынены (вторая жена Тымнелкота) — поставили ярангу. Я, как и всегда в кочевки, разгребала снег на месте “строящейся” яранги. [Кузнецова 1948–1951: 381].

7 марта 1951 г. <...> Я проделала свою работу, исполняемую мною в каждую кочевку — сняла остов яранги, с утем¹ соскребла кымьян тивийгыном², затем по совету Тымн[энэнты]на соскребала ножом, тупой стороной [Кузнецова 1948–1951: 378].

Членов семьи Тымнэнэнтына совершенно не устраивало такое положение дел, основное занятие В.Г. Кузнецовой (ведение дневниковых записей) их раздражало, и ее упорно заставляли оставить «писанину» и выполнять хотя бы часть многочисленных домашних работ.

2 декабря 1950 г. <...> Для меня это был тяжелый, гнетущий день. Вчерашнее, вечером высказанное недовольство Тымн[энэнты]на, хозяйка возвела в квадрат и сегодня в его отсутствие кричала на меня, как на рабыню или еще хуже, как на скотину. — Иди за хворостом, работай, только кушаешь. Я стала выбивать айкол³. Этих айкол много, после 4-х или 5 выбитых шкур я остановилась отдохнуть. — Если ленишься выбивать айкол, иди за хворостом, — опять завопила она [Кузнецова 1948–1951: 366].

- 1 Утым (мн. утымыт) — одна из верхних жердей в конструкции яранги.
- 2 Тивычгын, тивыйгын — снеговывивалка.
- 3 Айкол — подстилка из оленьей шкуры, постель.

3 февраля 1951 г. <...> Я в это время на улице у яранги, облокотясь на чемодан, еще не снятый с нарт, писала. Войдя в полог, увидела лежащего под шкурами старика, головой в кинмек¹. Старик дремал, поэтому я не поздоровалась с ним. Села в «свой» угол у жирника в кинмек на противоположной от старика стороне. До чаепития длилось молчание. Я писала. Затем старик мне грубо сказал — Только пишешь, почему не достаем посуду, б[ыть] м[ожет], не хочешь пить чай [Кузнецова 1948–1951: 367].

4 февраля 1951 г. «Первый утренний чай варила Омр[увакат]гав[ыт], после чаепития начали шить эучан ирынь² Ятг[ыргы]ну, и Тымн[энэнты]н опять грубо сказал: Она шьет, ты вскипяти чай. Я стала обуваться. Грубость свою он продолжил — эту вещь могла бы шить и таннинавычгын, а ты сшила бы один лишь низ спины» [Кузнецова 1948–1951: 367].

20 марта 1951 г. <...> Зайдя закурить в чоттагын и увидав, что я пишу, Тымн[энэнты]н сердито сказал: Таннинавычгын, хотя бы варила ужин, как будто, ты не будешь кушать мяса, только пишет. Помолчав, я обратилась к хозяйке: Действительно, давайте варить ужин [Кузнецова 1948–1951: 382].

10 ноября 1950 г. <...> Пришла хозяйка и сказала, что у Чейвуны идут по воду. Омр[увакат]гавыт пригласила идти с ней, сказав: Не я пью чай, а именно ты, надо идти по воду [Кузнецова 1948–1951: 364].

25 января 1951. <...> Домработница я у Тымненентына, водонос и водовоз [Кузнецова 1948–1951: 367].

4 февраля 1951 г. <...> Женщины болтали. Решили пить чай. Конечно, на мою долю выпало кипячение чая. Домработник я у Тымненентына. <...> Хозяйка вспомнила, что вышел лед. — Иди за льдом, — сказала она мне. Гостья добавила: После крепкого чая ты бегом побежишь [Кузнецова 1948–1951: 367].

1 Кымэн — задняя стенка полога.

2 Эвычан ирынь — нижняя кухлянка (одежда).

Рис. 97. Девочка Тымнэни идет за водой на реку. Осень 1950 г.
МАЭ РАН. И 1454-257

Круг обязанностей В.Г. Кузнецовой определялся вовсе не ее статусом исследователя-наблюдателя, а тем положением в семье Тымнэнэнтына, которое определили ей чукчи. Ее основная обязанность — снабжение хозяйства водой (снегом, льдом) — это обычно обязанности младших и слабосильных членов семьи, а также самых бесправных сирот-работниц (рис. 97).

18 октября 1950 г. <...> От Номг[ыргы]на по воду ходят только девочки (Кыяй, Етгэвыт, Кымын'э), не видала ни одну взрослую женщину, которая ходила бы по воду. Наша хозяйка тоже ни разу не ходила по воду. Или я, или мальчик, или Омр[увакат]гавыт [Кузнецова 1948–1951: 363].

В семейной иерархии В.Г. Кузнецова занимала самую низкую позицию, более низкую, чем у падчерицы-работницы

Омрувакатгавыт. Самым очевидным свидетельством ее низкого статуса было минимальное количество еды, ее качество, а также то, что свой кусок В.Г. Кузнецова получала самой последней в семье.

1 декабря 1949 г. Вначале пили чай, молниеносно распили большой чайник, затем подали мясо. Как обычно, я была забыта, мне мясо не подали, и сострадательная Эттыт-валь сказала: «Вместе будем кушать ее долю». Лишь потом Омры[увакотгау]т положила передо мной небольшой кусочек мяса. Сами хозяева и гостя ели лучшие жирные куски. Мне хозяйка подала обезжиренное мясо без костей, совершенно холодное. «По губам прошло, а в рот не попало» — очень маленькая доза [Кузнецова 1948–1951: 341].

2 декабря 1950 г. <...> Мне дали немного, и хозяйка сказала — довольно, продолжая с Омр[увакат]гав[ыт] кушать [Кузнецова 1948–1951: 366].

3 февраля 1951 г. <...> После чая старики легли спать, покушав очень немного вареного мяса. Мы — Омр[увакат]гав[ыт], Омрыят[гыргын] и я, ели в ужин: 1) ямгар[ылко]рил. 2) я кусочек вареного мяса, брат с сестрой, как и обычно, значительно больше моего [Кузнецова 1948–1951: 367].

2 февраля 1951 г. <...> На кэмены еще было порезанное мясо, Чейвуна отстранилась, перестала кушать. — Прекрати еду, — оборвала меня Омр[увакат]гав[ыт], — алва клегин — отстранись. Почти ежедневная грубость на протяжении длительного времени уже перестала остро задевать меня. Лишь перед посторонними бывает неудобно [Кузнецова 1948–1951: 367].

10 февраля 1951 г. <...> К вечернему чаю до ужина — морож[еный] паакат в пологе, срезаемый хозяйкой. На ужин наварили много мяса — больш[ой] эмал[ированный] таз. У Чейвуны ужин сварили раньше и часть мяса принесли Тымн[энэнты]ну. Покушали хозяева очень мало, легли спать. Мы вчетвером имели почти все мясо, трое моих товарищей по трапезе очень помногу, я меньше из-за невиданной скупости, скаредности Омрувакотгавыт. Ятг[ыргы]н отрезал мне от своей порции кусок мяса и положил передо мной на кэмены, Омр[увакат]гав[ыт] взяла и положила

в миску, а вскоре съела. Вторично Ятг[ыргы]н отрезал мне кусочек мяса от своего, громко сказав: «Тебе», а затем также добавил, — почему не добавишь мяса Варваре (иям айпынрыкэ) [Кузнецова 1948–1951: 368].

5 марта 1951 г. <...> Хозяева, как и всегда, кушали хорошие жирные куски, мне — полусырую пленку мяса. Всегда полуголодная, истощенная, исхудавшая, наяву вижу кастрюлю с горячей кашей. Хлеб, картошка, каша, все равно что, лишь бы досыта поесть, не ощущать бы ежедневно полуголода. Моя жизнь у Тымн[энэнты]на хуже блокадного периода в Ленинграде, лишь бомбежек да обстрелов нет, а голод мой мучительнее блокадного [Кузнецова 1948–1951: 375].

С точки зрения чукчей, количество и качество еды, которое получала Кузнецова, вполне соответствовали ее вкладу в жизнедеятельность семьи. И количество пищи, на которое она могла рассчитывать, жестко увязывалось с домашними работами, которые она выполняла.

26 октября 1950 г. <...> Из полога хозяйка подала мне кусочек рората и кусок летнего мяса, сказав: Правда, скушав это, ты наберешься силы ломать хворост для костра. Что ж сделаешь. Много оплеух и плевков я проглатываю и оступела, стерпелась, смирилась. Ни раздражения, ни обиды. Равнодушие [Кузнецова 1948–1951: 364].

24 июня 1950 г. <...> Омр[ывакатгау]т уже возилась на улице у мяса. Попросила» меня помочь (грубо заявила — правда, будешь кушать, так помогай работать). Помощь моя была невелика [Кузнецова 1948–1951: 345].

28 сентября 1950 г. <...> Днем мы — Ятгыргын, Омр[увакат]гавыт, Омр[ыят]гыргын и я кушали ёмралгын (кора корней) с вонючей печенкой и медвежьим салом, также «губу» от начъёт¹ и подогретую вчерашнюю ямга р[илке]рил. Кусок полусухого мяса, гр[амм] в 200, Ятг[ыргын] немного поел и отдал мне. Зная, что я ему шью камлейку,

¹ Начёт (натъёт, натёт) — опаленные олени губы, копыта, пленки рогов, хранящиеся в протухшей оленьей крови.

он ко мне стал очень внимательный — в пище. За ужином вчера также поделился со мной мясом и сказал Омр[увакат] гавыт, чтоб она дала мне мякоти [Кузнецова 1948–1951: 359].

17 января 1951 г. <...> Подведя свой обоз на груз[овой] нарте у яранги, я увидала сидящего молодого чукчу, мне незнакомого. <...> Гость поздоровался со мной. <...> Ко мне был очень внимателен. Когда подавались кемены с пищей, обращаясь ко мне, говорил: «Кушай же ты». В этот вечер все же я была один раз поставлена в низший ранг. Хозяйка достала холодное жирное мясо, порезав маленькими тонкими ломтиками. В пологе уже были возвратившиеся с хворостом Ятг[ыргы]н и Кергуги, и подано было кемены с кэмерын и мясом — мороженым и порубленным, перемешанным с морож[еной] летней кровью, также мыткамыт. И ты кушай с нами, — сказал мне старик-гость. Я в это время закуривала. Пусть кушает с ними, — сказал Тымн[энэнты]н [Кузнецова 1948–1951: 367].

Еще одно любопытное свидетельство обретенного статуса «не гости» — место в пологе, которое она занимала. Как гостье ей в самом начале пребывания у чукчей предложили занять место в кымэн — у задней стенки полога, место считавшееся почетным. Она и продолжала считать его своим, тем более что там, рядом с жирником, было светлее — удобнее писать.

7 февраля 1951 г. <...> Хозяйка мне сказала: Сидишь в кинмен, села бы к чоургыну, а гости на твоё место. Гости возразили (Омлеут): Пусть сидит на прежнем месте, а Кайгырголь, поддержав его, произнес одну из трех сказанных им по моему поводу издевок: Минкемил акарээ, аалёлка нъёлги (до какой степени поглупела, непонимающей стала) [Кузнецова 1948–1951: 367].

Таким образом, В.Г. Кузнецова с конца сентября 1948 г. перестала быть гостьей в семье Тымнэнэнтына и, как оценивала ситуацию она сама, превратилась в «домработницу». Но, судя по всему, чукчи так не считали, на женщину-работницу она явно не тянула в силу объективных и субъективных причин

(не могла и не хотела). Более всего, с точки зрения чукчей, она соответствовала статусу бездомного бродяги (лейвыльын, тымнэлейвыльын), хорошо описанному еще В.Г. Богоразом в разделе «Праздные скитальцы». Характеризуя эту категорию людей, живших вне стойбищ и семейных связей, В.Г. Богораз отмечает те же характерные признаки, что явственно проступают в дневниковых записях В.Г. Кузнецовой. Это голод — постоянный спутник их существования, поскольку праздный скиталец может рассчитывать лишь на «несколько кусочков мяса, которые ему соблаговолит сунуть хозяйка шатра, и уже не смеет просить большего». Так же, как в случае с В.Г. Кузнецовой, количество пищи, которое получал бродяга, было пропорционально его трудовому вкладу в жизнедеятельность семьи: «Конечно, если он примет участие в дневных работах — рубке дров, носке воды, ловле оленей, его положение несколько изменяется, но все же хозяева помнят, что он — “зря ходящий”». Это отсутствие порядочной зимней одежды. И, разумеется, незавидное положение скитальцев, бесцеремонное обращение с ними [Богораз 1934: 152–153].

20 марта 1951 г. <...> За чаем Тымн[энэнты]н сказал: Хотя бы Варвара помогла выбить полог. (Полог был еще на улице). Или уж давай вместе с тобой станем бродячими, будем ходить по стойбищам [Кузнецова 1948–1951: 382].

29 апреля 1951 г. <...> О себе Рагтынаут рассказала: до замужества она жила у Таёгыргына, и ей тоже приходилось голодать, поэтому она сочувственно относится к бездомным, в частности ко мне. «Когда приходит к нам Варвара, я думаю, голодная она, и жалею ее и стараюсь получше накормить» [Кузнецова 1948–1951: 403].

Интересно, что писатель Юрий Рытхэу, был, очевидно, знаком с историей экспедиции В.Г. Кузнецовой. Впрочем сюжет его романа, навеянный этой историей, имеет мало общего с реальными обстоятельствами ее жизни на Чукотке. Героиня романа Анна Одинцова, приехавшая на Чукотку в научную экспедицию от Института этнографии Академии наук, в отличие от Варвары Кузнецовой, по воле Ю. Рытхэу начала свою полевую работу именно с того, что включилась в семейные связи, выйдя замуж

за молодого чукотского парня, и закончила свою чукотскую эпопею в роли признанного лидера борьбы чукчей за традиционный образ жизни и против насильственной советизации. Тем не менее Ю. Рытхэу дал своему роману странное в виду сюжета, но совершенно понятное при знакомстве с обстоятельствами экспедиции В.Г. Кузнецовой название — «Скитания Анны Одинцовой».

ГОСТЕВАНИЕ

Соответствовало статусу бездомного бродяги и предлагаемое В.Г. Кузнецовой поведение — гостевание по стойбищам и ярангам, в ходе которого она на короткий срок возвращала себе наиболее благоприятную позицию гостыи. Чукчи действительно подталкивали ее именно к такому образу жизни. Принимали В.Г. Кузнецову в основном в стойбищах, связанных с Тымнэнэнтамыным достаточно близкими родственными отношениями. Вероятно, тем самым родственные семьи делили с Тымнэнэнтамыным навязанное ему бремя. Такой выход из создавшегося положения в определенной степени устраивал и Варвару Григорьевну. Посещение других стойбищ существенно расширяло возможности для сбора этнографических материалов, что было важно для научной работы. Не менее важным было и то, что она могла таким образом подкормиться, на время скрасить свое существование гостеприимством и приветливостью.

В мае 1950 г. Кузнецова находилась в стойбище Кэргуги. В нескольких километрах от Кэргугэ, здесь же, вблизи гор Иргун'эй, находилось стойбище Тымнэнкау, в которое она перебралась в июне 1950 г. В феврале 1951 г. она решила отправиться в гости к Гемын. 15–17 километров до стойбища пришлось преодолевать пешком в сильный мороз. Шла В.Г. Кузнецова пять часов, несла на себе наплечный мешок, в который были сложены портфель с фотоаппаратом, папка с тетрадями и картами, полевая сумка, мешочек с махоркой, спичками и бусами для подарков.

19 февраля 1951 г. <...> Из яранги вышли женщины, радостно со мной поздоровались. Сбили иней с одежды. Уже

был согрет крепкий чай в малюсенькой мисочке. К чаю хозяйка, жена Гемын, Неутына, подала кусочек подогретого у очага вилтекичгын¹, сказав: «Закуси, выпей чаю, согрейся, а в пологе по-настоящему будешь кушать». К чаю дали кусок сахару. С груз[овых] нарт она достала сливочное масло и сахар, кусок сахару и кусочек масла гр[амм] 50 дала мне, сказав: Скушаешь в след[ующий] раз после твоего пешего пути. <...> Войдя в полог к чаю нарезали мелкими ломтиками жирный копалгын², на кемены лежало мелко изрубленное почти в порошок морож[енное] мясо. Черная ложками мясное крошево, брали ломтики жирного копалгына, причем подана еда была не в мизерной, а в обильной дозе. Чай крепкий заварили с сахаром, галетами и сливочным маслом. Как у себя дома кушаешь сегодня ты у нас, — улыбаясь, сказала хозяйка. <...> На ужин, после чая варили мясо, жирные большие куски мяса подала мне хозяйка. После голодной жизни у Тымн[энэнты]на я попала как бы в рай. <...> В полог занесли уккам³ с вареными утробными телятами. У Тымн[энэнты]на я лишь смотрела, как старик с женой кушали этот вид мясной пищи, здесь же, вместе с хозяевами, я разделяла трапезу [Кузнецова 1948–1951: 371].

Принимали Кузнецову очень гостеприимно, но на шестой день гостевания Неутына сказала: «Ты Варваракай иди на свое прежнее место к Тымн[энэнты]ну <...>. Хотя и очень хорошо приняли меня у Гемы[на], но лишний рот и для них не радость. Угощение сахаром, крепкий чай, варка жирного мяса — все это лишний расход. Да к тому же, кто из кочевников не расчетлив и не экономен» [Кузнецова 1948–1951: 372].

В.Г. Кузнецова отдавала себе отчет в том, что в семье Тымнэнэнтына ее статус крайне низок. Она отчетливо видела, что отношение к ней как к гостье разительно отличается от обыденного в семье Тымнэнэнтына. Ясно было и то, что гостеванием нельзя злоупотреблять. Возвратившись в стойбище Тымнэнэнтына от Гемын, она тут же отмечает:

- 1 Вилтэкичгын — старое (летнее) оленье мясо с душиком.
- 2 К'опалгын — свежее моржовое мясо с кожей и жиром.
- 3 Ук'к'эм — миска (в том числе маленькие жертвенные «мисочки» из кожи).

27 февраля 1951 г. <...> Хозяева кушали легкое¹, для меня по распоряжению хозяйки подали свежее морож[еное] мясо (жалуют, скупаются дать мне лучшую пищу). Опять по отношению ко мне у Тымн[энэнт]на неравенство. Лишь у Гемын не снижали моего ранга [Кузнецова 1948–1951: 373].

Спустя примерно месяц, 9 марта 1951 г. В.Г.Кузнецова вновь отправилась гостить к Гемын, а 31 марта она уже замечает: «Завтра или послезавтра мне надо выбираться отсюда. Чувствую, что я здесь стала лишней, помехой» [Кузнецова 1948–1951: 387].

26 июня 1951 г. <...> Вместе с Тынагыргыном вышла из яранги. <...> По дороге он сказал мне: Ты ходи и в другие наши (Номгыргына и Тымнэлкота) стойбища. Скоро ведь уедешь домой, и в последнее остающееся у тебя время до отъезда ходи во все стойбища. Было ясно, что он продолжил полунамеком высказанное Ринтыной недовольство. Они устали от ежедневного моего присутствия [Кузнецова 1948–1951: 394].

«Помехи» В.Г. Кузнецова создавала не только очевидными проблемами материального плана: ее требовалось кормить, снабжать шкурами, необходимыми для пошива одежды, помогать шить эту одежду, перевозить ее громоздкий багаж во время кочевий и т.д. Чукчи просто уставали от постоянного присутствия чужого человека, им было неприятно быть постоянным объектом наблюдения. Главным же «возмущающим фактором» включенного наблюдения была активная гражданская позиция исследователя.

1 Летнее подгнившее легкое, подогретое у очага и в пологе порезанное ломтиками – лакомство, любимая пища стариков, подают также гостям.

КУЛЬТУРТРЕГЕРСТВО

Под культуртрегерством исследователя в данном случае понимается декларированная необходимость быть проводником новой социалистической политики государства, участвовать в осуществлении мероприятий советской власти. Это требование, несомненно, вступало в противоречие с задачей «объективного» отражения действительности, а также многократно усиливало возмущающее свойство наблюдателя в поле. Но для выполнения задач культурной революции на Севере советская власть с необходимостью ставила в центр исследовательских принципов идею выполнения прикладных задач [Чистов 1983: 4; Schweitzer 2001: 181–183].

В соответствии с неперменными принципами «социального миссионерства», в том виде, как оно понималось в российской этнографии первой половины XX в., В.Г. Кузнецова чувствовала себя культуртрегером, просветителем, считала своим неперменным долгом вести беседы, напоминавшие политинформацию.

17 ноября 1949 г. <...> Старик Таегыргын ночует у нас. Ко мне хорошо относится. Вечером разговаривали о междунар[одных] делах, об Америке, Отечественной войне, о Совет[ском] Союзе. Если б всегда была такая человеческая обстановка, можно было бы жить у чукчей [Кузнецова 1948–1951: 341].

6 ноября 1950 г. <...> Вечером сказала Тымн[энэнты]ну о завтрашнем большом дне — 7 ноября [Кузнецова 1948–1951: 364].

Проведения такого рода бесед с представителями местного населения, похоже, считалось нормой полевой работы, возможно, существовали и некие директивы на этот счет. В полевом дневнике Г.Н. Прокофьева¹, отрывки из которого опубликовала Н.И. Гаген-Торн, находим того же рода запись: «7 ноября. <...> Вечером устроили беседу. Созвали яновостанских жителей и в нескольких словах пояснили им сущность сегодняшнего дня. <...> Я рассказал о ходе революции в Ленинграде, о ее значении, в частности, для севера [Гаген-Торн 1992: 96].

Показательны в этом отношении печальные события, связанные с решением Тымнэнэнтына принять добровольную смерть. Разумеется, в этом случае практически невозможно было бы сохранить нейтралитет любому исследователю. Удивляет не сама по себе позиция Варвары Григорьевны, а скорее те оторванные от действительности «лозунги», которыми она аргументировала свою позицию.

27 апреля 1951 г. Из стойб[ища] Номгыргына, от нас находящегося км в 10, приехали на упряжках Тымнелкот, Номгыргын с женой Элмырультыной, Хромой Тынагыргын. Еще до их приезда сидящие в пологе Чевуна и Эттыкутгевыт шепотом разговаривали о том, что нужно им подготовить для сегодняшнего покойника, пока еще живого

¹ Григорий Николаевич Прокофьев, выпускник этнографического отделения географического факультета Ленинградского университета, ученик Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза. В 1925 году Комитетом Севера при Президиуме ВЦИК был направлен для изучения кетов и селькупов в Тазовскую тундру, где он в течение трех лет работал заведующим и одновременно учителем в школе-интернате Янова Стана.

Тымненентына. На глазах Эттыкутгевыт наворачивались слезы, Чевуна сидела с печальным лицом, еще более темными, чем обычно, глазами. У них не было сомнения, что больной будет задушен — ведь второй раз он высказал просьбу об удушении его. Находясь в яранге Чейвуны вдвоем с Тынены, во время моих слез Тынены сказала мне, что старик должен умереть. Выздоровеет, — сказала я. — Чамам, — ответила Тынены. Пенас, работавшая у костра в чоттагене яранги Тымненентына, тоже смахивала слезы с глаз. Больной из полога поздоровался с прибывшими гекенелыт. Все вошли к нам в полог. В пологе находились больной Тымненентын, его жена Эттыкутгевыт, Чейвына, Элмырультына, Номгыргын, Тынагыргын, Тымнелкот, я, затем вошел Анкай. <...> За чаем заговорил Номгыргын: «Как нам поступить? Мы оказались в таком положении, что, с одной стороны, нельзя не уважить твоей просьбы об удушении, с другой стороны, мы живем теперь в новое время, и наши прежние законы и порядки, установленные нашими предками, устарели. Да и не одни мы теперь, среди нас находятся лилепылит (я, Анкой, Кергынкоу), к[ото]рые сообщают своим, русским, о нашем поступке. Что скажет россиварат, установивший новую жизнь? Конечно, по старым нашим законам мы уважили бы твою просьбу и даже спешили бы, чтоб тебе не мучиться». — И у русских прежде действовал такой же старый закон, как и у нас, — заговорил Тымненентын. В разговор вступила я: У нас не было такого закона. Все мы, русские, и вы, чукчи, живем в новое, советское время. Больных у нас лечат, исцеляют, а не удушают. Наши врачи делают чудеса, излечивают от болезней и самых мучительных. Хотя и в отдалении находимся мы сейчас от русских поселков, но можно вызвать, привезти сюда врача из пос[елка]Амгуэма, а если твое излечение потребует, то тебя могут на самолете направить к крупным специалистам. Ты председатель колхоза «Тундровик», ты один из первых кочевников Амгуэмского с/с вступил в колхоз, и твоя жизнь, твое выздоровление нужно для дальнейшего подъема колхоза. Если тебя удушат, не только все твои родственники и люди стойб[ища] Номгыргына, но и мы с ними будем в ответе перед советскими законами, — сказал Анкай.

Наступило молчание, старик стонал. <...> — Ох, большое количество нас находится здесь в пологе, своим присутствием лишь увеличиваем твои страдания, а ничем не помогаем. Как же быть? В прежние времена мы бы уже исполнили то, о чем ты просишь, а сейчас мы не можем. Что же поделаешь. <...> Вскоре Номгыргын вернулся. Я сидела в чоттагене у полога. Он подсел ко мне, тихо заговорил: Исполним волю больного, удушим его? — спросил он меня. — Нельзя, нельзя этого делать, — также тихо ответила я. «Вы слышали, что говорил Каглё в прошлый раз, в первое требование больного об удушении его. Советский период нашей жизни, советские законы не позволяют нам убивать больных. Больных лечат наши врачи, восстанавливают здоровье, и человек вновь становится полезным для общества». — Тогда мы едем домой. Я спросил тебя еще один раз, и больше об этом не будем говорить, — ответил Номгыргын. Обойдя вокруг очага, он подошел к больному, высунувшему голову из полога, подсел около него на корточки, заговорил: Жалко тебя, мучаешься ты, но что же поделаешь, мы не можем исполнить твою просьбу. Были бы мы одни, да в иное — старое, время, не оттягивая, просьба твоя была бы исполнена. Спешили бы мы даже в исполнении твоего желания, чтоб не страдать тебе. Раз нельзя этого сделать, то мы едем домой [Кузнецова 1948–1951: 403].

И вот эта склонность к отчетливому публичному проявлению своей общественной позиции весьма характерна. Едва оказавшись в тундре, в стойбище Тымнэнэнтына, В.Г. Кузнецова демонстрирует свою готовность соответствовать принятой на себя высокой миссии. В дневнике сохранились наброски телеграмм, которые она собиралась в октябре 1948 г. послать (и, вероятно, послала) из поселка Амгуэма в бухту Лаврентия (административный центр Чукотского района в те годы), в райком партии:

«Колхозе Тымнэнэнтына начата работа по организации комсомольской ячейки составе восьми человек. Срочно телеграфируйте указания адресу Залив Креста поселок Амгуэма. Молодежь желает обучаться грамоте, проводятся

*индивидуальные занятия обучения грамоте Стойбище
Номгыргына вероятно войдет колхоз*

Хозяин агитатор организации колхозов

Нахожусь стойбище Тымнэнэнтына реке Кайэнгыргын

*Сообщите также возможность оформления меня ра-
ботником*

Намерена пробыть Амгуэмской тундре два года

Приветом Кузнецова» [Кузнецова 1948–1951: 334].

Каким образом В.Г. Кузнецова вела работу по организации комсомольской ячейки, представить себе трудно. В это же самое время она сетует на проблемы с чукотским языком, на свою полную «безъязыкость» и «немоту» как минимум вплоть до самого конца 1948 г. И в целом эти телеграммы выглядят чистым фарсом на фоне реальности, о которой повествует дневник.

В.Г. Кузнецова работала в уникальном этнографическом поле. Читатель ее полевых дневников не раз поймает себя на мысли, что фиксируемый ею в 1948–1951 гг. быт чукотского стойбища мало чем отличается от классических описаний культуры чукчей, сделанных в конце XIX — начале XX в., например, Н.Л. Гондатти или В.Г. Богоразом. Тем не менее необходимо отдавать себе отчет в том, что борьба с неграмотностью, коллективизация и другие социалистические преобразования на Чукотке в это время имели место быть, хотя встречающиеся в дневниках слова «ликизба», «веттехник», «налогообложение», «колхоз», знаковые для официальной истории Чукотки 1948–1951 гг., звучат в фиксируемом культурно-бытовом контексте диссонансом.

Новые формы государственного и общественного управления на Чукотке в дневниках В.Г. Кузнецовой отражены фактом частого упоминания «Тнарэнтыгыргына (депутата)». Вероятно, Тнарэнтыгыргын был депутатом районного совета. С ним В.Г. Кузнецова познакомилась на Ванкаремской ярмарке и периодически встречалась с ним на протяжении всего пребывания на Чукотке, а иногда и гостила в его яранге. Может быть, именно по причине своего общественного статуса он поначалу казался В.Г. Кузнецовой человеком более ответственным по отношению к ней и ее научной миссии, чем Тымнэнэнтын.

Довольно скоро эта иллюзия рассеялась. Функционирует в дневниках Кузнецовой депутат Тнарэнтгыргын исключительно в бытовом контексте. Упоминается также, что 5 января 1949 г. в стойбище Тымнэнэнтына при участии «бригады района» голосованием выбрали судей и народных заседателей.

Что касается процесса ликвидации неграмотности, то он в дневниках отражен периодическим появлением в стойбище Тымнэнэнтына или в соседних стойбищах учителя Айнэвтэгына, а также занимавшегося ликбезом взрослых культармейца Начуго. Записей, зафиксировавших процесс занятий с учащимися не много.

18 января 1949 г. 1-й день занятий Айнэвтэгына с детьми. Занимались в маленьком пологе в яранге Тымн[енэнтына] 4: Таеквун, Кэун'экай, Тымнэны, Омрыятгыргын [Кузнецова 1948–1951: 336].

20 января 1949 г. «Уакай и Омрытвал в большом пологе шьют мне кэркэр. Омруакотгаут заболела (понос, голова), вместе с ней выбивали маленький полог. Айнэвтэгын ездил за хворостом, занимался с детьми вечером» [Кузнецова 1948–1951: 336].

29 января 1949 г. Полог не выбивали, в большом пологе занимались дети. [Кузнецова 1948–1951: 336].

21 февраля 1951 г. (24) <...> Начуги в полог вошел с портфелем, достал тетради, букварь, задачник. Трое из стойб[ища] Гемын занимаются у него — Гемачайвуна, Кергына и Эттын'экай. Дал задание по арифметике. В тетрадях девочек последнее задание было от 30 января 1951. Прошел почти месяц, как ученики и учитель почивали, и видимо лишь известие о приезде контроля из Рыркайпия подхлестнуло учителя [Кузнецова 1948–1951: 371].

Только к самому концу экспедиции в вопросах обучения детей произошли серьезные перемены. Кочевые школы и разъездные учителя прекращали свое существование, обучение должно было осуществляться на базе интернатов.

29 июля 1951 г. <...> 28 июля перед отъездом Лейвыкумен провел собрание в яранге М[айны]кооквургына. М[айны]

кооквургын вступил в Ванкаремский колхоз. Второй вопрос — дети тундровиков-кочевников с осени 1951 г. будут учиться в Ванкаремской школе и жить в интернате в Ванкареме [Кузнецова 1948–1951: 399].

С колхозным строительством дело обстояло гораздо более серьезно. По официальным данным считалось, что коллективизация на Чукотке на 1 января 1949 г. была в основном завершена [Очерки истории Чукотки 1974: 280]. Как же на самом деле обстояли дела в Амгуэмской тундре?

Основной единицей традиционной социальной организации оленных чукчей было стойбище — временное или длительное объединение нескольких семей, как правило, связанных узами родства или свойства. Именно такой характер и носило стойбище, хозяином (главой) которого был Тымнэнэнтын. Два брата Тымнэнэнтына (Тымнэлкот и Номгыргын) были относительно независимыми, они кочевали то вместе, живя одним стойбищем, то разделяли стада и кочевали отдельно. В процессе колхозного строительства стойбища и группы соседних стойбищ были использованы в качестве отдельных административных единиц, первоначально в определенной степени номинально объединенных в отдельные бригады и в колхоз в целом.

Как уже говорилось, Тымнэнэнтын к моменту появления в его стойбище В.Г. Кузнецовой был уже не просто колхозником, но и председателем единственного в Амгуэмской тундре колхоза «Тундровик».

Несмотря на то что стойбища Тымнэнэнтына и Номгыргына большую часть времени кочевали одним маршрутом, в 1948 г. Номгыргын в колхоз еще не вступил. Правда, надежды на это были, и полная энтузиазма В.Г. Кузнецова телеграфировала, что «стойбище Номгыргына, вероятно, войдет колхоз». Это действительно произошло в самом начале 1949 г. Теперь стойбище Тымнэнэнтына представляло собой одну бригаду колхоза (Тымнэнэнтын — председатель колхоза и одновременно бригадир), стойбище Номгыргына — вторую бригаду колхоза (Номгыргын — заместитель председателя колхоза и бригадир).

Дневниковые записи ярко и реалистично рисуют картины колхозного строительства в тундре. В январе 1949 г. в стойбище Тымнэнэнтына из Ванкарема на пяти собачьих упряжках при-

была «бригада района»: Василий Пахомович Злобин, Дмитрий Иванович Емельянов и Василий Петрович Бурдиленко с пятью чукчами-каюрами, проводником Пэнэтэгыном и проводником и продавцом Пылё. Программа визита была насыщенной. Была проведена беседа на чукотском языке о советском государстве и Великой Отечественной войне. Обитатели стойбища с помощью Емельянова проработали устав колхоза на чук[отском] языке, голосованием выбрали судей и народных заседателей. Бурдиленко опросным путем провел перепись населения, скота, построек, имущества у Тымнэнэнтына, Тымнэлкота, Номгыргына, Кэргуги, Кааквургына.

Проделав, вероятно, ту же работу в других стойбищах, бригада вернулась в стойбище Тымнэнэнтына и приступила к практическим действиям — оформлению и взиманию налога.

23 и 24 января 1949 г. <...> Мэмыл взял деньги у Бурдиленко, выдал Тымнэнэнтыну 7.000 р. за 28 оленей и 900 р. за купленные у него волчьи шкуры, взял обратно выданные ему деньги и передал снова Бурдиленко. С Тымнэнэнтына налогу 8.400 р. У Тымн[енэнты]на на руках осталось денег руб[лей] 200–250. С Ятгыргына налогу — 220 р. <...> Перед Тымнэнэнтыном лежала шпаргалка его подписи печатными буквами, глядя на нее, он выводил каракули на квитанции (налоговой). [Кузнецова 1948–1951: 336].

Утвердили зарплату председателя колхоза — 600 руб., счетовода — 300 руб. в год. Кто выполнял обязанности счетовода в колхозе Тымнэнэнтына, мне не известно, в дневниках это нигде не оговаривается. Оформили прием в колхоз двух новых членов, голосовали за прием поднятием рук. Вотгыргын и Кааквургокай отказались пока вступать в колхоз. В трех стойбищах, кроме того, бригада закупила много шкур, рассчитываясь привезенными товарами.

Затем колхозников стали принуждать выделить оленей в «колхозное стадо». Очевидно, прежде этого колхозного стада не существовало. Тымнэнэнтын вначале в колхоз выделил 20 оленей, после разговора с Анкаути и Мэмылем еще 80, всего он один выделил 100 оленей, Номгыргын — 50 и 20 оленей все остальные. Таким образом, колхозное стадо составило 170 оле-

ней. Бригадиром избрали Тымнэлкота. Эти обобществленные колхозные олени, похоже, существовали лишь номинально, на бумаге, как и назначенные «бригады». Чукчи продолжали считать колхозные стада своими личными, бригадирами становились бывшие владельцы стад. И весь уклад жизни оставался таким, каким был сотню лет до этого.

Требование Бурдиленко весной перед отелом реально выделить колхозное стадо в 170 голов¹ и держать его в одном стойбище (а значит и выделить отдельное пастбище и отдельных пастухов для выпаса) и поставить особые метки (на обычном месте, на ушах) вызвало пассивное сопротивление.

23 и 24 января 1949 г. <...> Тымн[енэнты]н ответил, что они не знают оленей Номгыргына и трудно будет их беречь [Кузнецова 1948–1951: 336].

Партийные и государственные органы Чукотки были весьма озабочены ситуацией с колхозным строительством во внутренних районах Чукотки. Коллективизацию требовалось завершить не «в основном», а целиком и полностью. Между тем «Тундровик» Тымнэнэнтына продолжал и в 1950 г. оставаться единственным колхозом в Амгуэмской тундре.

Доходчивым доводом агитации за вступление в колхоз была система налогообложения, предусматривавшая льготы для колхозников. Так, с Номгыргына как единоличника «требовали за налог 60 оленей. После вступления его в колхоз (уговаривали 5 суток) — 30 голов оленей на налог, как с колхозника» [Кузнецова 1948–1951: 360]. Кроме того, колхозники имели существенное преимущество в снабжении товарами.

Летом 1950 г. в стойбищах Амгуэмской тундры работал отряд Анадырской комплексной землеустроительной экспедиции Министерства сельского хозяйства. Возглавлял отряд Александр Федорович Деко. Результатом работы экспедиции стало выделение пастбищных территорий колхоза «Тундровик». После беседы с Номгыргыном остановились на территории по рекам Кайэнгыргын, Майнэнгыргын, Экитыки, Вулвувээм,

1 Оптимальное количество оленей в стаде 1500–1800 голов [Архинчеев 1957: 51]. С таким стадом управлялось среднее стойбище в две-три семьи, 10–15 чел.

Иргун'эй. Для отела также Старая перевальная, р. Тэлекай, р. Тиркын'эйвээм. Для позднеосенних кормов — р. Мараваам.

В октябре 1950 г. Ванкарэмский колхоз принял решение объединить стадо колхоза, выпасаемое в Амгуэмской тундре у Кэргуги, Гиункэу, Тымнэпкэра и Тымнеята. Кэргуги назначили бригадиром. Все перечисленные — Кэргуги, Гиункэу, Тымнэпкир, Тымнэят — члены Ванкарэмского колхоза, вступившие летом 1948 (или 1947 г.). Все эти яранги должны были объединиться и кочевать вместе. 9 октября 1950 г. В.Г. Кузнецова и Анкауги отправились к Кэргуги. Кэргуги заявил, что с наступлением пути он будет кочевать вместе с Кааквургокаем (который в 1949 г. отказался вступать в колхоз) в Кунтык'ыл, туда же, по видимому, будет кочевать Гиункэу, затем он надеется соединиться с остальными членами бригады. На вопрос: «Сколько ты обобщ[ествил] оленей при вступлении в колхоз?», Кэргуги ответил: «Не помню, забыл» [Кузнецова 1948–1951: 361].

В 1951 г. с этой вольницей начали разбираться, используя самые серьезные меры воздействия. Как именно действовали, со знанием дела повествует старший уполномоченный окружного отдела МГБ СССР Б.М. Андронов. Для проведения работы среди единоличников и кулаков в апреле 1951 г. отбыла на самолете группа во главе с К.П. Молдовановым, старшим оперуполномоченным Чукотского отдела МГБ. Этой группе не составило особого труда найти большую группу кочевников, располагавшихся недалеко от Дальстроевского населенного пункта «87 километр». Кулак Нотанват, приглашенный для беседы в поселок, был предупрежден, чтобы без разрешения руководителя бригады никуда не уходил. «Видимо, испугавшись запрета и зная свои “грехи” перед советской властью, он смалодушничал и покончил жизнь самоубийством — удавился на шнурке из брюк» [Андронов 2008: 106]. Из стад Нотанвата был организован колхоз «Полярник». Нотанват не раз упоминается в дневниках, обычно в нейтральном контексте соседских отношений, так же как и другой известный «кулак» Алёль. В.Г. Кузнецова жила некоторое время в его стойбище, часто гостевала у брата Алёля Кэргуги.

Обстановка в тундре в связи с ударным колхозным строительством была отнюдь не простой. В.Г. Кузнецова принимала деятельное участие во всех мероприятиях советской власти: уточняла и фиксировала поголовье стада Тымнэнэнтына —

Номгыргына, участвовала в компаниях по налогообложению, составляла акты на тех, кто отказывался платить, агитировала чукчей вступать в колхоз, принимала заявления от тех, кто соглашался, наставляла на путь истинный уклонистов, собирала сведения об отношении того или иного кочевника к коллективизации, передавала «властям» данные о дислокации и движении стойбищ и т.д.

8 октября 1950 г. <...> Мы с Анкауги пошли к М[айны] кааквургыну. В чоттагынэ были он с женой, ребенок спал в ягвоцын. Хозяин брился безопасной бритвой, перед ним стояло зеркало. Рядом саквояж дерев[янный] замещал стол. Хозяйка кипятила чай. К чаю — рорат (колбаса). Хозяйка кушала свежесваренную рыбу. Хозяин отказался от еды. После чая началась беседа с М[айны] кааквургыным о коллективизации. Около трех часов длился разговор — уговоры, доводы и доказательства о необходимости вступления в колхоз. Результат отрицательный, М[айны] кааквургын отказался вступить в колхоз, сказав «когда все, тогда и я». [Кузнецова 1948–1951: 360].

29 апреля 1951 г. Вчера вечером (28 апр[еля]) Пенас пришла от Чейвуны, все мы были уже в пологе, принесла весть, полученную мальчиком Таеквыном, пришедшим от Номгыргына: К Номгыргыну приехал Клеумлилет, брат Оотыны (жены Номгыргына), возвратившийся из Б[ольшого] Телека. Из Анадыря и Мухоморной приехали из Б[ольшого] Телека 20 собачьих упряжек, арестовали Алёля, большую часть стада Алёля забрали и угнали, оставив часть стада. Брат Эунылкута — Эйнетеген — убит. После этого известия в пологе наступило молчание. Пенас полулегла головой к жирнику, облокотясь на руку, задумалась. Тымн[энэнты]н, выслушав это известие, подал реплику: Какомэ. Через некот[орое] время заговорил Тынагыргы:- Алёль был хороший и добрый для всех кочевников, особенно бедняков. Без всякой платы забивал оленей на пищу во все ближайшие бедняцкие стойбища. В разговор вступила я, рассказала о необходимости коллективизации амгуэмских, вернее [больше] телекских индив[идуальных] хозяйств, единственных, еще не охваченных колхозами [Кузнецова 1948–1951: 403].

23 апреля 1951 г. <...> В чоттагене у Чейвыны Каглё рассказывал о поездке Тынеуга в Б[лдьшой]Телек с целью коллективизации. Ныкват ведет антисоветскую агитацию против коллективизации. «Колхозам будет скоро конец, американцы начнут войну с русскими, придут сюда, и замрут колхозы. И учитель Эйневтегын говорил, что колхозы талпын'н'оэ скоро прекратят свое существование. Чукчи-колхозники, пойманные русскими, подобны заключенным, мы, единоличники, вольные люди, еще не пойманные русскими, пусть хотя мы останемся вольными. Учитель Эйневтегын осенью с морского берега укочевал в тундру, в Б[лдьшой] с Увалем и до апреля 51 г. не появлялся на Амгуэме, находясь в глубине тундры [Кузнецова 1948-1951: 403].

Здесь упоминается тот самый учитель Айнэвтэгын, который был помощником В.Г. Кузнецовой в начале экспедиции и проявил себя в этом качестве не лучшим образом. Становится понятно, почему между ними отношения не сложились. И далее В.Г. Кузнецова уличает Айнэвтэгына в искажении важной информации, которая передается в соответствующие органы.

23 апреля 1951 г. Эйневтегын при встрече со мной сказал, что Ныкват изменился, стал хорошо относиться к русским. Не говорил ли тогда и в эту зиму Эйневтеген с Ныкватом в антисоветском духе? Анкой записал сообщение Каглё о Ныквате и Эйневтегене. Сказал, что передает Валихализову и сообщит в Лаврентия [Кузнецова 1948-1951: 403].

Тымнэнэнтын, очевидно, подозревал, что дневниковые записи, которые постоянно вела В.Г. Кузнецова, фиксируют и сведения для передачи в органы власти, например о том, что чукчей мало заботит спущенный сверху план по заготовке пушнины.

22 ноября 1950 г. <...> Утром в чоттагене возвратившемуся из стада Ятгыргыну сказал: поставь сегодня капканы, а то Варвара запишет у себя, что ты только пастушишь стадо, а не занимаешься охотой на пушн[ого] зверя [Кузнецова 1948-1951: 365].

Активное участие в мероприятиях советской власти, разумеется, не могло не сказаться на отношении к В.Г. Кузнецовой обитателей стойбища, которые воспринимали ее как «орудие власти» — навязанного им стороннего и недоброжелательного наблюдателя, шпиона, доносчика.

7 августа 1950 г. <...> Номгыргын заговорил со мной. «Мы не можем быть вам помощниками в коллективизации. Случится так, что наше стадо будет на выпасе далеко от яранг, и для нас забьют оленей в других стойбищах (богатых). Оленей мы унесем на спине домой, это будет наша пища. Но мы не купим этих оленей, их заколют для нас даром, а потом когда-нибудь и мы окажем им такую же услугу. Такие порядки у нашего народа. И потом все они (Аллель, Нотанвот) наши родственники. Пусть еще приходят русские и организуют колхозы. Мы не возражаем против приезда к нам русских, мы только боимся заключенных, а не вас, русских — хороших людей. Я тоже не хотел вступить в колхоз, но раз уж так случилось, что я теперь колхозник, то приходится говорить, что же, ничего не поделаешь теперь. Я тебе об этом говорю прямо и открыто, и ты, возможно, скажешь своим, русским. Люди всех стойбищ — как бы наши родственники, и их стада оленей — как бы наши общие олени» [Кузнецова 1948-1951: 348].

Реакция В.Г. Кузнецовой на попытку Номгыргына объяснить позицию чукчей была достаточно резкой: «Нужно полагать, что я не могла отмолчаться на такое высказывание». [Кузнецова 1948–1951: 348]. Несмотря на это, Номгыргын не оставил попыток сделать В.Г. Кузнецову, если не своим сторонником, то на хотя бы смягчить ее позицию:

Мы колхоз, не можем отгораживаться от других стойбищ. Одни не проживем. В плохие зимы мы кочуем в те места, где хороший корм. Так поступают все кочевники-чукчи. Даже кочевали на юг (айватлят) и на север (айгыскыт). Даже если дерутся и ругаются наши люди, бьют по щекам, зла и обиды не сохраняют, потом, при встрече, смеются. Много мы говорим тебе, Варвара, ты потом возможно

скажешь своим, но пусть, что ж поделаешь, — продолжал он попытки убедить В.Г. Кузнецову в своей правоте [Кузнецова 1948–1951: 351].

Боюсь, Номгыргын кривил душой, говоря о своем отношении к русским в целом. Б.М. Андронов отмечал со всей определенностью: «Кочевники всегда отождествляют русских и советскую власть» [Андронов 2008: 113]. Отдавала себе в этом отчет и В.Г. Кузнецова. В то же время она не в полной мере связывала отношение к себе как к русской со своей культуртрегерской позицией.

3 ноября 1949 г. <...> Произошла сцена с дрянной девчонкой [речь идет об Омрувакатгаут. — Е.М.]. Я ушла в горы, наедине пережила нанесенное мне оскорбление. Все, как собаки, ненавидят меня, потому что я русская [Кузнецова, 1948–1951: 364].

«4 ноября 1949 г. <...> Стоим на месте. Ходила к Номг[ыргыну]. У Кагном купила шкуру для кэркэра. Совсем другая семья, иная обстановка. Отдохнула от травли. Уже год живу у людей — собак, ненавидящих меня». <...> У Тымненентына — дом пыток для нас, русских [Кузнецова 1948–1951: 364].

14 ноября 1949 г. <...> Подошел ко мне приехавший Гиунькеу, к[оторо]го видела впервые. Заговорил со мной, к моему удивлению, мягко, ласково. Давно я не видела такого обращения к себе. Ежедневная грубость и хамство на протяжении месяцев окружает меня, и вдруг ко мне обратились как к человеку, а не к «таннинавке». [Кузнецова 1948–1951: 365].

6 октября 1949 г. <...> Большое горе — пропал мой дневник. Весь день искала, но ничего не нашла. Старик изорвал мой дневник или бросил в снег. Подкулачиник Рентуг[и] хихикал. Омр[увакотгау]т сказала — вовсе не найду. Они все знали, что дневника уже невозможно было найти. Омр[увакотгау]т просила не говорить русским о пропаже дневника. Почему? [Кузнецова 1948–1951: 340].

В.Г. Кузнецова, несмотря на свою «вжитость», безусловно оставалась другой, чужой для чукчей. Ее инаковость в некоторых случаях прямо ассоциировалась с властью и способностью

разрушительно действовать на членов чукотского социума. Вряд ли В.Г. Кузнецова не осознавала, что ее существование в поле прямо зависит от отношения к ней членов семьи Тымнэнэнтна и его родственников. Выполнение «общественного заказа» усугубляло и без того тяжелые отношения с окружавшими ее чукчами и очевидно вредило научным исследованиям.

Но В.Г. Кузнецова была скорее склонна объяснять свои непростые отношения с обитателями стойбища Тымнэнэнтна с личностными качествами людей, с которыми она работала в поле. Об этом говорят нелицеприятные характеристики, которые она порой, в моменты всплесков отрицательных эмоций, дает обитателям стойбища Тымнэнэнтна — «своим чукчам», «нашим»:

«Старик [Тымнэнэнтн. — Е.М.] просто несносный, грубый» [Кузнецова 1948–1951: 340]; «Ужасно неприятный человек эта Чейвуна, скупая, жадная, крикливая, почти всегда ругающаяся и вороватая» [Кузнецова 1948–1951: 341]; [Эттыкутгэвыт]: «Груба, скупа, жадна, лжива, зла, сварлива, прожорлива» [Кузнецова 1948–1951: 363].

Менее вероятной причиной проблем во взаимоотношениях с окружающими чукчами виделась В.Г. Кузнецовой собственная неспособность наладить благожелательные отношения со своими информантами.

31 марта 1951 г. <...> Где же они, любезные, приветливые кочевники и кочевницы дальнего севера? Или же сама я плоха, нет у меня подхода к людям. Однако среди русского простолюдья я всегда как дома» [Кузнецова 1948–1951: 387].

И, тем не менее, играя по установленным правилам, В.Г. Кузнецова упорно придерживалась именно этой тактики ведения полевой работы. Надо полагать, она искренне верила в свою миссию, отвечавшую ее внутренним убеждениям. Моральная сторона культуртрегерской деятельности была для В.Г. Кузнецовой понятием абстрактным, не имеющим отношения к ее работе. Ее этическая позиция проявлялась скорее в своеобразной честности исследователя, который не скрывает своих взглядов, не пытается обманывать, не изображает единомышленника.

АРХИВ В.Г. КУЗНЕЦОВОЙ В МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ РАН

СОСТАВ АРХИВА

Экспедиционные материалы В.Г. Кузнецовой не выделены в отдельный (персональный, именной) фонд, а находятся в общем фонде «Полевых материалов» (Ф. К-1. Оп. 2).

В.Г. Кузнецова очень тщательно и добросовестно относилась к документации своей полевой работы, ее экспедиционные материалы, очевидно, были очень объемны. К сожалению, в архив попало не все. Тем не менее это значительное и достаточно полное собрание уникальных полевых материалов.

75 номеров хранения включают в себя:

экспедиционный отчет;

- документальные источники;
- оригиналы полевых ежедневных записей;
- полевые тематические записи;
- черновик;
- переписанные уже после экспедиции полевые записи.

Очень краткий экспедиционный отчет: «Предварительное сообщение о поездке к чукчам-оленеводам района Амгуэмы» (Ф. К-И. Оп. 2. Д. 404) представлен и в рукописном виде (11 листов), и в машинописи (8 листов).

Документальные источники, переданные В.Г. Кузнецовой в архив, немногочисленны. Это «Список населения Амгуэмской тундры» (Ф. К-И. Оп. 2. Д. 337) — сведения, собранные летом 1948 г. бригадой Чукотского райкома партии во главе с инструктором Чукотского райкома И.Ф. Гущиным. В список вошло 40 семей чукчей-кочевников (252 чел.). Собранные сведения включают имена, даты рождения, родственные отношения. Сведения включают также графу «грамотность». В этой графе практически во всех случаях проставлена аббревиатура «н/г» (неграмотный). Достоверность остальных сведений, как следует из дневников В.Г. Кузнецовой, по крайней мере в ряде случаев невысока.

Второй документальный источник — «Учет оленей в период отела 1949 г.» (Ф. К-И. Оп. 2. Д. 338). Кроме того, в двух тетрадах (Ф. К-И. Оп. 2. Д. 401 (8 л.), 402 (4 л.) имеются довольно разрозненные и неполные записи (нечто вроде небольшой переписи хозяйств Анадырского района), датированные 1950 г.

Результаты своих непосредственных наблюдений с фиксацией практик и ритуалов В.Г. Кузнецова представляла в виде ежедневных дневниковых записей. Собственно полевых дневников — 67. Первые две тетради дневников утрачены.

Судя по всему, начинала писать В.Г. Кузнецова в толстых 48-листовых тетрадах в коленкоровой обложке (дневники № 3, 4, 5). Затем было использовано несколько типографских полевых дневников АН СССР — специальных книжечек небольшого формата с разлинованными листами, первая страница которых предназначалась для указания данных исследователя.

Вероятно, небольшой размер книжечки показался Варваре Григорьевне более удобным в обиходе. Для двух следующих дневников использована толстая 48-листовая тетрадь, разрезанная по горизонтали на две части и, таким образом, ставшая более удобного «пакетного» размера. Далее записи идут по большей части в тонких «школьных» 12-листовых тетрадах (44 штуки). То ли эти тетради были более доступны, то ли В.Г. Кузнецова посчитала их более удобными. К весне 1951 г.

запас и этих тетрадей был исчерпан, и В.Г. сшила шесть толстых тетрадей из согнутых пополам листов писчей бумаги. Записи за период 22 апреля — 28 апреля 1951 г. сделаны на разрозненных листах «блокнотного» формата. Параллельно велось несколько тетрадей с записями.

Есть свидетельства существования тетрадей с черновыми записями.

20 сентября 1948. <...> Пэглят сказала, что переехали в связи с тем, что поблизости уже не стало корма для оленей, и стадо погнали дальше. Уехала Тын'эны (вторая жена Тымнэлькота), веселая, работающая, но очень плохо одетая. Кэркэр ее совершенно вытертый, с заплатками. Весь день переписывала с черновика свои записи в эту тетрадь (с 11 по 20 сентября) [Кузнецова 1948–1951: 335].

В следующем дневнике после записи от 21 декабря 1948 г. стоит пометка: «до 22 переписала» [Кузнецова 1948–1951: 336]. Куда переписала, непонятно. Попал в архив и собственно черновик — тетрадь с разрозненными краткими записями, на обложке которой написано «Черновик» [Кузнецова 1948–1951: 408]. В сшитой тетради [Ф. К-1. Оп. 2. Д. 396] часть записей чернилами сделана прямо поверх других карандашных записей [Кузнецова 1948–1951: 396].

Кроме того, В.Г. Кузнецова, очевидно, следовала рекомендациям В.Г. Богораза [Макарьев 1928: 7] и вела не только собственно дневник, но и отдельно тематические записи. В диссертационной работе предполагалось, как уже говорилось, осветить вопросы семейно-брачных отношений, в частности брачные нормы и терминологию родства. В соответствии с этой задачей велись и тематические тетради с надписями на обложках: «Родственные отношения. Происхождение. № 1» [Кузнецова 1948–1951: 406] и «Родственные отношения. Происхождение. № 2» [Кузнецова 1948–1951: 407].

Можно предположить, что существовали и другие тетради с тематическими записями, касающимися, в частности, обрядовой практики. В ежедневных записях приведено много подробных и детальнейших описаний обрядов, главным образом хозяйственного цикла. Но обращает на себя внимание и то, что в ряде

случаев описание упоминаемых сюжетов в тексте собственно дневниковых записей отсутствует:

22 октября 1949 г. <...> Изменили намерение ехать на могилу покойников. Весь обряд провели под горой, за домом. Описать обряд [Кузнецова 1948–1951: 340]. Обряд не описан.

4 марта 1950 г. <...> У Алея в капкан попал волк, и сегодня по этому поводу был праздник» [Кузнецова 1948–1951: 342]. Описания праздника нет.

Сегодня 25 мая 1949 г. Всю ночь, сейчас утро — тоже — сильный ветер. Я уже сутки сижу в пологе. Написала письмо Г.Л. Записываю последний праздник Кильвей [Кузнецова 1948–1951: 339]. Текст описания отсутствует.

В архиве сохранилось только одно свидетельство существования тематических «обрядовых» записей. Есть тетрадь, которая сначала была использована для тематических записей, а затем, позже, для ежедневных записей [Кузнецова 1948–1951: 398]. Четыре первых страницы тонкой «школьной» тетради — это записи карандашом о празднике «Ниненриукен», который проходил 31 августа 1950 г. (эта же дата проставлена карандашом на обложке). А далее идут ежедневные дневниковые записи за 25–28 июля 1951 г., выполненные чернилами. Соответствующие даты также проставлены на обложке чернилами. Вероятно, к концу экспедиции просто кончилось все пригодное для ведения записей. Уже были использованы сшитые из больших листов тетради и разрозненные «блокнотные» листочки, а в «тематической» тетради оставались неиспользованные чистые листы.

Возможно, были и какие-то специальные тетради для записи фольклорных текстов:

«25 августа 1950 г. <...> В пологе начала записывать сказку от Омр[увакат]гаут и Омр[ыятгыр]гына, но прервалось, [...] они уснули» [Кузнецова 1948–1951: 353]. Где эта запись? И такие вещи встречаются не раз.

Первая имеющаяся дневниковая запись датирована 11 сентября 1948 г., последняя — 8 сентября 1951 г. Отсутствуют за-

писи за периоды: 3 ноября — 18 декабря 1948 г.; 1 февраля — 20 мая 1949 г.; 20 июля — 30 августа 1949 г.; 14 декабря 1949 г. — 25 февраля 1950 г.; 28 марта — 11 мая 1950 г.; 7 — 29 июля 1950 г.; 28 августа — 3 сентября 1950 г.; 28 апреля — 29 мая 1951 г.

Причины отсутствия этих записей могут быть разными. Какие-то тетради с записями, очевидно, пропали (запись от 2 ноября 1948 г. обрывается на половине фразы, далее — перерыв более чем на месяц). В какие-то периоды записи просто не велись. Так, в период с 7 по 29 июля 1950 г. В.Г. Кузнецова пребывала в поселке Амгуэма, где полевой работы не вела. Отсутствие записей за 28 апреля — 29 мая 1951 г., возможно, объясняется тем, что просто не на чем было писать.

Большая часть записей сделана простым карандашом. В морозы даже этот самый простой и надежный письменный прибор часто подводил, и В.Г. Кузнецова стала пользоваться карандашом копировальным, в обиходе называемым «химическим»:

«Все простые карандаши потрескались от морозов, ломаются. Химические же нет, как только что купленные в магазине. Сейчас пользуюсь химическим карандашом» [Кузнецова 1948–1951: 363].

Почерк в целом достаточно разборчивый. Проблему для прочтения составляют главным образом многочисленные чукотские термины, ставшие для Кузнецовой обиходными и записанные кириллицей в их приблизительном звучании. То же и с многочисленными чукотскими именами, которые имеют до трех-четырех вариантов написания. Кроме того, основные имена, наиболее часто встречающиеся в повествовании, часто записаны сокращенно.

После возвращения из экспедиции В.Г. Кузнецова сочла необходимым обработать свои полевые материалы. Она переписала свои ежедневные записи, внося в них некоторые текстологические изменения. Писала она на листах формата А 4 [Кузнецова 1948–1951: 405]. Попытка систематизации материалов свелась к тому, что первый лист, относящийся к переписанному дню, имеет шапку, где указаны дата, место, стойбище и фами-

лия «Кузнецова». Далее листы пронумерованы: продолжение 1, продолжение 2, продолжение 3 и т.д.

Переписывая, В.Г. Кузнецова стилистически и грамматически редактировала исходный текст, выверяла написание чукотских слов. Надписи на обложках тетрадей основных дневников «Переписано», «Переписано со словарем», «Переписано без словаря», надо полагать, имеют отношение именно к этому процессу переписывания дневников. Некоторые бытовые подробности, замечания личного характера (о самочувствии, конфликтах с окружающими и т.д.) из текста удалялись. Необходимые разъяснения или пояснения, отсутствовавшие в исходном тексте, добавлялись.

12 августа 1950 г. Днем, в 3.40 начали варить мясо в большом котле. Пришли гости от Номгыргына: он сам с двумя женами (Оотына с двумя детьми и Элмырултына), Тынагыргын, Рагтын'аут. Тымнэлкот с двумя женами — Чейвунной и Тын'эны, и свои — Тымн[энэнты]н, Эттыкгэут, Омр[ыят]гыргын, Таёквун, Омр[ывакатгау]т. После еды чай¹. Затем все пошли к Номгыргыну, у них небольшой праздник «ныр'айчвункэнат». Три яранги, где живут три жены Номгыргына, совместно праздновали. Рагтын'аут, пожилая женщина их стойбища, отдельно². Накрошили мелко жир на кэмэны, кэмэны с крошенным жиром принесли из двух яранг в ярангу к Оотыне — Пэнас и Элмырултына. Крошеный жир переложили в большие деревян[ные] ложки с ручками³. Оотына одела кэмлилюн⁴, остальные не одевали. Из очага в чоттагынэ взяли горячих углей, наломали

1 В переписанном тексте: После обильной еды согрели чай. У чукчей чай пьют только взрослые, молодым пастухам не разрешено, не говоря уже о детях. — «Не смогут быстро бегать за оленями, если будут пить чай», так объясняют чукчи такое недозволение.

2 В переписанном тексте: Раглинаут, пожилая женщина из стойбища, отметила праздник отдельно, так как у них разные огни, и в таких случаях ни одна хозяйка не соединит искры со своего очага с чужим огнем, не занесет своей закопченной посуды в чужую ярангу, ибо посуда эта была уже на своем огне со следами копоти.

3 В переписанном тексте: Жир из корыта переложили в большие деревянные ложки с длинными ручками.

4 В переписанном тексте: Оотына одела поверх кэркэра женский балахон с кистями на спине из оленьей выделанной шкуры, окрашенной в темно-красный цвет, две другие женщины, Элмырултынэ и Пэнас, кэмлилюн (балахон) не одевали.

кусочки сухого хвороста и на улице сбоку, справа от входа, метрах в пяти (лицом к выходу) развели маленький костер, туда вынесли ложки с жиром, женщины — жены Номгыргына и Ран'аун'аут жена Вуквувэгыргына, сели вокруг костра. Все мужчины (кроме Тымн[энэнты]на), молодые парни и мальчики с посохами (кэнун'э) во главе с Номгыргыном побежали бегом, метр[ов] за 100, затем обратно, торопясь и обгоняя один другого, спешили к выставленным на улице у энанкав (огня) призам. К веточкам были привязаны махорка и листовой табак. (Три приза — два по одной махорке и три — листовой табак — один большой лист). Тымнэлкот прибежал первый, Эттыкгэут сорвала приз с листовым табаком и передала Тымн[энэнты]ну. Омрытагын взял махорку, передал матери Раглин'аут. Женщины подкладывали жир из своих ложек в огонь. Остаток жира Номгыргын и его сын Кымытэгын, взяв с ложки с жиром, разбросали на земле, в метре от огня¹».

Переписанные дневники, хоть и носят вторичный характер, очень важны и интересны, поскольку здесь мы находим пояснения, расшифровку чукотских терминов и т.д. К сожалению, эти переписанные дневники представлены в архиве фрагментарно². Возможно, В.Г. Кузнецова переписала не все дневники — не на всех тетрадах есть соответствующие пометки. Далеко не все дневники, на обложках которых стоит «Переписано», существуют в архиве в переписанном варианте. Записи за отдельный день зачастую присутствуют не полностью. Так, записи за 24 августа 1950 г. начинаются с «Продолжения 1» (Л. 74), т.е. не с начала, затем следует «Продолжение 3» (Л. 75), затем — «Продолжение 6» (Л. 76) и т.д. Рукопись начинается с 29 мая 1949 г. (не с титульного листа, а с «Продолжения № 1») и заканчивается 29 мая 1951 г. («Продолжение № 3» — «Продолжение № 8»).

1 В переписанном тексте: Женщины в это время кормили огонь очага, беря щепотками жир из своих ложек и посыпая им огонь. Оставшийся в ложках жир устроители состязания Номгыргын с сыном Кымытэгын разбросали на землю в метре от очага, отойдя к этому месту с ложками — принесли жертву.

2 В папке имеется записка заведующей архивом МАЭ РАН И.В. Жуковской: «Кузнецова В.Г. переписанные дневники сдала с пропусками. Видимо, она в тот период была больна, И.Я. Треногов, заведующей архивом МАЭ РАН в те годы, получая, не проверил».

ХАРАКТЕР ЗАПИСЕЙ

Дневниковые записи представляют собой ежедневные описания полевых ситуаций, иногда с переложением разговоров. Достаточно часто присутствуют короткие записи для памяти, а затем более развернутые тексты по уже упоминавшимся датам. Или короткие записи идут ближе к концу тетради. Очевидно, если у В.Г. Кузнецовой не было возможности записывать сразу, сначала она оставляла короткие заметки для памяти, а затем в той же тетради делала развернутые записи. Каждый день более или менее подробно записывалось все, что происходило: погода, когда встали, когда легли спать, кто приезжал, кто уезжал, что происходило в стаде, что делали женщины, что мужчины, какие происходили разговоры, кто с кем ссорился и т.д. При знакомстве с новым человеком выяснялись и записывались в дневник его родственные связи.

Даже если иногда (очевидно, по обстоятельствам) записи достаточно лаконичны, отчетливо видно, что В.Г. Кузнецова стремилась к детальной (почти «естественно-научной») фиксации окружающей ее действительности так, как требовала того школа: «Основным элементом собирания и наблюдения является человеческий факт, записанный точно и с обилием деталей» [Макарьев 1928: 6]. Приведу пример такой практически «идеальной» по подробности записи, зафиксировавшей протекавшую на глазах В.Г. Кузнецовой жизнь стойбища.

«11 ноября 50 г. Проснулась ночью, Тымн[энэнты]н громко, завывая, нараспев, стонал. Боли, видимо, опять появились. В пятом часу утра пили чай. К чаю вчерашнее вареное мясо. Мне — очень немного. Тымн[энэнты]н быстро задремал, пили мы с хозяйкой. Из стада пришел Ятгыргын. Вошел в полог, завтракал вареным мясом. Девушка приготовила также холодный завтрак — рубленую в крошку выттол¹ с рубленой же морож[еной] печенкой, кыйты-кыйт². Хозяева это блюдо не ели, только мы. Тымн[энэнты]

1 Выттал — смесь растений с жиром морзверя, оленьим бульоном или мясом.

2 К'итык'ит (мн. к'итыт) — мерзлое мясо или рыба.

и спит. Хозяйка делает нитки. Омр[увакат]гавыт готовит подошву — чечот, для торбаз братишки. Прокусали, прослунявили грубую, сшитую из маленьких кусочков чечот Омр[увакат]гавыт и Омрыят[гыргын]. Одна подошва большая, вторая маленькая. От большой отрезали кусок и пришили к второй. В восьмом часу утра Омрыят[гыргын] вышел из полога. Таеквын из своей яранги вышел несколько раньше. Оба они ежедневно охраняют стадо днем, с ними старше их, лет 15, Онпыгыргын. Ятгыргын также вышел из полога.

Порывы ветра слышны меньше, чем вчера. «Нет худа без добра» — у меня вышел табак, и первые дни бестабачной жизни были тяжки. Ни о чем не думалось, кроме табака. Теперь острота спала, курю мало и редко, и заметно лучше стала себя чувствовать — не хрипит в груди, легче дышится. Раньше здесь в тундре при наличии табачных запасов пачку махорки выкуривала за день. Интересно проверить, насколько пачки махорки хватит теперь. Открыла вчера, 10 ноября, данную Оотыной махорку.

8 утра, жирник едва мерцает, хотя девушка шьет (пришивает подошву к торбазам братишки). Хозяйка приказала ей разминать шкуру на верх[ние] брюки Ятгыргыну, сама вышла в чоттагын греть чай. Перед выходом из полога ворчала на бездельницу-девушку, апатичную и безынициативную. «Оставить вас одних, проспите и замерзните, разутые и раздетые».

Позавчера в пургу приходивший к нам Тынагыргын, одетый в старую одежду и в рваную прошлогоднюю матерчатую камлейку, говорил: «Мы новую одежду бережем и одеваем в самые морозы. Нэргэрик¹ носим старую одежду и, конечно, мерзнем. Летом совсем старую, вытертую, безворсную одежду. Теперь на мне одетые верх[ние] брюки — им третий год. Сошьют мне новую камлейку матерчатую, буду носить ее зимой, а эту старую в следующее лето. В мокрый снегопад мы не одеваем хорошую одежду, а старую. На нем были одеты торбаза — чечот², им третий год.

1 Нэргэрик — в ноябре... (нэргэрик — осенью).

2 Чечот, чечоплякыт (мн. чечолгын) - зимние торбаса с подошвами из оленьих щеток.

Тынагыргын, правда, бездомный человек, калека, иждивенец, сейчас у Номг[ыргы]на.

В полог внесли ногу оленя, паакат еще не срезан, отогрется — для больного Тымн[энэнты]на еда. Омр[увакат] гавыт разминает в пологе ногами шкуру. Из вчерашнего вареного мяса сегодня утром отложили в тряпочку неск[олько] кусков. Один из кусков Омр[увакат]гавыт подала хозяйке в чоттагын. Завертывая остальные куски в тряпку, крадучись, торопливо откусила кусок и, не прожевав, проглотила. Нежеванный проглоченный кусок чвакнул в горле. Девушка всегда грязными руками булькает в кастрюле с остуженным бульоном и вылавливает жиринки, съедая их. Утром, когда в кастрюле остается мало бульону, всплывает со дна кастрюли осевший навар, кусочки мяса. Когда нет старших, а на меня она не обращает внимания.

В 8.40 созрелся чай, в полог вошел Тымнэлкот. Хозяйка ножом срезала едва оттаявший паакат с внесенной ноги. Тымн[энэнты]ну порезала ломтиками, Тымнэлкоту дала ногу с частью несрезанного паакат, мне кусок пааката. Съев паакат, Тымнэлкот начал о чищать — кушать мякоть, пленки с ноги. К концу чаепития пришел Номг[ыргы]н, вошел в полог. Девушку, шившую у жирника торбаза (пришивала подошву — чечот к торбазам братишки), послали кипятить новый чайник. Не оказалось воды. Сказали принести от Чейвуны. У Чейвуны тоже не было воды, девушка ушла по воду.

Хозяйка принесла большой кусок, к[ило]гр[амма] в 2,5 мороженой крупной рыбы. Разрезали на куски, кушали все, находящиеся в пологе, также я. Девушке хозяйка подала в чоттагын шкуру с рыбы, а в конце еды отдала кэмэны с оставшимися, не съеденными для Тымн[энэнты]на кровавыми кусочками. — Или сама съешь, а если энку лыныркын (не хочешь), отдай собакам. — Нет, конечно, я съем, — с улыбкой в голосе ответила Омр[увакат]гавыт.

Тымн[энэнты]н доглодал ногу, выбил костный мозг. Мозг съели, дали и мне кусочек. Вскипел маленький чайник. Номг[ыргы]н было засобирился домой, но Тымн[энэнты]н оставил его, сказав: собственно для тебя грели чай. Номг[ыргы]н остался, сел на мою сторону, рядом со мной

(я всегда занимаю место на южной стороне полога, у жирника) и зашутил: «Была бы ты моей женой, всегда сидела бы близко, рядом, ездили бы в гости». Тымн[энэнты]н вступил в разговор и рассказал о семье Выквэына, ытту-утлет — предки к[ото]рых лыетаннитан (коряки?). Номг[ыргы]н сказал, что м[ожет] быть предок пэрэйо — взятый в плен в период прежних войн.

К концу этого чаепития пришел хромой Тынагыргын, в чоттагын ему подали чашку чая. Разговор за чаепитием в пологе продолжался. Слышно стало, как поскрипывает костылями в чоттагын Тынагыргын. Положане переглянулись. Еще не вышел, слушает, — сказали они. — Почему не заходишь в полог? Правда, я собираюсь одеваться и тоже выйду, — сказал Тымн[энэнты]н.

Пока ты одеваешься, я зайду в полог погреюсь. Очень холодный ветер сегодня, — отозвался Тынагыргын и вошел в полог. Хозяйка подала ему кость с мясом (вчерашее вареное мясо). Тынагыргын стал рассказывать сон. Видел бурого медведя, разговаривающего, как человек. Когда Тынагыргын хотел убить его из ружья, медведь сказал: Не трогай меня, у меня есть брат, очень сильный, и тебе будет плохо от него. Хозяйка в это время причесывала Тымн[энэнты]на и заплетала ему косички. Номг[ыргы]н ушел домой сразу после чая. Тымнэлкот еще раньше, до второго чая. Вошедшему в чоттагын Вуквузгыргыну Номг[ыргы]н сказал: Здешие будут подгонять стадо к ярангам, помоги им. Тымнэлкот вышел.

В 10 утра вышли Тымн[энэнты]н и Тынагыргын. Хозяйка мне сказала: сейчас я немного поработаю над шкурой на свой эучанкэр¹, затем выйду работать в чоттагынэ. Ныгрыткумури — сегодня забиваем оленя, так что не смогу заниматься кройкой твоей одежда. Мин[ут] 20 хозяйка разминала ногами шкуру в пологе, а затем вышла. Тушу забитого оленя уже втащили в чоттагын. Меня оставили в пологе, предупредив не жечь ярко жирник. Жирник едва мерцает.

Тынагыргын у нас в чоттагынэ оттачивает полозья нарт Тымн[энэнты]ну. Тымн[энэнты]н ушел в стадо, соби-

1 Эвычан'кэр — нижний женский комбинезон (кэркэр).

рается ехать на оленях. Вот непоседа старик, ночью едва не умирал, а утром едет на оленях в мороз и холодный ветер.

При забое оленей на пищу девушка обычно свежует тушу, а хозяйка отжимает р[ылко]рил, и сегодня то же.

Мой больной правый глаз было выздоровел, а дня четыре тому назад опять заболел. Правда, не такое обильное гноевыделение, но все же есть, и покраснение глазного яблока. Опять начала капать капли утром и вечером. Просыпаюсь со слипшимся веком и плохо вижу. Каждодневный испуг — теряю зрение. Вчера обнаружилась новая болезнь — распух, покраснел и очень чешется безымянный палец левой ноги. Обморозила или пеллагра?

Сначала боль не ощущалась, а только опухоль и зуд, сегодня чувствуется и боль, болезненный зуд. 29 октября в ночевку у Кааквургокая заболело левое ухо, шум и небольшая глухота, видимо, ушная сера скопилась. Неприятно отдавало в голову, в мозг. Сейчас почти не ощущаю шума, прошло.

Вся я понемногу расклеиваюсь, не то, так другое начинает сдавать.

Из чоттагына в полог подали чашку с калом, вынутым из кишки свежеуемого оленя. Вечером будут намазывать калом, размятым в человек[еской] моче, мездру шкуры, наверное, той, что пойдет на гыргочанкыногты¹ Ятгыргына. В чоттагынэ, прекращаясь, опять возобновляется разговор хозяйки с Тынагыргыном или указания и замечания хозяйки девушке.

Забили сегодня заболевшего оленя — тинит акарэтлин — утроба заболела.

Утром Ятгыргын ушел за хворостом.

12.30 дня, полог остыл, свет жирника очень мал, а людей, кроме меня, в пологе никого нет. Пришел или приехал Тымн[энэнты]н. В чоттагынэ по-прежнему Тынагыргын. Пришли Омрытагын и Онпыгыргын. Сходи по воду, дам печенку, — сказала Онпыгыргыну хозяйка. Парень принес воды, ему дали свежую печенку, поджарив на костре, он съел.

1 Гыргочанк'онагтэ — верхние мужские штаны.

В ноч[ном] горшке в своей моче «вымыли» ступни ног и руки.

Хозяйка несколько раз говорила: Если бы тебе шили кэркэр, теперь уже закончили бы. А кухлянку со штанами, да еще нужно то и другое нижнее, мы очень растянули. Об этом же сейчас она говорила в чоттагынэ Тынагыргыну.

— Почему она не оденет кытэпирын (мой полушубок) как нижнюю меховую рубаху?

— Тяжелый, — ответила хозяйка.

Пожалуй, верно, из полушубка сделаю себе ниж[ние] мехов[ые] штаны. Пришел Ятгыргын, в чоттагынэ. Для Тымнэлкота также сегодня забили больного оленя.

В пологе, на веревках — тэлет, протянутых по потолку полога (4 шт.), развешивают для просушки одежду — рубахи, штаны; у жирника — чижы, торбаза. Как одежда, так и обувь выворачивается мездровой стороной для просушки. Обрабатываемые шкуры после разминания ногами также сушат в пологе, либо над жирником, либо на веревках. Шкуры после разминания ногами также выносят для просушки и на улицу. Вчера на возу лежала такая шкура Чейвуны, а уже начиналась пурга. На жерди на улице же была повешена для просушки новая красная нижн[ая] мехов[ая] рубаха Тымнэлкота после его возвращения с ночного дежурства из стада. У Тымнэлкота уже сшиты две новых нижн[их] мехов[ых] рубахи.

1.30 дня. В чоттагынэ пьют чай Тымн[энэнты]н, хозяйка, Тынагыргын. Я выпила чашку, подали в полог. Мне к чаю дали поджаренный на костре кусок свежей печенки. Они кушали головы, мозг, глаза, носовой хрящ и, видимо, также печёнку.

В полог подали четыре срезанных копыта со щеткой. Вероятно, опять будут вырезать щетку с копыт на подшиву к торбазам. Хозяйка взяла из полога шкуру черную, довольно большую, позднеосеннего каю¹, ее эучанкэтлекал, сейчас скребет мездру железн[ым] скребком после разминания ногами и просушки. Сегодня ночью этой шкурой будут

1 К'эюу — олений теленок, олененок.

одеваться, за ночь на человеке она совсем подсохнет, и завтра можно будет ее уже красить вирвир¹.

Заскорузлую мездру шкуры — иинэлгын, перед первой чисткой смачивают бульоном. После остатки мездры опять смачивают бульоном, даже выварками чая, а наша хозяйка одну шкуру смочила уже использованным, смешанным с человек[еской] мочой (ее мочой) вирвиром. Смоченную шкуру свертывают. Когда мездра становится мягко-влажной, податливой, вытягивается, как тесто, ее разминают ногами, обычно не в один, а в 2–3 приема. После первого или второго разминания ногами шкуру или выносят на улицу на солнце или ветер, или теперь, зимой, в пологе, над жирником. Следующие две стадии обработки: 1) еще раз мездру счищают железн[ым] скребком. На ночь шкурой одеваются. 2) Красят вирвиром, тщательно втирая красную кору — крошку. Шкура высыхает, после этого в последний раз разминают ногами, разглаживают, как утюгом, и шкура готова. Готова к кройке и шитью.

3 часа дня. Уже вечерет, начинает темнеть. Хозяйка сбила снаружи полога, в ворстной части (по-прежнему агран²) тивийгином снег, внесла обе шкуры, счищенные днем ею в чоттагын. В ночн[ой] горшок налила теплой мочи (ее), всыпала олений кал и разминает руками. Будет смазывать мездру шкуры мягким калом. Внесла большой кусок, гр[амм] 400, белого топленого костного жира. Я вырезала ножом кусок белой ткани «витылкал»³, сделала большой (относительно), во всяком случае, яркий жирник. За целый день нахождения в пологе я сидела при едва мерцающем жирнике и, оказывается, сожгла очень много жира, как сказала хозяйка.

Хозяйка мажет мездру калом не густо, а слегка, кусочком, отрезанной от шкуры шкуркой. 3.15 дня. В полог вошли Тымн[энэнты]н и Тынагыргын. Подали морож[еное] мясо — паакат, рубленное. Чай. После чая Тымн[энэнты]н кушает розовую головную ткань, затем он и хозяйка нача-

1 Вирвир — кора ольхи (используется в качестве краски).

2 Агран — зимний полог.

3 Фитиль — ножом накрошили из куса белой ткани.

ли срезать щетку с копыт, оглаживая косточки копыт (срезая ножом). Тынагыргын сегодня сделал кэнкэл¹ для бича, сейчас подстрогал, подточил кэнкэл. В полог вошел Ятгыргын, переобувается. Одевает чечот и в торбаза вложил другие, сухие стельки. Внесли ноги в полог. Тынагыргын точит нож, собираясь глодать ногу. Тымн[энэнты]н также гложет ногу.

4.20 вечера. В чоттагын вошла Тын'эны и сказала, что часть стада отделилась и убежала к речушке. Ятгыргын быстро вышел из полога, через полчаса возвратился потный и красный.

Стадо соединили. Пришли мальчики — каанталют², в чоттагынэ едят свежевареную (ямга) р[ылко]рил (ямга). Ятгыргын выбивает мозг из обглоданных ног, на элгыквын³, железным молотком. Тынагыргын гложет третью ногу, крупные части отдавая хозяйке. Выбитый мозг кидает на маленькую кэмэны.

Хозяйка кроит Тымн[энэнты]ну аноквын (подбородник).

4.50 вечера. В полог вошел Омрыят[гыргын]. Тымн[энэнты]н гадает на картах. Два раза хозяйка сказала, чтобы Тынагыргын сел в кыммэ, к свету. Я молчу и продолжаю находиться в кыммэн. О месте летнего обитания (у оз. Экитики) Тымн[энэнты]н сказал, что сейчас там нет ветра и пурги.

Хозяйка шьет аноквын. «Майн аноквын ынан танычин»⁴ — сказал Тынагыргын в ответ на слова хозяйки, что она шьет большой аноквын. Хорошой аноквын, закрывающий также грудь, — сказа Тынагыргын.

Ворожа, Тымн[энэнты]н сказал жене: Завтра уложите вещи на возы. По картам Тымн[энэнты]на выходит: 1) Скоро рэлкын будут аммона (врозь)⁵. 2) В будущем что-то будет плохо.

1 Кэн'кэл — наконецник хорей.

2 К'аальатылын (мн. к'аальатылыт) — пастух, находящийся в оленьем стаде летом.

3 Элгыквын — камень, на котором толкут мясо и разбивают кости.

4 Большой аноквын — самый лучший.

5 Скоро стойбища окажутся врозь.

От Чейвуны принесли три куска и кусочек языка сваренного мяса.

Вечером после ужина Тнагыргын (Эпылкут) рассказал сказку «Два брата сиротки».

[Кузнецова 1948–1951: 364].

Приведенная дневниковая запись — классическая описательная этнография. Отчетливо проступают методические аспекты включенного наблюдения, которых требовала Ленинградская этнографическая школа: «строгая передача действительности», объективное отражение наблюдаемого, а не толкование о нем со стороны исследователя, отсутствие оценочных суждений по ходу происходящих событий [Штернберг 1924: 213]. Это то, что Клиффорд Гирц назвал бы псевдо объективным формальным описанием человеческого действия. Интерпретация фиксируемых фактов носителями культуры В.Г. Кузнецову практически не интересовала. Некоторую расшифровку фиксируемых событий, которую лишь условно можно назвать интерпретацией исследователя, присутствует скорее не в самом дневнике, а в его переписанном варианте.

В дневнике:

27 августа 1950 г. <...> Стали собираться в дорогу — в стойб[ище] Тымнэтынагыргына на праздник нын'энрирукэн женщины стойбища Номгыргына. <...> Оотына сменила ребенку в макы¹ мох, взяла с собой запасной мох, смешанный с оленьей шерстью, привязала эчулгын (провела рукой по внутренней части ачулгына, смазала головку ребенка и свою [Кузнецова 1948–1951: 354].

В переписанном варианте:

Смазала головку ребенка и свою голову: уходя в другие стойбища, оставляя свой дом и очаг, она как бы оградила ребенка и себя от всего нечистого [Кузнецова 1948–1951: 405].

1 Макы — клапан детского комбинезона

Очевидно, В.Г. Кузнецова изначально стремилась не просто видеть и фиксировать, а наблюдать и делать выводы, обобщать свои наблюдения. Весьма наивные «выводы» из наблюдений появляются уже в самом начале экспедиции, по пути с Ванкаремской ярмарки. Для «выводов» в дневнике № 3 (первый из имеющихся в архиве дневников) отведено специальное место — текст написан на свободных от ежедневных записей левых страницах разворота тетради:

19 сентября 1948. <...> Некоторые выводы (писала 25.9.48).

1) Чукчи уважают и почитают стариков. Слушаются и подчиняются им. Их слово — закон. Помогают старшим. За Тымнэнэntyном в дороге (с ярмарки) ухаживали, первому подавали еду и чай, следили за обувью, вытряхивали одежду (конягты, ирын). Особенно внимательна была Тын'эны — вторая жена его брата Тымнэлкота.

2) К женам чукчи относятся хорошо, ласково. Чукчанка не принижена. Она много занята, но не помыкает муж (мужчина).

3) Ссор у чукчей пока не замечала. Много шутят, острят, смеются чукчи, и мужчины, и женщины, особенно, как правило, когда соберутся за едой и гостинцем. Любят сальные остроты.

4) Женщины одни — разговаривают, видимо, обсуждают новости, житейские вопросы стойбища, много смеются. Мимика при разговоре живая, копируют, передразнивают. Их разговор — сплошное цоканье. Разговаривают тихо, медленно. Уакай за шитьем любит петь — бессловесный, однообразный мотив.

5) Все чукчи сильно кашляют, у всех насморк. Сморкаются и плюют там, где сидят или ? (за едой — рядом с пищей). На теле у многих болячки. У пастухов — больные глаза (от ветра, бессонницы).

6) Понятие грязно — отсутствует совершенно.
Выводы (продолжение).

7) Чукчанки не любят похвастать новинкой (Уакай никому ни словом не обмолвилась о моих подарках. Не она,

а на нее обращали внимание другие чукчанки (серьги в ушах). Я бы лично похвасталась.

8) Среди чукчей имеются и люди с длинными руками (любители на чужое).

9) Детей любят — не бьют, не кричат [Кузнецова 1948–1951: 334].

Дневник с ежедневными записями по своему жанру не требует такого рода «выводов», и в дальнейшем В.Г. Кузнецова от этой практики отказалась. Не стремилась она также фиксировать в дневниках очевидные ей и лежащие на поверхности смыслы. Такого рода замечания в дневниках единичны.

22 ноября 1950 г. <...> Как и во времена Богораза, и теперь чукчи придают большое значение снам, сны рассказывают, и почти каждую ночь они что-нибудь видят во сне. Ночевала я у Тнарэнтыгыргына (депутата), утром он спросил — видела ли что во сне. Ночевала у Кааквургокая, тот же вопрос утром. Ночевала у Оотыны, она также спросила утром — видела ли что во сне [Кузнецова 1948–1951: 365].

25 ноября 1950 г. <...> В тот вечер, когда заболевший Тымн[энэнты]н отошел и когда в пологе находилась гостья — старуха Кыйтпын'эут, Тымн[энэнты]н заругал Омр[увакат] гав[ыт] за ее нерасторопность, а когда она на его вопрос, что ты делаешь, ответила — кушаю, старик совсем обозлился и заявил: «Если ты одна будешь кушать, не считай больше себя принадлежащей к нашему дому. Я найду девушку-работницу другую, по-настоящему работающую, а не такую бездельницу, как ты». У чукчей порицается и осуждается еда в одиночку. Вся семья должна кушать в одно время. Лишь вечером уходящим в стадо пастухам или одному пастуху раннее дается еда, и он может кушать один. Те же, кто находится дома, и особенно женщины, не должны кушать в одиночку. Безусловно, это пережиток старины, сухопутно-охотничьего быта чукчей [Кузнецова 1948–1951: 365].

Для поисков смысла, интерпретации требовалось не только наблюдать, необходимо было разговаривать, задавать вопро-

сы. Поначалу это было невозможно по объективной причине: В.Г. Кузнецова не знала чукотского языка, но и в дальнейшем, вплоть до самого конца экспедиции, ответы на задаваемые себе вопросы она получала по большей части в ходе все того же наблюдения, а не путем расспросов.

26 сентября 1948 г.. Вечером в чоттагыне слышала голос Кайгырголя (Тэнот не ночевала у нас), а только назавтра в шутке Тымн[энэтына] (по поводу оставленных Тэнот вишивых кэркэра и обуви) узнала, что она ушла от Тымн[энэтына] совсем в стойбище Омрыквота, вышла замуж за Кайгырголя. Почему подгоняли оленей — не выкуп ли за Тэнот перед Тымн[энэтыным]. В дальнейшем надо узнать об этом. [Кузнецова 1948–1951: 334].

Этот сюжет в дневниках не получил развития. Другой же вопрос (зачем у некоторых ездовых оленей отпиливали рога) ответ получил. К записи от 26 сентября 1948 г. на свободной от ежедневных пометок странице разворота тетради позже приписано:

У оленей обрезали рога маленькими пилками (у тех, которые были в загородке из саней, правда, не у всех оленей). Перед отъездом забили двух оленей. Позднее, уже зимой, когда установилась санная езда, мне стало ясно, для чего это делали — этих оленей стали впрягать попарно в ездовые нарты (запись 8 ноября 1948 г.). [Кузнецова 1948–1951: 334].

Какой-либо «программы»-вопросника на заданную тему, тем более анкет В.Г. Кузнецова, похоже, не применяла. По текстам дневников кажется, что она вообще избегала вопросов. Если что-то удивляло или было непонятным, разъяснений не просила. Чаще возникавшие вопросы она адресовала себе самой, сама на них и отвечала или не отвечала.

26 октября 1950 г. Сегодня праздник поминовения предков и умерших — эунрэмкын. <...> После забоя оленей утром трое мужчин — Тымнэнэнтин, Тымнэлкот и Ятгыргын — уехали на оленях в направлении реки Энгыргын. Зачем они

ездили — мне не известно. Или эта поездка была связана с поминованием покойников, могилы находились на Энгыргын (не все, а некоторых умерших), или же ездили с другой целью — перехватить возвращающихся с морск[ого] берега кочевников, запасшихся морск[им] жиром, подошвами, ремнями. Мужчины возвратились во второй половине дня [Кузнецова 1948–1951: 364].

25 января 1951 г. <...> Ятгыргын в ночь в стадо не пошел. Тымнелкот сказал: Высуши одежду, я пойду в стадо. Не предоставил ли он свою жену на ночь гостю, а сам ушел в стадо? Вероятно, это так [Кузнецова 1948–1951: 367].

22 марта 1951 г. <...> Вечером же Ятгыргын, соединив ветки вместе, обмотал их во всю длину нескрученными сухожилиями. Вероятно это для будущ[его] праздника килвея? [Кузнецова 1948–1951: 384].

К сожалению, иногда оставались не проясненными никем, не зафиксированные и чрезвычайно интересные для исследователя факты, например в приведенном в дневнике рассказе Ринтынэ (жены Гырголя, в яранге которого она жила в самом конце экспедиции) о гибели от голода ее племянника.

8 июня 195 г. <...> У меня, тоже кормящей матери, было много молока в грудях, жалко было смотреть на голодного ребенка, но я не могла кормить его своей грудью, так как мой ребенок также ребенок Гырголька (теперешний мальчик, моя забава) — аймэтьё или аймыётёйкай (значение этого слова точно не поняла, видимо такое — кто-то умер из предков, ребенок родился как замена умершего) — принадлежащий только этой яранге, и я не могла кормить своей грудью племянника. Хотя жалость к годовалому ребенку, ребенку моего младш[его] брата, очень велика [Кузнецова 1948–1951: 392].

Может быть, В.Г. Кузнецова знала, что вопросы такого свойства задавать и не стоило, понимала, что ресурсы включенного наблюдения не безграничны. Вероятно, в область сакрального, по мере возможности, ее старались не допускать и, соответственно, глубина погружения здесь была невелика.

3 сентября 1950 г. <...> Спросила у Ятг[ырг]ына, как наз[ываются] ноги, рога и хвост, прикрепленные к руинэ в чоттагын в нэнрирукэн. Омр[увакат]гавыт, оказывает-ся, еще не уснула, услышала мой вопрос и быстро сказала — «не говори». Начав отвечать мне, он быстро переменял ответ на незнание, что знают только женщины. Я засмеялась, он громче моего.

В дневниках много лингвистических материалов, свидетельствующих о большом труде по освоению чукотского языка. Кроме ежедневных записей, многие страницы заняты записанными чукотскими словами, выражениями, фразами, с переводом и без. Особенно это характерно для дневников за первые два года, но такого рода записи присутствовали на протяжении всего пребывания на Чукотке.

Овладение языком позволило В.Г. Кузнецовой применять весьма результативные в конечном итоге методы полевой работы. Ближе к концу экспедиции в дневниках стали появляться чрезвычайно интересные семейно-биографические мемуары — переложения ее разговоров с информантами, содержащие, в отличие от других записей, важную для исследователя интерпретацию тех или иных событий, которую давали сами носители культуры. Правда, диалогом исследователя и информанта эти записи назвать трудно, поскольку в дневнике зафиксировано скорее переложение монолога информанта, изредка прерываемого вопросами, призванными скорее поддержать беседу, чем направить ее в нужное русло. В приведенном ниже примере такой записи зафиксирован вопрос В.Г. Кузнецовой «Почему?». Замечу, что это одно из всего двух «Почему?», адресованных информантам В.Г. Кузнецовой, встретившихся в дневниках.

10 июля 1951 г. <...> О прошлом этой, теперь Гырголя, яранги Раглина рассказала. Первая жена Тнэскэна — Кымын'экай. Умерла молодой, сошла с ума — геюргэтивилин. Дочь Кымын'экай — Тиркытваль. Первым мужем Тиркытваль был Етуги. От этого брака родился Выквырочгекау. Етуги ушел на морской берег. У Тнескэна было три своих яранги. В первой, ыттыёралын, жила Тиркытваль. Во вто-

рой — Тнескен. В третьей — вторая жена Тнескена — Рагтыятгэвыт. После смерти жены Кымын'экай Тнескан женился на молодой Турневыт. Здесь, во второй яранге, жили Тнесан, Турневыт, Томгына, Раглина. Мужчин не было, и Томгына постоянно находилась в стаде. У Томгыны скоро не стало молока в грудях, и Раглину выкормили искусственно. Из Ванкарема привозили сгуш[енное] молоко, муку, галеты. По словам Раглины, она ложками ела сгуш[енное] молоко, съедая сразу по две банки. Однажды, она уже была девочкой, зимой, во время подготовки к кочевке — чайвыма, она, Раглина, на морозе стала есть сгуш[енное] молоко прямо из банки. Края банки примерзли к губам и языку. С трудом оторвали примерзшую банку от плакавшей Раглины. С тех пор я перестала есть на морозе сгуш[енное] молоко. Ела уже оттаявшее. Тынескен даже не ел мучных лепешек. Я запрещала — гымин роолкылте. Чай пили в семье Тнескена всегда с сахаром. Раглину хорошо одевали. Носила кан'окер¹, и даже нижний керкер кан'окер. Торбаза зимой и летом носила вышитые. Зимой носила вылгыегыт² — из камуса с малым ворсом. А не мерзли у тебя ноги, — спросила я. — Нет, всегда носила теплые новые чижи из красивого пестрого камуса. Никто на меня никогда не кричал. Не принято было в семье Тнескена ругаться. И потом, после смерти Тнескена, когда жизнь моя изменилась, я стала жить в других стойбищах, на меня стали кричать, в первое время я пугалась от ругани. У Рагтыятгэвыт, жены Тнэскэна, был мальчик. Умер от болезни. Гырголя приняли в дом в зятя, в мужья Тиркытваль. Он — елгытомгын³ Тиргытваль. Отец Гырголя Ринтуги и Тнескан — елгытомгын. Гырголь с женой Тиркытваль, с Вуквурочгекау жили в первой яранге. От брака с Гырголем у Тиркытваль был ребенок, девочка. Тнескан уже умер. Тиркытваль заболела. Ребенок ее, девочка, ползала, еще не ходила. Девочку-ребенка, совсем здоровую, задушили ремнем. Задушил Таёгыргын. — Почему, — спросила я. — Тэвиминн'ёлкал — предназначена для

1 К'эн' укэр — кэркэр из пестрой бело-коричневой оленьей skóry.

2 Вылгыегыт — обувь из летней тонкой оленьей skóry.

3 Ыэлгытомгын — двоюродный брат.

мучений, — ответила Раглина. Затем сказала: Таньмэпы, кораньмэпы. К чему это было сказано, я не поняла. Умер Тнэскан у айватлят¹. Туда они укочевали. Там прекрасный корм для стада. Много ватапу². Но среди айватлят была эпидемия, и Тнескан заболел, там и умер. «Виускивлин», — сказала Раглина. Укочевал в чужое место умереть. Там, у айватлят, и похоронили Тнэскэна. Сделали очень большой тынмай. Тынмай делал Гырголь. Умер Тнэскан до эпидемии 46 г., еще раньше, в аканытык³. Дочь Тнэскына Тиркытваль умерла в челгатык⁴. Гырголь женился после ее смерти на Вээм. Вээм умерла от побоев Гиунькэу. Тогда еще было очень большое стадо, оставленное Тнескеном. — Как у Эпинди<...> (как у Алёля), — сказала Раглина. Турневыт, молодая жена Тнескена, была мастерица шить. Хорошо шила и другая его жена Рагтыятыгевыт. Теперь в яранге Гырголя рванный старый летний ретем. Новый летний ретем, зимний ретем, полог и много других вещей оставлены были в магны⁵ на этом берегу Амгуэмы (на правом берегу) при осенней кочевке, при возвращении с морск[ого] берега в тундру народу было всего пять чел[овек] — Гырголкой, Ринтына, Раглина, Вукверочгекау и Тымнекалечайвын. С таким малым числом людей невозможно было кочевать. Грузовых нарт с вещами было очень много. Кочевые караваны были длинные. Мранэтлети — очень далеко от мгунын-рэтыля, — сказала Раглина. В одной яранге Тнескена было четыре длинных муурил⁶, а теперь лишь две, да и то коротких. Пять человек кочевали с вещами, груженными на нарты, от трех яранг. Поэтому и оставили вещи в магны. Четверо муурил с вещами замагнили, по словам Ринтыны. При жизни Тнескена Таёгыргын был другом этой семьи. После смерти Тнескена Таёгыргын изменил отношение. Дочь Таёгыргына Эттырультына была женой Майныкооквыргына. Затем женой Тн'арэнттына, от него у нее тепереишый

1 Айвалльат — восточные чукчи.

2 Ватап — мох (ягель).

3 А'к'агнэтын'н'ок — с наступлением весны (солнечных дней).

4 Челгатык — заболевать краснухой.

5 Магны — то, что оставлено (чтобы взять в другое время), сложенное в кучу.

6 Муулын — караван, обоз (кочевой).

мальчик. Затем, в 1949 г. женой Тымнетынагыргына. Теперь взяли зятя в дом, племянника Кеутегына, брата Томгыны — Кергын-а. По словам Томгыны, эпидемия 46 г. пришла от айвалыат. Захватила морской берег. Кочевники, бывшие летом у морского берега, заболели. Осенью покочевали в тундру. Прикочевали туда, в тундровых стойбищах люди еще не болели. Стойбища, вернувшиеся в тундру с морского берега, принесли эпидемию, заразив тундровиков. Отец Гырголька Рентуги умер вместе с женой. Иичемиттумгылкал¹ Томгыны Тиркан умер всей семьей в пологе. Так и осталась яранга брошенной с трупами [Кузнецова 1948–1951: 395].

Как ни странно, очень характерный для этого времени метод интервью — опросы на заданную тему — практически отсутствует, хотя в распоряжении В.Г. Кузнецовой наверняка были различные опросники.

В дневниках В.Г. Кузнецовой огромное количество материалов по терминологии родства и свойства, информации о семейно-родственных и брачных отношениях, которую она целенаправленно собирала, опрашивая при любой возможности практически каждого человека, даже если контактировала с ним короткое время. Делала она это, очевидно, просто в форме беседы, не используя специальные опросники. Этот обильный и богатейший материал ждет систематизации и анализа заинтересованного исследователя.

13 июля [1949 г.] <...> Омрвакотгаут сообщила: Гырголь состоял в групповом браке (невтумганит) 1) с Гемын (айгыскилин) с своим двоюродным братом (их отцы братья). 2) с отцом и матерью Кайвуквуны (мать — дочь Таёгыргына). Кайвуквуну Омр[увакотгау]т назвала чакеттомгылкаль. 3 с Алёлем. Омр[увакотгау]т два раза жила у Алёля, сначала еще маленькая. Очень заболела, приехал Гырголь и увез ее. Вторично была подростком, с дочерью сестры Алёля постоянно находилась в стаде. Питание хорошее, постоянно коонлин (?), цилькациль. В дорогу к стаду

1 Тумгылк'ыл — жених, невеста.

брали много мяса (клали в штанины керкера). Этой зимой, когда Тымн[енентын] и Уакай ездили в гости к Алёлю, опять он просил Уакай, чтобы Омр[увакотгау]т приехала к ним. «Но ведь здесь у Тымн[енентына] нет работницы». Алёля она звала эпъиндив, а его жену эпекей¹. 4) с Тымненентыном. Омр[увакотгау]т сказала, что у Тымн[енентына] умерли обе жены, а когда умер Гырголь, Уакай скоро стала женой Тымн[енентына]. Про Уакай Омр[увакотгау]т сказала: лицо некрасивое, керкер плохой, а мужей много. Тымненентын и Уакай состоят в групповом браке с 1) Рэнтыгыргыном (сегодня Омр[увакотгау]т сказала — Варвара спросила, кем тебе приходится Рэнтыгыргын — атакалчал чами индив). 2) С Пэгту и Анн'ау. Тымнэлкот был женат на сестре Кенири и соединен в групповом браке с Чейвуной (она еще не была женой Тымн[нель]кхота) и ее мужем. Когда умер муж Чейвуны и жена Тымн[нель]кхота, они поженились. Кэргекай (брат Кэргуги) второй муж сестры жены Алёля. Первый муж ушел, очень ссорились. У матери осталась дочка, как Тымнены. <...> Омрыквотгаут — сестра Кенири (гэнэутымгын чакыгэт) была женой Ятгыргына и жила в яранге Тымненентына, но потом вышла замуж за Нутеуги. Затем Кэлиль — дочь Тейкылина (айгые кылин) была также женой Ятгыргына и жила у него в яранге и без разрешения Тымненентына вышла замуж за Тымнелъкоткая. Отец Тейкылина и мать Тымненентына брат и сестра. Тымненентын и Тейкылин состоят в групповом браке. Тейкылин отец Келиль. Келиль также была женой Кенири. У Тымнелъкоткая первая жена умерла — была. Прежде Таёгыргын и Тымненентын имели общий огонь, теперь нет [Кузнецова 1948–1951: 339].

Стремясь фиксировать окружающую действительность максимально объективно, она сводила субъективное «авторское начало» текстов к минимуму, избегая приводить свои суждения. Отсюда, вероятно, и редкость каких-то эмоциональных проявлений, в том числе и выражений естественного энтузиазма ученого, которому открывались какие-то интересные факты,

1 Эпэк'эй — бабушка, дедушка.

заманчивые перспективы исследований. Хотя она, несомненно, была очень заинтересованным, может быть, даже фанатичным исследователем:

25 ноября 1949 г. <...> Вечером в пологе разговорились. За горами Эргыпылит живут чавчува¹, отличающиеся по языку и по быту от здешних. У меня сердце забилося от радости — другое племя соседствует здесь в тундре. Этты-кутгеут назвала ряд слов — наименований предметов, отличных от здешних [Кузнецова 1948–1951: 336].

26 ноября 1949 г. <...> На обратном пути домой Пененеут сказала, что они будут кочевать далеко, в Кунтелек. У меня забилося сердце — мне страшно хочется попасть в Кунтелек. Но мне не предложили кочевать с ними. Я ограничилась высказыванием своего желания прийти к ним в гости [Кузнецова 1948–1951: 336].

В полной мере избежать проявлений эмоциональности, конечно, не удавалось. Полевой дневник, в силу обстоятельств, зачастую являлся ее единственным доверительным «собеседником», которому В.Г. Кузнецова могла пожаловаться на свое плохое самочувствие, на обиды и прочие неприятные обстоятельства, которых было немало в ее полевой практике. Лишь время от времени в крайних обстоятельствах она позволяла себе такие «личностные эмоциональные всплески».

Поражает добросовестность В.Г. Кузнецовой: сбор материала не прекращался до самого последнего момента. Уже на берегу моря в Ыпгэн, распрощавшись с обитателями «ее» последнего стойбища, сидя на берегу у байдары, отплывавшей в Ванкарем, она опять развернула карту Чукотского полуострова и от также ожидавшей байдары Малыхина и Анкая стала записывать (и, надо полагать, отмечать на карте) местоположение прибрежных поселков, количество имеющихся там яранг и т.д. Даже в Ванкареме в ожидании отправки парохода она продолжала свои занятия.

7 и 8 августа 1951 г. С Тнагыргыном занимались в школе, в квартире Нины Александровны. Сделала записи назва-

1 Чавчыв (мн. чавчыват) — чукча-оленевод.

ний праздников; записала две сказки, но на русском языке [Кузнецова 1948–1951: 399].

Продолжала В.Г. Кузнецова писать дневник и на борту парохода, но это, наверное, уже была привычка.

Упорное ведение записей — это настоящий подвиг в тех условиях, в которых жила В.Г. Кузнецова. Помимо всего прочего, включая противодействие чукчей, это было не просто даже физически. Особенно сложно все это было в зимнее время, в условиях полярной ночи.

26–27 января 1949 г. <...> 26 и 27 Омрытвал у нас, перебралась с целью докончить мой кэркэр, но ее гоняют по всем делам, а вечером после ужина гасят свет, и нет никакой возможности работать. Чтобы записать пару слов, я использую утренние минуты перед чаем [Кузнецова 1948–1951: 336].

КОЛЛЕКЦИЯ НЕГАТИВОВ И ФОТОГРАФИЙ

Коллекция пленочных негативов и отпечатков (№ И 1454), зарегистрированная В.Г. Кузнецовой, содержит 840 номеров, негативов несколько больше, чем отпечатков, поскольку часть зарегистрированных негативов имеет дубликаты.

В.Г. Кузнецова очень тщательно и добросовестно относилась к документации своей экспедиционной работы, в том числе и к фотографическому фиксированию материалов. В дневниковых записях часто отмечался факт фотографирования, количество отснятых кадров и — очень кратко — отснятые сюжеты. Отдельно, как следует из дневниковых записей, велся «фотожурнал». Нужно полагать, что журнал этот, в архиве отсутствующий, был использован при регистрации негативов, что позволило дать весьма четкие, а в ряде случаев развернутые описания отснятых сюжетов. К сожалению, далеко не все негативы в описи имеют датировку.

Последовательность описания негативов в описи не хронологическая. Похоже, что, описывая негативы, В.Г. Кузнецова стремилась сгруппировать их тематически. Пленки для хране-

ния произвольно разрезаны на отдельные негативы или куски из двух-трех негативов. Эти обстоятельства в ряде случаев не дают возможности расположить имеющийся фотоматериал в хронологической последовательности, значительно осложняют датировку фотографий и, соответственно, их привязку к текстам дневниковых записей.

Богатые возможности для изучения и интерпретации фотографий содержат полевые дневники В.Г. Кузнецовой, хранящиеся в Архиве МАЭ РАН. Дневниковые записи, дают великолепную возможность наполнить жизнью неподвижные и молчаливые изображения, увидеть живых людей, с которыми тесно общалась В.Г. Кузнецова. В то же время отсутствующие за определенные периоды дневниковые записи могут в какой-то степени быть восполнены сделанными в это время фотографиями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В.Г. Кузнецова — одна из последних представительниц «героического периода» советской этнографии [Соколовский 2009: 21], реализовавшая концептуальные подходы, опыт и практики если не народнической этнографии, то Ленинградской этнографической школы уже в середине XX в.

Результатом длительной стационарной работы в уникальном этнографическом поле стали собранные В.Г. Кузнецовой обильные, интереснейшие и чрезвычайно ценные полевые материалы, значительная часть которых осела в архиве Музея антропологии и этнографии РАН.

После экспедиции В.Г. Кузнецова успела подготовить для публикации лишь небольшую часть собранных ею материалов — статью «Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей» [Кузнецова 1957: 263–326]. Ни один из исследователей до В.Г. Кузнецовой (да и после нее) не представлял столь полных и подробных материалов по заявленной теме.

Основным источником для написания работы явились полевые записи В.Г. Кузнецовой. Разумеется, в работе была учтена имеющаяся по данному вопросу литература, представленная

фундаментальным трудом В.Г. Богораза «Чукчи» (раздел «Праздники оленных чукчей», глава «Праздники») [Богораз 1939: 71–84] и книгой Г. Сарычева «Путешествие капитана Биллингса...», в которой приводятся описания осеннего убоя оленей, оленных состязаний, борьбы и некоторых других обрядов, но отсутствует терминология праздников на чукотском языке [Сарычев 1811].

Порядок праздников в статье приведен в привязке к хозяйственному годовому циклу оленеводов. Это логично и, что было важно автору, дает возможность продемонстрировать на своем материале основополагающую формулу марксистской этнографии, описывающую прямую зависимость обрядности от хозяйственно-материальной основы, на которой она развивалась. Богатый фактологический материал представлен системно, подробно: процесс подготовки к празднику, последовательность обрядовых действий с обязательным указанием, кто именно (пол, возраст, положение в семье, в стойбище) и как именно их производил, конкретные детали оформления обряда. Указаны задействованные сакральные предметы, порядок их расположения и перемещения в тот или иной момент действия, обрядовая пища, обрядовая одежда и т.д. Детально и скрупулезно описываются обрядовые действия, обязательно отмечается общепринятые практики и особенности выполнения того или иного обрядового действия той или иной территориальной группой, стойбищем, конкретной семьей.

Публикация В.Г. Кузнецовой не просто дополняет данные В.Г. Богораза, как скромно отмечает автор в начале статьи, это существенно более высокий уровень владения фактологическим материалом, явившийся результатом более длительного, сосредоточенного и систематического включенного наблюдения. Так, подробное описание праздника поклонения оленьим рогам (килвэй) полностью компенсирует неполноту сведений в предшествовавших публикациях. Ряд праздников описан впервые. В работе В.Г. Богораза, наиболее полно освещающей праздники и обряды чукчей, не сказано ни слова о весеннем разделении оленьего стада — об отбое важенков. Ранее в литературе полностью отсутствовали какие-либо сведения о бытовании обряда *эввылыту* оленных чукчей. О зимнем празднике убоя оленей ранее имелись только упоминания.

В статье приводится вся терминология, связанная с праздником — и типичная (общая для большей части чукчей), и нетипичная (дополнительная), с другими значениями. Новая, не известная ранее терминология относится к обозначению праздников первого и второго осенних убоев оленей и праздника установки зимнего жилища. Впервые были опубликованы в таком количестве и фотографические документы по праздникам и обрядам чукчей (25 фотографий).

Статья «Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей», как и следует из ее названия, не предусматривает аналитики. В.Г. Кузнецова видела свою задачу в том, чтобы установить и описать факты, составлявшие культуру амгуэмских чукчей середины XX в., не отказываясь, впрочем, от некоторых сравнительно исторических построений. Так, ряд трудно поддающихся поверхностному наблюдению деталей обряда переноса жилища на новое место, предшествовавший первому осеннему убою оленей, и при этом специфический способ установки яранги позволил автору предположить связь мобильного чукотского жилища со стационарным полуподземным жилищем оседлого населения Чукотки. Ее внимание, несомненно, привлекали и другие чрезвычайно интересные для этнолога факты, например такой: «Небезынтересно остановиться и на таком моменте. В определенных семьях в силу традиций, переходивших из поколения в поколение, глава семьи — мужчина, кроме одежды мужского покроя, имел двойную меховую одежду женского покроя — *кэркэр*. Шился *кэркэр* из лучшего темного оленьего меха с небольшой белой пестриной. К спине пришивались кисти с магическими целями. *Кэркэр* хранился в мешке вместе с другой праздничной одеждой. В течение года его извлекали из мешка не больше двух-трех раз в строго определенные праздники: 1) в праздник разделения стада, 2) во второй осенний праздник и 3) при проведении оленегонных состязаний. В последнем случае иногда владелец *кэркэр*'а одевал его на себя, участвуя в гонках, а в двух первых *кэркэр* раскидывали поверх кибитки» [Кузнецова 1957: 298].

Но вопрос «Почему?» оставался вне сферы ее профессиональных интересов». Очевидно, что стратегия текстуализации полевого опыта ставила на первое место описание, ответ на вопрос «Что?», а не «Как?» или «Почему?». И эта позиция исследо-

вателя хорошо вписывается в ту русскую традицию этнографических исследований, идущую еще от народнической этнографии, в которой «феноменология <...> брала верх над аналитикой» [Соколовский 2011: 212]. Свою задачу В.Г. Кузнецова в соответствии с этой традицией видела в том, чтобы предоставить читателям целостный образ явления, и это позитивистское знание, безусловно, следует считать хорошим результатом экспедиционной работы.

В личном деле В.Г. Кузнецовой имеется составленный ею «Список научных работ», датированный 23 февраля 1955 г. В этом списке, помимо рукописи упомянутой статьи «Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей», значится также рукопись статьи «Жилище оленных чукчей», объемом в два авторских листа. Учитывая крайне короткий период дееспособности, отпущенный судьбой В.Г. Кузнецовой после ее возвращения из экспедиции, можно предположить, что обе эти статьи писались практически параллельно.

В опубликованной статье Варвара Григорьевна отметила, что празднику первого осеннего убоя оленей предшествовало перемещение на несколько метров жилища. Установка яранги при этом имела некоторые особенности. Упомянув в этом контексте такую конструктивную деталь остова яранги, как верхние жерди, называвшиеся уттым, она пишет далее: «Термин уттым в буквальном переводе означает не что иное, как “деревянная кость”, или “деревянная кость”. Применение термина уттым к жердям кочевой переносной яранги, имеющей остов из одних деревянных креплений, является свидетельством перенесения привычного термина, связанного с сооружением полуземлянок из иного строительного материала — китовых костей, на ярангу. Ограничившись попутно высказанным предположением, мы оставляем более детальный анализ как упомянутых терминов, так и всего другого с ним связанного материала для специальной работы о жилище чукчей и возвращаемся к нашей теме» [Кузнецова 1957: 266]. Статья о жилище планировалась к публикации в Сборнике МАЭ (Т. XVII), но, к сожалению, не была опубликована, судьба рукописи неизвестна.

В.Г. Кузнецова также приняла участие в работе над разделом «Чукчи» тома «Народы Сибири» фундаментального многотомного издания «Народы мира» [Антропова, Кузнецова 1956:

896–931]. Раздел обеспечен иллюстративным материалом¹ практически полностью за счет сделанных ею в экспедиции фотографий [Там же: 1956: 903, 905, 908, 912, 915]. В целом же степень участия В.Г. Кузнецовой в этом крупном проекте оценить трудно.

В.Г. Кузнецова прошла (или успела пройти) лишь первый этап своей исследовательской работы. Осмысление и интерпретация собранных ею материалов — задача, все еще остающаяся нерешенной. К сожалению, сама В.Г. Кузнецова не успела и не смогла в полной мере сделать свои полевые материалы достоянием научного сообщества. Ее полевые дневники, лишь отчасти возвращенные из архивного забвения, продолжают ждать заинтересованных исследователей.

1 Использованы негативы: И 1454-231, И 1454-208, И 1454-307, И 1454-570, И 1454-432, И 1454-74, И 1454-387.

ИСТОЧНИКИ

- Кузнецова В.Г. О материальной и духовной культуре чукчей. Амгуэмская тундра. 1948–1951 // Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 334–403. [Полевые дневники].
- Кузнецова В.Г. Личное дело. 1944–1956 // Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 7. [Личное дело].
- Кузнецова В.Г. Предварительное сообщение о поездке к чукчам-оленьводам района Амгуэмы // Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 404 [1954].

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андронов Б.М. Коллективизация по-чукотски // Тропою Богораза. Научные и литературные материалы. М.: Институт Наследия — ГЕОСБ, 2008.
- Антропова В.В., Кузнецова В.Г. Чукчи // Народы Сибири. М.; Л.: Из-во АН СССР, 1956.
- Антропова В.В. Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920–1930 гг.) // Советская этнография. 1972. № 6. С. 19–27.
- Арзютов Д.В., Кан С.А.. Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 45–68.
- Архинчеев И.С. Материалы для характеристики социальных отношений чукчей // ТИЭ. Т. XXXL. 1957: 51.
- Богораз В.Г. К вопросу о применении марксистского метода к изучению этнографии // Этнография. 1930. № 1–2. С. 3–56.
- Богораз В.Г. Чукчи. Авторизованный перевод с английского. Ч. I. Л.: изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1934.
- Богораз В.Г. Чукчи. Авторизованный перевод с английского. Ч. II. Религия. Л.: изд-во Главсевморпути, 1939.
- Вдовин И.С. К автобиографии // Тропою Богораза. Научные и литературные материалы. М.: Институт Наследия — ГЕОСБ, 2008. С. 47–50.
- Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. М.: Наука, 1975.
- Гаген-Торн Н.И. Прокофьевы в Яновом стане // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 91–110.
- Дебеч Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской обл.: Тр. Северо-Восточной экспедиции. Т. I. М., 1951 (ТИЭ. Н.с. Т. XVII).
- Колосовский А.С. Ерухим (Юрий) Абрамович Крейнович — друг и учитель нивхов (1906–1985) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2002. Вып. 6. С. 184–192.

- Кормина Ж. Исследователь и объект исследования // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 60–62.
- Кормина Ж. Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 86–93.
- Кузнецова В.Г. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // Тр. Института этнографии, новая серия. Т. XXXV, Сибирский этнографический сборник II, 1957. С. 263–326.
- Макарьев С.А. Полевая этнография. Краткое руководство и программы для сбора этнографических материалов в СССР / Под ред. В.Г. Богораза-Тана. Издание этнографической экскурсионной комиссии этноотделения геофака ЛГУ. Л., 1928.
- Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней / Отв.ред. Н.Н. Диков. Новосибирск: Наука, 1974.
- Пика А. И. Новые материалы к истории первой советской этнографической экспедиции на п-ов Ямал (1901–1929 гг.) // Советская этнография. 1989. № 6. С. 100–109.
- Руденко С.И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л.: изд-во Главморсевпути, 1947.
- Рытхэу Ю. Скитания Анны Одинцовой. СПб.: Звезда, 2003.
- Сарычев Г. Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога и плавание капитана Галла на судне Черном Орле по Северовосточному океану в 1791 году. СПб., 1811.
- Соколовский С.В. Советская антропология: иллюзия благоволучия // Неприкосновенный запас. 2009. № 1. С. 45–64.
- Соколовский С.В. Бремя традиции: прошлое в настоящем российской антропологии // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 205–220.
- Чистов К.В. Из истории советской этнографии 30–80 годов XX века // Советская этнография. 1983. № 3. С. 3–18.
- Штернберг Л.Я. Краткая программа по этнографии (применительно к быту северных инородцев) // Сборник инструкций и программ для участников экскурсий в Сибирь. СПб., 1914. С. 212–251.
- 1998 Jesup Genealogy: Intellectual Partnership and Russian-American Cooperation in Arctic // North Pacific Anthropology. P. 1. From the Jesup Expedition to the Cold War, 1897–1948. Arctic Anthropology 35 (2). P. 199–226.
- Rapport N. Writing Fieldnotes: The Conventionalities of Note-Taking and Taking Note in the Field // Anthropology Today. 1991. Vol. 7. № 1. P. 10–13.
- Schweitzer Peter P. Siberia and Anthropology: National Traditions and Transnational Moments in the History of Research. Universität Wien, 2001.

Е. А. Михайлова

СКИТАНИЯ ВАРВАРЫ КУЗНЕЦОВОЙ

**Чукотская экспедиция Варвары Григорьевны Кузнецовой.
1948–1951 гг.**

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редактор *М.И. Ильина*
Корректор *Л.Г. Амбросенко*
Компьютерный макет *Н.И. Пашиковской*

Подписано в печать 14.10.2015. Формат 150×240.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 12,3.
Тираж 200 экз. Заказ № .

МАЭ РАН
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, 28
izd_lemma@mail.ru